

Леонид Корниенко

ТРИ СЕМЬИ

(хроника жизни матерей)

МОСКВА
Вест-Консалтинг
2015

Корниенко Л.

Три семьи —

М.: Изд-во Вест-Консалтинг, 2015. — 178 с.

ISBN 978-5-91865-317-3

*В старых альбомах,
Потертых и блеклых,
Между страницами —
Желтые фото.
Лица, фигуры
Заметны кого-то
Словно на грязных,
Засиженных стеклах.*

*Все они выцвели,
Временем стерты.
Только глаза
Смотрят будто живые.
Только глаза!
Все забыто.
Все мертво.
Живы они лишь —
Кричаще-немые.*

© Корниенко Л., 2015

© Вест-Консалтинг — макет, верстка, 2015

«Мать — это наша судьба».
Карл Густав Юнг,
швейцарский психолог и психиатр

От автора

Идея-фикс обозначает явление, выделенное в 1892 году германским психиатром Карлом Вернике, как психическое расстройство. Идея-фикс возникает в обычных жизненных обстоятельствах в тех случаях, когда перед человеком в определенные, очень важные для него моменты жизни вырисовывается приоритетная цель, и он начинает одержимо бороться за ее реализацию. Ясно, что при этом опора идет на реальные факты окружающей жизни. Но эти факты фиксируются в сознании человека выборочно, как важное средство или инструмент для реализации идеи. Таким образом идея становится идеей-фикс. Почти всегда такое положение дел приводит к непредвиденным ситуациям как в жизни самого человека, так и его окружения.

Лет тридцать назад на экранах телевизоров шел австралийский мультфильм, фраза из которого даже сейчас в ходу: «У вас есть план, мистер Фикс? — Есть ли у меня план? У меня тысяча планов!» Этот незадачливый мультипликационный герой, сыщик с говорящей фамилией — мистер Фикс, стал наглядным примером человека, который рьяно, даже назойливо, стремится выполнить возложенное на него задание — помешать главному герою Филеасу Фоггу объехать земной шар за 80 дней. Чего только не придумывает и не предпринимает сыщик, чтобы достичь цели. Непомерное напряжение всех сил приводит мистера Фикса к раздвоению личности. Другими словами, это явное психическое расстройство.

Если обратить взор на что ни на есть самое ценное на Земле — материнство, то без всякого сомнения можно констатировать, что определенная идея-фикс возникает, пусть это звучит парадоксально, и в сознании каждой матери сразу после рождения ребенка. Смысл материнской идеи-фикс прост: ее дитя — лучшее в мире, а значит его судьба должна стать особенной и не такой, как у других. Одной из причин таким мыслям есть чувство собственности, которое неизбежно развивается в сердце каждой матери с ростом ребенка. И каким будет будущее ребенка, зависит исключительно от того, каково собственное воспитание матери и какое у нее понимание жизненных обстоятельств, через которые она проведет своих детей до их совершеннолетия.

Особенно наглядно это можно проследить на примерах жизни матерей, чьи имена сохранила история. И не просто сохранила, а сделала их вехой тех или иных исторических событий.

Таковыми были, например:

Магда Геббельс, супруга министра пропаганды Гитлеровской Германии Иозефа Геббельса;

Мария Александровна Ульянова, жена инспектора Симбирских народных училищ Симбирской губернии Ильи Николаевича Ульянова;

Александра Федоровна Романова, императрица и супруга российского императора Николая Александровича Романова.

Все трое были матерями многодетных семейств, что не удивительно для 19-го века и начала 20-го. Только судьбы их семей и их самих оказались разными. Каждая из этих матерей имела свою идею-фикс. Она и определила цель и смысл жизни каждой, а следом и детей.

Магда Геббельс, став первой леди германского Третьего Рейха, хотела сделать своих шестерых детей маленькими божествами фашистской Германии. Разгром этого государства погубил ее мечту, и она, не желая иной судьбы, УМЕРТВИЛА себя и своих детей

Мария Александровна Ульянова долго не имела детей. Довлеющим для нее стало стремление догнать своих замужних сестер. Но когда семья образовалась, жизнь нанесла страшные удары: старший сын Саша был повешен как заговорщик, средняя дочь Ольга умерла от брюшного тифа, ушел из жизни муж Илья Николаевич, кормилец семьи. Трагедии переиначили сознание Марии Александровны. Главным в ее жизни теперь стало УБЕРЕЧЬ от бед и нищеты своих оставшихся четырех детей.

Александра Федоровна Романова, став императрицей Российского государства и родив четырех дочерей-княжен и сына, больного гемофилией, стала заложницей единственного желания — СПАСТИ сына-престолонаследника от страшного заболевания любой ценой.

Взгляд на причины такого поведения каждой из этих матерей и станет содержанием текста хроники. Основанная на достоверных фактах, исключая всякий вымысел, она все-таки содержит некоторый объем художественных домыслов, авторских рассуждений и взглядов со стороны. Это позволяет в рамках исторического материала найти новые грани его осмысления. Хроника разделена на три части. Каждая имеет свой эпиграф, который перекликается с заключительным обобщением. Какого-нибудь общего вывода автор не делает. Просто обращается к читателю с пожеланием взглянуть в корни своего родового поля и связь с ним через свою мать.

«Будущее нации — в руках матерей».
Оноре де Бальзак,
французский писатель

МАГДА ГЕББЕЛЬС

Йоханна Мария Магдалена Берендт. (нем. Johanna Maria Magdalena Behrend) родилась в Берлине 11 ноября 1901 года

Орхидея чувствительна к настроениям других и часто обладает экстрасенсорными способностями. Она верит во все таинственное и мистическое, собственные переживания предпочитает держать в секрете или окрашивать романтическим флером. *В жизни Орхидеи ничто не происходит просто так; каждая встреча — предзнаменование, каждый пустяк — примета. Орхидея очень суеверна.* (выделено авт.)

О своих планах Орхидея не распространяется: то ли боится взглянуть, то ли не хочет, чтобы ей мешали. Жизненная позиция Орхидеи тверда; *такие люди не поддаются на уговоры, они согласно кивают, но всегда поступают по своему.* (выделено авт.)

Орхидея не признает никаких авторитетов и учится только на собственном опыте. *Иногда совершает непоправимые ошибки, но не жалеет о них, а как будто забывает, хотя толика отчаяния и остается в глубине ее души.* (выделено авт.)

Противоположный пол Орхидея притягивает своей загадочностью, однако иногда партнер разочаровывается в ней, поняв, что возвышенность и утонченность были лишь тонкой игрой. Вообще, *люди часто думают об Орхидее куда лучше, чем она того заслуживает.* (выделено авт.) Как ни жаль, под манящей оболочкой может оказаться милый, но вполне заурядный человек

Родословная Магды неизвестна. Рассказ о ней во всех источниках интернета начинается с того, что мать Магды была Августа Берендт. Забеременела она Магдой от преуспевающего инженера-строителя Оскара Ритшеля, когда служила горничной в его доме. Горничные в зажиточных немецких домах занимались уборкой комнат и выполняли разнообразную работу по дому. Адьюлтер, видимо, тоже имел место. Августе было в то время двадцать лет и она очень надеялась, что инженер теперь обязательно женится на ней. Оскар Ритшель, действительно, согласился жениться на ней, но брак считал формальным. Он спасал этим репутацию молодой горничной и, скорее всего, себя самого. Сооблазнение горничной могло стоить ему карьеры инженера в солидных фирмах.

В 1904 году супруги развелись. Девочка осталась на фамилии матери Берендт. Журналист Захар Гельман писал в статье «Дьяволица. Магда Геббельс: история любви и предательства», что Ритшель «почему-то пугался немигающего взгляда новорожденной... Позже он говорил, что она (Августа Берендт) произвела на свет дьяволицу». Если Оскар Ритшель это и говорил, то, скорее всего, уже после 1931 года, когда получил от своего нового зятя Йозефа Геббельса грубое и вызывающее письмо. Тогда Оскар Ритшель и разорвал с ним, а значит и с дочерью, всякие отношения. Утверждение, что Ритшель заботился о дочери до своей смерти в 1941 году, явно беспочвенное. Она не допускала отца видаться с внуками, как тот не упрашивал ее.

Но это все будет потом. А пока, несмотря на развод, Оскар Ритшель регулярно виделся с маленькой дочерью. Ему нравилась ее пылкость и способность все схватывать на лету, особенно, когда она под его влиянием взялась за изучение буддизма. Не забыл он ее, и когда уехал, спустя некоторое

время, работать в Бельгию. Он настоял, чтобы семилетнюю Магду (то есть, через четыре года после развода с ее матерью Августой Берендт) привезли в Бельгию и определили в католический монастырь в городе Вилворде, недалеко от Брюсселя.

Магда Берендт

К тому времени супругом ее матери Августы стал владелец кожевенной фабрики Рихард Фридендер, еврей по национальности. Любопытная деталь, на их свадьбе свидетелем был сам Оскар Ритшель, биологический отец Магды.

Отчим ее, Рихард Фридендер, удочерил девочку, отнесся к ней, как к родной дочери, и даже переехал следом в Бельгию. В благодарность за это Магда взяла фамилию отчима Фридендер. Хотя, скорее всего, это было желание избавиться от фамилии Берендт, подчеркивавшей ее незаконнорожденность. В монастыре Магда получила глубокие знания. Учеба давалась ей легко и без видимого напряжения. Отчим Рихард Фридендер не жалел средств. Магда научилась свободно говорить по-французки, и главное, утвердила в себе качества, ставшие решающими в ее жизни — самообладание, волю и твердость характера. Все, к чему склонялось ее сердце, становилось ей жизненно необходимым.

ЮНОСТЬ МАГДЫ

В 1914 году началась Первая мировая война. Семья Фридендеров вернулась в Берлин. Магда поступила в гимназию Вернера фон Сименса. Здесь тринадцатилетняя девочка, уже сформировавшаяся в девушку, познакомилась с Виктором Арлозоровым.

Виктор-Хаим Арлозоров

Его родители в 1903 году, опасаясь еврейских погромов, переехали в Германию из России. Бурное чувство друг к другу охватило юных гимназистов. Первые объяснения, надежда быть вместе навсегда, планы на будущее. Более всего о последнем говорил Арлозоров. Он мечтал о создании еврейского государства в Палестине, даже принял имя Хаим. Магда слушала его пламенные речи с замиранием сердца. Желая видеть в ней своего соратника, Арлозоров подарил ей кулон в виде звезды Давида. Магда приняла подарок с благоговением и хранила его многие годы. Правда, в зрелые годы у нее приоритеты поменялись. Кулон Давида сменил золотой партийный значок, подаренный Гитлером. Это будет в буду-

щем, а пока идеи буддизма и католицизма быстро померкли под напором сионистских речей Арлозорова.

Но когда учеба в гимназии закончилась, пути Магды и Виктора разошлись. Он становится студентом университета, изучает экономику. Она продолжает учебу в дорогом пансионе для девиц в Хольцхаузене недалеко от старинного нижнесаксонского города Гослар. Учитя она там всего одну осень, но, наверное, то, что было ясным и захватывающим при общении с Арлозоровым, быстро померкло в кругу девиц с блестящими перспективами стать обеспеченными супругами в буржуазных семьях. Теперь Магда не скрывает от подруг и себя самой, что выгодное замужество — цель ее жизни. За осень учебы в Хольцхаузене ее красоту дополнили изысканные манеры и умение слушать мужчин, не перебивая.

ЗАМУЖЕСТВА МАГДЫ

Магда и Гюнтер Квандт

Осуществление мечты началось уже в первые зимние каникулы.

Магда ехала поездом из пансионата домой. В ее купе вошел хорошо одетый мужчина средних лет и сразу обратил внимание на красивую блондинку с холодным взглядом больших карих глаз. Магда же узнала в вошедшем пассажире Гюнтера Квандта, одного из богатейших людей тогдашней Германии.

Он сделал себе состояние на поставках мундиров войскам кайзера в Первую мировую войну. За несколько месяцев до встречи с Магдой Фридлиндер богач овдовел и уже подумывал о новом браке. Встреча с красавицей Магдой была

для него очень кстати. Магда, в свою очередь, увидела в холемом господине, старше ее на 20 лет, возможность не упустить давно желанный шанс стать светской леди.

Гюнтер Квандт

Квандт был протестантом, Магда незамедлительно перешла из католичества в протестанство. А перед самой свадьбой сменила свою еврейскую фамилию на фамилию своего настоящего отца — Ритшель.

Через несколько месяцев Гюнтер Квандт и Магда Ритшель поженились. 4 января 1921 года в Бад-Годесберге была отпразднована свадьба. А еще через несколько месяцев Магда родила своего первого ребенка — Харальда. Интересно отметить, что в возрасте 20-ти лет Магда стала матерью аж шести детей — помимо Харальда у Гюнтера были два сына от первого брака — Хельмут и Херберт, а также он усыновил троих детей своего погибшего компаньона.

Такое неожиданное превращение изысканной пансионерки в главу большого домашнего хозяйства с многочисленным персоналом ей пришлось не по нраву. Слишком много было всяческих хлопот. Кроме того, лишенный чувства юмора, педантичный до мелочей Квандт был с головой погружен в работу. Никакие развлечения его не интересовали, он жил по строгому распорядку, почти не посещая торжественные приемы и светские рауты. Выгодное, казалось бы, замужество оказалось для жаждущей богемной жизни Магды золотой клеткой.

Само собой пришли воспоминания о Хаиме Арлозорове, который для нее всегда оставался просто Виктором. Она помнила его трепетное отношение к ней и стремление исполнить любые ее капризы. Магда раздобыла адрес Виктора-Хаима в Палестине и написала письмо. Начавшуюся было переписку вскоре обнаружил Квандт, имевший привычку вскрывать все письма, приходящие на имя жены. Разгневанный муж готов был уже подать на развод, но тут ответный ход сделала Магда. Она отыскала в свою очередь в бумагах Квандта какие-то его давние любовные письма и пригрозила представить их на судебном процессе.

Тогда Квандт, чтобы снять напряжение в семейных отношениях, предпринял путешествие с Магдой по Латинской Америке и США. В Нью-Йорке Магда наконец-то получила возможность блистать в лучших салонах и завоевала немалое число поклонников, успела даже вскружить голову племяннику президента США Герберту Гуверу, который предложил Магде немедленно развестись с Гюнтером Квандтом и выйти замуж за него. Но фрау Квандт не пожелала становиться миссис Гувер. Все это было не то, что пока смутно жило у нее в подсознании.

По возвращении из поездки Магда, упреждая разговор с мужем о своей переписке с Арлозоровым, снова намекну-

ла Квандту о его любовной переписке. Формально письма не имели юридической силы, но Квандт решил не раздувать скандала. Миллионер согласился выплачивать Магде ежемесячно 4000 рейхсмарок, что обеспечивало ей безбедное существование. Кроме того, бывший супруг купил ей прекрасную квартиру в центре Берлина, оплатил медицинские страховки, а также обучение своего сына Харальда до достижения им 14 лет. По условиям развода Харальд оставался с матерью до ее нового брака.

Скучающая Магда решила все-таки продолжить отношения с Арлозоровым. Во время одной из поездок Арлозорова в Берлин в 1928 году школьные товарищи встретились вновь, и юношеская влюбленность обернулась сильным чувством. Магда опять прониклась идеями друга юности. По сравнению с холодным и пожилым мужем молодой и увлеченный Арлозоров снова покорила ее своей страстностью и фанатизмом. Их встречи продолжались вплоть до 1931 года. Все это время Арлозоров настойчиво звал Магду переехать с ним в Израиль.

Но Магда не торопилась с переездом. Журналистка Белла Фромм, хорошо знавшая Магду в те годы, отметила позже, что та вряд ли собиралась жить «...в каком-нибудь киббуце в Палестине с оружием в руках и стихом из Торы на устах». Видя ситуацию, которая складывалась в Германии в этот момент, Магда чувствовала, что именно в Германии для нее откроются в скором времени замечательные перспективы. И она не ошиблась.

Магда и Иосиф Геббельс

В начале 1930 года принц Август Вильгельм, сын свергнутого кайзера Вильгельма II, желая развлечь свою пассивную, рафинированную и скучающую Магду Квандт, привел ее

в Берлинский дворец спорта на митинг начинающих свою политическую карьеру национал-социалистов. А уже первого сентября этого же года Магда Квандт получила от партийной ячейки Берлин-Запад удостоверение члена национал-социалистической партии за номером 297442. С рвением отличницы Магда начала штудировать книги «Моя борьба» Гитлера и «Мифы двадцатого века» Розенберга, выписала партийную газету «Фёлькишер беобахтер» и не пропускала ни одной речи Гитлера в прессе. Когда-то она страстно мечтала о будущем сионистском государстве, теперь она безоговорочно была убеждена в превосходстве германской расы, в мировом еврейском заговоре и преступности Версальского мирного договора, лишившего Германию независимости и свободы. Нацистское движение дало ей долгожданную цель. Она не чувствовала теперь себя больше одинокой. Она окончательно поверила, что будущее принадлежит германскому нацизму и ей нужно завоевать в нем самое престижное место. Для этого на кон были поставлены все ее прежние блага, а на вооружение все то, чему она научилась в пансионате в Хольцхаузене.

Магда видела, с каким одобрением и энтузиазмом воспринимала толпа выступления доктора Геббельса, занимавшего в то время пост столичного руководителя нацистов. Она решила во что бы то ни стало познакомиться с ним.

Тридцатитрехлетний доктор Йозеф Геббельс был небольшого роста и с крупной, по сравнению с худеньким телом, головой. Из-за воспаления костного мозга в детстве у Геббельса была так называемая «конская стопа», потому что при ходьбе он подвоякивал ногу. Но Магда словно попала в гипнотическую зависимость от него и призналась матери, что от слов Геббельса ее бросает то в жар, то в холод. Что же касается самого Геббельса, то, после знакомства с ней, он сказал своему секретарю: «Потрясающая женщина!» Геббельс взял Магду к себе на работу. Вначале она трудилась в информационном

отделе берлинского горкома партии, затем занялась личным архивом своего шефа.

Йозеф Пауль Геббельс

15 февраля 1931 года Геббельс пригласил Магду к себе домой. На следующий день он написал в дневнике: «Вечером пришла Магда Квандт. И осталась... Прекрасная женщина! Сегодня я блуждаю, как во сне. И ей, и мне надо еще немного повоспитывать себя, тогда мы будем сказочно подходить друг к другу. Я прекращу все истории с женщинами и посвящу себя ей одной».

Влюбившийся Геббельс решает познакомить Магду с Гитлером. Сам того не ведая, он осуществил тайную мечту Магды: быть представленной самому фюреру. Это произошло в октябре 1931 года в отеле «Кайзерхоф». Гитлер позднее

признался своему помощнику Отто Вагенеру: «Эта женщина может играть большую роль в моей жизни, даже если не будет моей женой. В моей работе она может стать неким женским противовесом...».

Магда еще летом 1931 года поняла, что брак с Геббельсом после прихода к власти нацистов сделает ее первой леди государства. И когда Геббельс предложил ей руку и сердце, она ему не отказала. Свадьбу решили сыграть в декабре. Матери она объяснила: «Я знаю, что делаю. Если нацисты придут к власти, я буду обеспечена всем. А если придут коммунисты, я и так все потеряю».

19 декабря 1931 года Магда и Йозеф поженились. Шафером на свадьбе по робкой просьбе Магды стал сам Гитлер. По традиции шафером на свадьбах становится брат жениха или его лучший друг. Конечно, Геббельс не был другом Гит-

лера, но это была маленькая хитрость Магды, которая объясняется такими ее словами: «Я люблю своего мужа, но моя любовь к Гитлеру сильнее, для него я готова пожертвовать

жизнью. Только когда я поняла, что он не может любить никакую женщину, я дала согласие на брак с доктором Геббельсом, так как теперь я могу быть ближе к фюреру». Герберт Деринг, управляющий домом Гитлера в Бергхофе, часто видел Магду Геббельс в гостях у Гитлера. В своих воспоминаниях он подчеркнул, что «фрау Геббельс с удовольствием поменяла б своего мужа на Гитлера, и такую надежду она никогда не теряла».

Свадебное торжество Магды и Геббельса подпортил 11-летний Харальд Квандт, сын невесты от первого брака. Он неожиданно разрыдался, когда Гитлер погладил его по голове. Почему, можно только догадываться. В мир подростка, жившего в окружении милых сердцу вещей и людей, знавший свою мать как идеал доброты и красоты, ворвались крикливые, одетые в униформу и мятые костюмы, в кепки и шляпы люди. Еще и мама заставила одеть такую же униформу...

Из жен своих сподвижников Гитлер сразу выделил Магду Геббельс. После свадьбы молодоженов он в течение года почти ежедневно навещал дом Геббельсов в сопровождении свиты. Через два года Геббельс был назначен министром пропаганды (1933 год). Магда по сути дела стала «первой леди» Германии и для всех женщин Рейха примером того, какой должна быть арийская женщина. Она получила прозвище «благословенного чрева нации», потому что, следуя идеалам фюрера, стала рожать одного ребенка за другим. Всего у четы Геббельсов родилось пять девочек и один мальчик. В свободное от родов время Магда активно принимала участие в торжественных церемониях, проводившихся в Третьем рейхе. И по-прежнему оставалась красивой. «Прекрасные глаза, искусно оттененные, волна белокурых волос под черной береткой, добрейший взгляд» — такой описал ее некий юрист Юстус Хедеман. Французский же посол в Германии Андре Франсуа Понсе увидел обратное: «Никогда еще я не видел женщины с такими ледяными глазами...»

ПОСТУПКИ МАГДЫ

Магда и Хаим Арлозоров

12 августа 1931 года, за пять месяцев до бракосочетания Магды с Йозефом, состоялось последнее свидание Магды и Арлозорова. Запись об этом есть в дневнике Геббельса, что свидетельствует об откровенных отношениях будущих супругов и обоюдных договоренностях. Первая версия произошедшего на свидании была такой: во время разговора с Магдой Арлозоров в припадке ярости и отчаяния выстрелил, пуля осталась в дверном косяке. Видимо, Арлозоров убедился, что Магда окончательно встала на путь нацизма. Вторая версия, как прошла последняя встреча бывших любовников, наверное, более правдоподобна. Будущая фрау Геббельс написала письмо по известному ей тель-авивскому адресу и пригласила «студента Ганса» (так она именовала в письмах Арлозорова) в Берлин. Не подозревая о подвохе, тот примчался в Берлин. Специально для этой встречи Магда сняла квартиру на одной из тихих берлинских улочек. Люди Геббельса сели в засаду. Когда Арлозоров вошел в квартиру, то сразу же увидел наведенный на него пистолет. Не произнося ни слова, Магда выстрелила. Арлозоров в последнее мгновение успел среагировать и отпрыгнул к стене. Невеста Геббельса выстрелила еще раз и опять промахнулась. Третий выстрел ей сделать не удалось. Придя в себя, Хаим-Виктор выбил пистолет из ее рук. Затем он поднял пистолет с пола и положил в карман. Магда стояла и смотрела немигающим взглядом. Предусмотрительно поднявшись на чердак и перейдя по нему в другой подъезд, Арлозоров сумел незаметно скрыться. Но смерти ему избежать не удалось. Через два года (1933 г.) Арлозоров был убит агентами министра пропаганды на тель-авивской набережной, когда прогуливался по ней с женой Симой.

Магда и смысл жизни для нее в нацистской Германии

Лидерство и всеобщее признание стало для Магды важным моментом личного самоутверждения в образуемом нацистском государстве. Она стала членом союза социального обеспечения в области благотворительности и приняла активное участие в создании германского ведомства моды. В журналах мод того времени стали появляться фотографии Магды Геббельс и других жен высокопоставленных лиц Третьего Рейха. На них была стильная одежда, на головах красивые прически и шляпки, как у всемирно известных актрис. На страницах этих немецких журналов все веяния мировой моды от рекламы парфюмерных изделий до изысканных дизайнов одежды становились красивым иллюзорным миром, который спасал женскую душу от серости и страхов новой реальности. Геббельс нелицеприятно высказал жене свое неудовольствие, что Магда занялась общественной деятельностью. Этого делать жене высшего государственного деятеля не следует. Раздасованная Магда в ответ сделала демонстративный ход. После этого разговора она не поехала с мужем на оперу, где должен был присутствовать Гитлер. Тот заметил отсутствие Магды и потребовал послать за ней. Она явилась незамедлительно. Магда не могла ослушаться фюрера, которому чета Геббельсов была нужна как образцово-показательная семейная пара. Геббельс торжествовал. Скрепя сердцем, Магда была вынуждена отказаться от своих планов. Она поняла, что ей был уготован другой путь, на который она вступила, родив от Геббельса первого ребенка.

По нацистской государственной концепции немецкая женщина не должна была работать. Официальная гитлеровская пропаганда считала, что настоящая немка должна интересоваться только четырьмя вещами, которые в немецком начинаются на букву «К»: Киндер (дети), Кирхе (церковь), Кляйдер (одежда) и Кюхе (кухня). Задачей истинной арийки было только ведение домашнего хозяйства

и воспитание детей. 14 мая 1933 года Магда произнесла по радио речь, посвященную Дню матери. Основная мысль ее состояла в том, что, если перед немецкой девушкой стоит выбор — профессия или семья, то настоящая арийка должна выбрать семью. Это стало теперь смыслом жизни и самой Магды.

В День матери она стала ежегодно выступать по радио с обращениями к немецким женщинам. При присуждении «Почетного креста немецких матерей» (орден по значению приравнивался к высшим военным орденам) она лично проверяла, достойно ли поведение кандидаток на награду и нет ли у них хоть капли еврейской крови.

Сама она за детей, «подаренных ею фюреру», в 1938 году была тоже отмечена этой наградой. Примечательно, что имена всех ее детей начинались с буквы Н, как у Гитлера (Hitler).

И еще один момент, связанный с представлениями нацистов и желанием Магды. В пропагандистком фильме, посвященном программе эвтаназии — умерщвлению неизлечимо больных и неполноценных взрослых и детей, для того, чтобы подчеркнуть уродство несчастных, Магда решила снять на пленку и показать своих здоровых и красивых детей, как прообраз будущей арийской расы в Германии. Идея-фикс Магды обожествить своих детей в глазах нации получала свое реальное воплощение.

Магда и немецкое телевидение

Еще в 1929 году в Берлине по два часа в день шли телепередачи, представлявшие собой пеструю смесь новостей, репортажей, полезных советов, курсов танцев и гимнастики, а также художественных фильмов. 15 мая 1935 года по приказу Геббельса в Берлине открылось четыре телевизионных зала, а к осени — первый широкоэкранный телетеатр на 300 зрителей.

Магда Геббельс предложила мужу устраивать для домохозяек при прачечных и бытовых комбинатах особые комнаты, в которых можно было бы собираться по 30 человек вокруг телефункена (по имени немецкой промышленной компании так назывались первые телевизоры): смотреть, разговаривать, обсуждать увиденное. Геббельс обещал выделить деньги, но не стал этого делать. Геббельс готовился к Олимпиаде. Ублажать домохозяек ему было некогда.

С 1 по 16 августа 1936 года в Германии прошли 11-е летние Олимпийские игры. Ежедневные трансляции с Олимпийских игр смотрели уже в 28 открытых телевизионных залах и театрах. Всего прямой олимпийский эфир просмотро около 150 тыс. немцев. Фюрер остался недоволен — ему были нужны миллионы зрителей.

Геббельс, чувствуя огромный потенциал телевидения, не сдался и назначил 22 апреля 1937 года интендантом германского телевидения Ганса-Юргена Ниренца, официального имперского кинодраматурга. Тот оправдал надежды министра пропаганды. Телевизионная техника получила новый толчок в развитии. Существенно поменялся и репертуар телепередач.

Особое внимание к телевидению вызвали в августе 1937 года кабельные телерепортажи о съезде национал-социалистической партии. Но телепрограммы не очень привлекали зрителей из-за своего однообразия. Вот пример такой телепрограммы на 26 октября 1940 года:

12.30. В рабочий полдень. Слово вождя Трудового фронта.

14.00. Новости.

15.00. Кинохроника военных побед.

17.00. «Их разыскивает народная полиция».

18.30. Слово фюрера.

21.00. Новости.

21.30. Стихи и песни на слова членов Союза немецкой молодежи.

В 22.00 вещание завершалось молитвой членов Союза немецкой молодежи.

И тогда Геббельс, понимая недостаток такого телевещания, снова предложил своей жене Магде и Маргарите Гесс возобновить создание «женских телекомнат».

Продюсерская группа, которую они возглавили, предложила такую телевизионную сетку.

8.00. Повтор вечернего киносеанса «День любви».

10.00. Встреча с актерами фильма «День любви». Дискуссия на тему «Мужчина и женщина».

11.30. Кулинарная программа «Учимся готовить вместе».

Дневной эфир: Музыкальные, семейные и познавательные программы «Читаем детям», «Семейная мозаика».

19.30. Вечерний киносеанс. «Атлантида».

21.00. Перед сном. Читаем нашим детям.

21.30. Письма с фронта.

22.00. Криминальная хроника.

22.30. Семейный час. «Мозаика».

Резолюция Геббельса была саркастической: «Роскошно! Если все это сидеть и смотреть, то чего же еще желать простому человеку?! Зачем работать, зачем воевать?! Тут целый мир уже у тебя дома! Приятно жить в таком мире иллюзий, геноссе, не правда ли? Твой автомат ржавеет, и ты больше не стрелок».

Тем не менее телеэфир в Германии, судя по всему, вышел на два направления: идеологическое и развлекательное. Преградой дальнейшему развитию стала война.

В 1945 году среди развалин рейхсканцелярии были найдены десятки коробок с записями телевизионных программ. На некоторых коробках с пленкой даже имелась пометка: «для кабеля».

Советские журналисты и военные переводчики были поражены: они обнаружили сценарии сериалов, разработки ток-шоу, познавательных и юмористических передач, кроме того записи кулинарных программ, спортивных зарядок, даже «Спокойной ночи, малыши!», своего рода шоу «За стеклом», которое продюсерская группа назвала «Семейные хроники. Вечер Ганса и Гели». Это были съемки в реальном времени, которые показывали обычный семейный вечер молодой пары.

Это были плоды работы Магды Геббельс. Они на полвека опередили современную сетку телеканалов.

Магда и отчим Рихард Фридендер

Отчим Магды 57-летний Рихард Фридендер пришел к ней, потому что его семья умирала от голода. Шел 1938 год. Бывший фабрикант и бывший офицер германской армии, дважды раненный в Первую мировую войну, был давно разорен. Наивный Фридендер попытался разжалобить свою любимую падчерицу. Вскоре он горько пожалел, что напомнил ей о себе.

Рихарда Фридендера вначале направили на принудительные работы на берлинский завод газового оборудования. А 15 июня этого года его арестовали прямо на рабочем месте и в числе 2000 евреев, схваченных в эти дни, направили в концлагерь Бухенвальд. Это стало известно из сохранившейся книги учета поступивших в концлагерь за июнь месяц. Заключенные мостили улицы камнем с 6 до 20 часов. К октябрю 1938 года от непосильного труда в лагере умерло более 100 человек, в том числе и Рихард Фридендер. В свидетельстве о смерти, выданном 18 февраля 1939 года, указано, что он умер от «недостаточности сердечной мышцы при воспалении легких». Вдова Фридендера получила по почте урну с его прахом, заплатив наложенный платеж: 97 рейхсмарок. Что в такую оплату вошло, трудно судить. Оплата труда паталогоанатома или санитаря-регистратора, использование крематория, стоимость урны, затем ее пересылка по почте. Да впрочем, какая разница! Это была его конечная оплата по счетам за опеку над падчерицей Магдой.

Магда и Лида Баарова

Супружеская пара Геббельсов разыгрывала перед немецким народом жизнь образцовой семьи. «Дядя фюрер» этому с удовольствием подыгрывал, а иллюстрированные издания печатали трогательные фотографии Гитлера, где были запечатлены он и дети семьи Геббельсов.

Однако эта идиллия была обманчивой.

Магда многое знала о любовных интрижках мужа. Настоящим испытанием для семьи стала в 1936 году чешская актриса Лида Баарова.

Баарова и ее жених актер Фрëлих были соседями семьи Геббельсов в фешенебельном пригороде Берлина Шванендер. Через несколько месяцев, после настойчивых ухаживаний Иосифа Геббельса, между ним и актрисой вспыхнул страстный роман, который продлился более года и стал достоянием общественности.

Ради Лиды Бааровой Геббельс был готов даже развестись со своей женой. Осенью 1937 года любовники решили, что она, сама Баарова, должна поговорить с Магдой. Их встреча состоялась. Магда сказала Лиде: «Я — мать его детей и заинтересована только в том, чтобы в нашем доме всегда царили порядок и благополучие. Меня не интересует то, что происходит за его стенами. Можете встречаться, только вы должны пообещать мне не рожать от него». Она чувствовала полное право на такое заявление. Она была беременна и к весне следующего года ожидала рождение очередного ребенка. Подкидыша от Геббельса в кругу ее божественных детей Магда себе даже не мыслила.

Кроме того, в отместку мужу за Баарову, Магда решила пойти на супружескую измену с одним из сотрудников мужа

Карлом Ханке. Тот по ее просьбе выкрал и сделал копии любовных писем и список подружек Геббельса. Этим Магда хотела аргументировать свою просьбу перед Гитлером о разводе. Правда, она не учла того, что Карл Ханке сам потерял голову от страсти к ставшей такой доступной высокопоставленной светской даме и пошел за разрешением на ее развод и свой брак с ней к самому Гитлеру. В свою очередь и Геббельс попросил у Гитлера отставку, чтобы, разведясь с Магдой, уехать с Бааровой за границу.

Связь Геббельса с чешкой в то время, когда Гитлер планировал оккупацию родины актрисы, была более чем неподходящей. Гитлер пришел в ярость от этой идеи развода министра пропаганды с «первой леди» Третьего рейха. Геббельс сам во всех речах подчеркивал незыблемость брака и семейной жизни для немцев. А тут такой поворот! Гитлер в ультимативной форме потребовал, чтобы Геббельс остался в семье в течение года, после чего, сохранится ли этот брак или нет, решит сама Магда. А Баарову велел немедленно выслать домой в Чехию. Ей купили билет и отправили в Прагу.

27 января 1939 чета Геббельсов подписала новый брачный контракт, и мир в семье формально был восстановлен и с тех пор не нарушался. И Магда, и Йозеф поняли, что ни один из них себе не принадлежит, и им предстоит следовать за обожаемым фюрером до конца.

Геббельс открыто говорил с женой даже о самых тайных сторонах всего, что он курировал, и не скрывал от своей жены, каким образом реализуется «окончательное решение еврейского вопроса» и каковы планы будущих акций уничтожения второсортных наций. Потому, в отличие от большинства немцев, Магда точно представляла себе гигантские масштабы созданных гитлеровцами фабрик смерти. Однажды Магда пожаловалась свояченице Элеоноре Квандт, что она услышала от мужа о концлагерях Аушвице и Освенциме:

«Ты просто не можешь себе представить, какие чудовищные вещи он мне сообщил. Я просто не выдержу этого, и нет никого, кому бы я смогла довериться и облегчить свое сердце и даже тебе. Этого нельзя никому рассказать. Он вываливает все на меня, потому что ему самому немогуту».

Но вела себя Магда в обществе при всем при этом, говоря языком фашистских характеристик, «нордически».

Так например, 14 марта 1945 года, как и каждый год, госпожа Магда Геббельс пришла со своими шестью детьми поздравить с днем рождения гинеколога Штёккеля, который помогал их появлению на свет. Она сказала: «Сегодня, мой дорогой господин тайный советник, мы не сможем как следует отметить этот праздник. Но вскоре, когда господину Сталину здорово достанется и Гитлер во главе объединенной Европы победит Россию, мы снова отпразднуем ваш день рождения так же хорошо, как и раньше». Из окна квартиры Штёккеля были видны баррикады. Госпожа Геббельс не могла не знать, зачем они построены, но спросила госпожу Штёккель, что бы это могло значить, и услышала робкий ответ, что это баррикады для уличных боев. Штёккель записал потом в своем дневнике: «И госпожа Магда с величайшим оптимизмом заметила: „Ах, это сделано лишь для успокоения народа, практически же это ничего не значит“».

Ложь Геббельса стала ее вторым «Я». Этой ложью, со всей очевидностью, она стала скрывать свой страх перед неиз-

бежностью краха всех ее стремлений и надежд быть и оставаться навсегда «первой леди» в нацистской Германии, видеть своих детей глаными божествами немецкой нации.

Какими они были, ее дети?

ДЕТИ МАГДЫ

Групповое фото семьи Геббельсов 1942 года.

Вверху слева направо: Хильда, Харальд, Хельга.

Внизу слева направо: Хельмут, Хедда, Магда, Хейда, Йозеф и Хольда

Имя	Оригинал имени (нем.)	Дата рождения
Харальд Квандт	Harald Quandt	1 ноября 1921
Хельга Сюзанна Геббельс	Helga Susanne Goebbels	1 сентября 1932
Хильдегард (Хильда) Траудль Геббельс	Hildegard Traudel Goebbels	13 апреля 1934
Хельмут Кристиан Геббельс	Helmut Christian Goebbels	2 октября 1935
Хольдине (Хольда) Катрин Геббельс	Holdine Kathrin Goebbels	19 февраля 1937

Имя	Оригинал имени (нем.)	Дата рождения
Хедвиг (Хедда) Йоханна Геббельс	Hedwig Johanna Goebbels	5 мая 1938
Хейдрун (Хейда) Элизабет Геббельс	Heidrun Elisabeth Goebbels	29 октября 1940

Харальд Квандт (1 октября 1921)

По решению бракоразводного процесса между Магдой и Гюнтером Квандтами, в случае ее повторного брака, их ребенок — Харальд, должен был переехать жить к отцу. Магда вышла замуж за Йозефа Геббельса. Харальд стал жить с отцом, но посещал мать каждую неделю, потом каждый день, в конце-концов, он в 1934 году переехал жить к матери — в семью Геббельсов. Вслед за Харальдом в гости к Геббельсам зачастил и его отец — Гюнтер Квандт. Где бизнес, там нет места ревностям, есть только поиск выгоды. А ее Гюнтер Квандт поимел от общения с Геббельсом с лихвой. Он был возведен в ранг Wehrwirtschaftsfuehrer (производитель оружия для армии). Его предприятия получали рабочую силу бесплатно из близлежащих концлагерей. К концу войны Квандту принадлежало почти 200 заводов и фабрик, производивших военную униформу, танки, грузовики, аккумуляторы для подлодок VARTA и многое другое.

Во время Второй Мировой войны Харальд служил лейтенантом в Люфтваффе. В конце 1944 года в небе Италии он был сбит и раненый попал в плен к англичанам. Геббельсу сообщили об этом. Магде он рассказал о ранении Харальда, но о пленении нет.

10 февраля 1945 года Магда отправила письмо своему старшему сыну Харальду:

«Мой милый сын! Прошло уже четыре недели с тех пор, как я писала тебе последний раз; я много думала о тебе в это

время и боюсь, что и ты волнуешься за нас, потому что положение действительно не блестящее. Не беспокойся, все мы здоровы и заняты делами; наш дом в Ланке мы закрыли и переехали в Берлин, чтобы быть всем вместе.

Несмотря на бомбежки, наш дом в Берлине пока цел, и мы ни в чем не нуждаемся, в том числе и бабушка (Катарина Мария Геббельс), и другие родные. Дети веселы и довольны тем, что не нужно ходить в школу. Слава Богу, они не понимают, что творится вокруг! Что касается папы и меня, то мы вполне уверены в себе и будем до конца исполнять свой долг.

С ноября я не получала от тебя известий, но папа сказал, что ему о тебе сообщали и что тебе лучше. Все же напиши скорее и поточнее, как твои раны, что с ними: сколько ты потерял зубов, и сильно ли мешает ходить рана на бедре.

Обнимаю тебя от всего сердца; мои мысли всегда с тобой. Твоя мама».

Харальд был в плену до 1947 года. Отец его, Гюнтер Квандт, желая помочь сыну встать на ноги, предложил ему после возвращения из плена часть своего бизнеса, но таланта военного летчика для полноценной работы в бизнесе было мало. И Харальд с 1949 по 1953 год учится на инженера-механика. В начале 1950-го года Харальд женился на дочери адвоката Инге Бандеков (1928–1978). За 17 лет брака у них родилось пять дочерей: Катарина Геллер (1951), Габриэле Квандт-Лангеншайдт (1952), Аннет Мэй-Тайс (1954), Колин-Беттина Розенблат-Мо (1962) и Патриция Хальтерман (1967–2005).

В 1954 году Гюнтер Квандт умер. В завещании всю свою промышленную империю он передал в наследство двум сыновьям — Харальду и его старшему сводному брату Херберту.

К тому времени братья Квандт начали активно заниматься автобизнесом. Им принадлежало 10% акций фирмы Daimler — Benz и около 30% акций компании BMW. В начале 60-х в руководстве компании BMW начались разногласия. Был даже поднят вопрос о выпуске на сборочных линиях

компании автомобиля Мерседес. Но в последний момент братья вложили в умирающую компанию личные средства и расширили свой пакет акций до 50%. Этим они, по сути дела, взяли управление компанией в свои руки. Мера оказалась действенной, и дела у компании BMW пошли на поправку. Теперь BMW самый популярный немецкий автомобиль, завоевавший Европу и почти весь мир.

Харальд погиб 22 сентября в 1967-м году в возрасте 45 лет, разбившись на спортивном самолете в Итальянских Альпах возле города Кунео.

Хейда (29 октября 1940)

Самая младшая в семье Геббельсов. Ее называли «дитя примирения». Она появилась на свет через 9 месяцев после заключения Магдой и Йозефом брачного контракта по настоянию Гитлера. Всеобщая любимица как в семье, так и во всем окружении, отличалась большой любознательностью и пытливостью. Во всем хотела убедиться сама, не беря на веру чьи-то слова. Упав или поранившись, никогда не плакала. Но не прощала обид и была в таких случаях даже мстительна. На любой запрет отвечала отпором и по-

рой делала назло. Но как только с ней заговаривали открыто и по-доброму, быстро оттаивала. Ее юный острый ум не признавал компромисов и каких-либо оттенков в отношениях. Все вокруг нее делилось на белое и черное.

Хедда (5 мая 1938)

Родилась в самый разгар любовной связи отца с актрисой Бааровой. Видимо, как никто другой прочувствовала переживания матери, ревниво тянулась к ней. Будучи подвержена простудам, собственнически пользовалась этим, чтобы держать мать возле себя. Еще одной чертой у нее была любовь к сладостям. Магде приходилось ласково, но настойчиво одергивать дочь, применяя порой наказания в виде лишения развлечений или сладкого. Более суровых мер применять, Магда знала, было нельзя. Хедда очень остро воспринимала душевную и физическую боль.

Хольда (19 февраля 1937)

Называли в шутку «семейным тираном». Очень похожая на мать, она постоянно поддразнивала своих сестричек, брата и приходивших в гости детей. Пренебрежение к окружающим чаще всего происходило от ее полного погружения в свои интересы, свои игры. Она обожала вского рода шумные сборища и быть в них предводителем. Меньше всего ее волновало, во что она одета. Ей было все равно, что надеть даже по случаю торжественного события. Магде часто приходилось мягко, но настойчиво давать советы по этому поводу.

Хельмут (2 октября 1935)

Единственный мальчик у четы Геббельсов. С самого рождения Хельмут отличался от всех медлительностью и мечтательностью. Врачи разводили руками. Магда понимала, что

причиной этому могла быть она, вернее, ее организм. Выкидыш после рождения первой дочери, роды второй дочери и все это в течение трех лет подряд! И она начала активную борьбу с неторопливостью малыша. Играла в игры с ним в доступном ему темпе, приучала к соблюдению режима дня, ободряла и хвалила за успехи, ни в коем случае не сравнивая их с успехами сестер. В конце концов, Хельмут «проснулся» и в школу в 1942 году пошел наравне со сверстниками.

Хильда (13 апреля 1934)

Самая красивая среди своих сестер. Отличалась энергичностью, даже взрывным характером, но загораясь какой-либо идеей, быстро остывала и бросала начатое. Это исходило от ее неприятия всякой рутины. Потому танцы и всякие подвижные игры были ее коньком.

Хельга (1 сентября 1932 года)

Любимица Адольфа Гитлера, не по годам отличалась здравомыслием, так как от природы обладала сильным и ясным разумом, хорошим вниманием и цепкой памятью. В любом начинании она старалась найти рациональное зерно, чтобы справиться с кропотливой однообразной работой, требующей внимания и сосредоточенности. Она была реалистом в большей степени, чем о ней думала Магда. Все это было вызвано тем, что она была не слишком общительна и предпочитала держаться в стороне. Поэтому в ней такой острой была нужда в любви, уверенности в чьих-либо чувствах и понимании. Она рано стала понимать, что в словах матери и отца много противоречащего тому, что она наблюдала в жизни. Единственным другом и первой ее любовью стал в это время Генрих Лей, сын министра Трудового Фронта Роберта Лея. Мать Генриха, Маргарита, была сестрой Рудольфа Гесса и занималась с Магдой Геббельс созданием немецкого

телевидения. Дружба подростков была подпитана не только первыми взаимными чувствами, но и необычным делом, к которому их привлек дядя Генрих Гиммлер.

В 1935 году тот создал институт по исследованию культурного вклада прагерманских племен в мировую историю под названием «Наследие предков» (в переводе на немецкий язык «Аненербе») и стал его президентом и уполномоченным. Изучались рунические письмена, основы символизма, лингвистика, история ариев и многое другое. Одним из направлений поисков ученых из СС было обоснование превосходства арийской расы и ее права на мировое господство и поиск доказательств неполноценности других народов. Местом зарождения арийской цивилизации учеными «школы СС» была определена Средняя Азия, район пустыни Гоби, Памир, Восточная Европа. В эти районы, начиная с 30-х гг., начинают ездить многочисленные экспедиции. Особенно тщательно изучался Тибет, ритуалы воссоздавались на основе исторической памяти (видений) людей, принадлежавших к известным в истории Германии родам, а также использовались элементы ритуалов десятков тайных орденов. В Берлине и Мюнхене появились колонии тибетцев и индусов, предназначенных для передачи «ученым» из Аненербе тайных знаний своих религий. Гиммлер бредил идеей поставить на службу нацизму «дремлющие» в «наследниках» парапсихологические способности. Чтобы построить идеальное государство, необходимо не только уничтожить всех главных «отравителей крови», но необходимо собрать под его знамена всех обладателей «чистой» крови, в чьих бы жилах она ни текла: немца или, предположим, тибетца. Отобранные для этой цели группа взрослых не справились с предложенной программой обучения.

«Кому проще вернуться к истокам? Конечно, тем, кто еще недалеко от них отошел...» — написал Гиммлер в одной из своих служебных записок и... предложил набрать новых учеников. Теперь это будут... дети! Для эксперимента Гиммлер затребовал у вождей рейха их чад. Первым учеником

стал Генрих Лей. «...Сахиб объяснил мне, что я могу с его помощью попытаться восстановить мою историческую память, пока я еще так молод. Он предложил мне собрать нескольких моих друзей и привести к нему на первый урок. Я подумал о Хельге Геббельс... Кто же еще? Может быть, Кронци, сын рейхсляйтера Бормана...»

Вся дальнейшая история жизни Хельги до самой смерти напоминает невероятную легенду. О ней было рассказано в 2008 году в средствах массовой информации. Вот ее краткое изложение.

Сахиб, о котором было сказано в дневнике Генриха Лея, появился в их доме весной 1939 года как телохранитель. С собой он принес некие «трубки с глазом», предназначенные для переговоров на расстоянии и ... незаметной съемки происходящего. Одну из этих трубок он, спустя некоторое время, дал Генриху. Хельга и Генрих к тому времени были уже дружны. Естественно, он не мог не рассказать подруге о подарке Сахиба. Она предложила снять фильм о гитлерюгенде. Фильм получился очень мрачным и жестоким, вызвал недовольство даже самого Геббельса. Хельга написала другу:

«Генрих! Если бы папа (*Иозеф Геббельс*) увидел то, что ты снимал во время драки! Нет, придется нам снимать что-то другое, смешное, например. Чего большим «иконоскопом» (*телекамерой*) не снимешь, можно незаметно снять твоей «трубкой с глазом»... Хорошо бы Сахиб сделал и мне подарок. Тогда мы с тобой сможем одновременно снимать и переговариваться».

«Трубку с глазом» (*мобильник!*) Хельга получила, когда стала учиться с Генрихом у Сахиба, за успехи в освоении древнего рунического письма. Нужно отметить, что они даже переписывались на нем, чтобы скрыть свои юношеские тайны от родителей. А скрывать, видимо, было что.

«Этот ребенок протестует против всего., я с ней уже не справляюсь. Возможно, это возраст., и это пройдет... Хельга — самый сложный мой ребенок. Этот маленький

бунтарь может разрушить все, из-за нее очередная ссора... Я вынужден был проявить строгость... Может быть, чрезмерную?.. Надеюсь, когда она повзрослеет, то поблагодарит меня за принятые к ней меры...», — записал Геббельс в дневнике 4 февраля 1945 года.

Но Хельга не повзрослела и не поблагодарила отца. А также и свою мать, которая за три дня до этой записи, приняла «судьбоносное» решение о будущем своих детей-ангелочков.

Решение Магды

Магда со свойственным ей трезвым взглядом на происходящее отчетливо понимала, что с падением нацистского режима в Германии ее ждет жестокая расправа. Этого она боялась меньше всего. Все мог быстро решить цианистый калий. Но как быть с обожаемыми детьми?

21 января 1945 года референт Геббельса по вопросам печати Вильфред фон Овен записал такие слова Магды в своем дневнике: «Мы с мужем уже давно решили покончить с жизнью... Но что меня еще волнует, так это судьба детей. Конечно, я понимаю, что не имею права допустить, чтобы из-за того, что они наши дети, они стали беззащитными и бесправными жертвами еврейской мести».

А 29 января Вильфред фон Овен записывает уже свои наблюдения: «Госпожа Геббельс безудержно плачет. Она еще не пришла ни к какому решению о судьбе своих детей...».

1 февраля 1945 года Иосиф Геббельс отмечает в своем дневнике: «Я объявил фюреру, что моя жена твердо решила остаться в Берлине и отказывается отдать куда бы то ни было детей».

В тот же день, 1 февраля 1945 года, Магда, походив по уцелевшему от бомбежек берлинскому шляпному са-

лону, заказала зеленую бархатную шляпу, черный тюрбан и коричневую матерчатую шляпу с норкой. Сумма заказа — 220 рейхсмарок. Таковой стала стоимость будущего ее детей.

Начало конца

Через три месяца, 22 апреля 1945 года в 17.00 семья Геббельсов, двое взрослых и шестеро детей, прибыли в бункер Гитлера.

Подземная резиденция Адольфа Гитлера состояла из двух этажей. На верхнем этаже были кухня и склады, комнаты для охраны и obsługi. Магда с детьми заняли четыре комнаты здесь. На нижнем этаже шесть комнат занимали Гитлер и Ева. В комнатенку напротив апартаментов фюрера вселился Иозеф Геббельс.

По одной версии, Гитлер сам потребовал переселения семейства Геббельсов в свой бункер. По другой версии, наоборот, Геббельс сам попросился в бункер, и Гитлер только и мог сказать своему министру: «Поступайте, как хотите. Я уже не отдаю приказов». Как бы там ни было, дети Геббельсов приехали на смерть, и Хельга об этом скоро догадалась.

ФИНАЛ ЖИЗНИ

Десять последних дней своей жизни Магда и дети прожили в бункере. Лучше всего об этих днях могут поведать письма Магды сыну Харальду и Хельги другу детства Генриху Лею.

Письма считаются подлинными и каждое со своей историей.

Письмо Магды

Письмо Магды — это яркая характеристика поведения Магды Геббельс в последние дни жизни и ее отношение к будущему своих детей.

«Мой дорогой сын! Мы уже шесть дней живем здесь, в этом бункере. Здесь все мы: твой папа, пять твоих маленьких сестреночек и братишка, и я, — закончим свою жизнь как национал-социалисты, единственно возможным и достойным способом. Не знаю, дойдет ли до тебя это письмо. Мо-

жет быть, все же найдется душа, которая передаст тебе мой последний привет. Ты должен знать, что я здесь осталась против воли твоего папы, и фюрер еще в прошлое воскресенье предлагал мне помощь, чтобы выбраться отсюда.

Ты меня знаешь, ведь мы — одна кровь! У меня не было сомнений. Наша идея для меня — все: все прекрасное, доброе и благородное, что у меня было в жизни. *Мир, который настанет после ухода фюрера и национал-социализма, не стоит того, чтобы в нем жить; поэтому, уходя из жизни, я возьму с собой и детей.* Им будет плохо в той жизни, которая настанет после нас; поэтому милостивый Бог простит меня за то, что *я сама дам им избавление.* Ты же должен жить, и я прошу тебя только об одном: никогда не забывай, что ты — немец; не совершай поступков, противных твоей чести, и не делай ничего такого, что бросило бы тень на нашу смерть.

Дети ведут себя чудесно! Они обходятся без всякой помощи в этих странных обстоятельствах. Сами укладываются спать, сами умываются, сами кушают — и все без плача и хныканья. Бывает, что снаряды рвутся прямо над бункером, и тогда старшие прикрывают младших, и их присутствие здесь — это милость Божия, хотя бы потому, что их смех, который иногда звучит, ободряет нашего фюрера. Вчера вечером фюрер снял свой золотой партийный значок и прикрепил мне на платье; я была счастлива и горда. *Дай Бог, чтобы у меня хватило сил совершить свой последний и самый тяжелый долг.* У нас теперь только одна цель: быть верными фюреру и умереть вместе с ним; ведь то, что мы можем окончить жизнь рядом с ним — это милость судьбы, которой ни в коем случае нельзя пренебречь!

Харальд, милый, я хочу передать тебе самое ценное из того, чему научила меня жизнь: будь верен себе, будь верен людям и будь верен своей стране — как бы не препят-

ствовали тебе обстоятельства! Заканчиваю; этот лист дописан, а новый начинать тяжело; не знаю, что еще сказать; хотя *я хотела бы отдать тебе всю свою любовь и все свои силы и забрать у тебя всю печаль о нашей гибели.* Держись достойно, постарайся вспоминать о нас с гордостью и радостью. Каждый человек должен когда-то умереть, и кто знает, что лучше: жить недолго, но достойно и умереть мужественно или терпеть долгие дни позора и унижений!

Ну все, надо отдавать письмо: его увезет с собой Ханна Рейч, она отсюда улетает. Я обнимаю тебя — искренне, от всего сердца, со всей материнской любовью! Мой милый сын, живи для Германии! Твоя мама».

Это прощальное письмо от своей матери, Магды Геббельс, Харальд Квандт получил весной 1945 года в лагере военнопленных в Бенгази в Ливии.

Выделенное в тексте письма не хочется комментировать. Но невооруженным глазом видно, что сердце любящей матери и ее одержимость нацистской идеей окончательно вступили в страшное противоречие, в котором победу одержало последнее.

Письмо Хельги

Содержание письма Хельги и особенно выделенные автором места для вдумчивого читателя дают безграничный простор для осмысления прочитанного. Дети Магды не были бессловесными овечками для заклания. Они любили мать, верили ей, безропотно сносили тяготы жизни в бункере. Но пытающейся понять, почему все так происходит, была только

Хельга. Ее письмо представляет собой дневник-размышление глубоко думающей 13-летней девочки-подростка.

«Мой дорогой Генрих!

Я, может быть, неправильно поступила, что не отправила тебе того письма, которое написала в ответ на твое. Я, наверное, должна была его послать, и я могла бы — передать с доктором Мореллем (*личный врач Гитлера с 1936 по 1944 год*), который сегодня уехал из Берлина. Но я перечитала свое письмо, и мне стало смешно и стыдно за себя. *Ты пишешь о таких сложных*

вещах, о которых нужно много думать, чтобы их понять, а я со своей вечной торопливостью и папиной привычкой всех поучать отвечаю совсем не так, как ты, наверное, ждешь от меня. Но теперь у меня появится время обдумать все; теперь я смогу много думать и меньше куда-то торопиться. Мы сегодня днем (22 апреля 1945 г.) переехали в бомбоубежище; оно устроено почти под самой рейхсканцелярией канцлера. Тут очень светло, но так тесно, что некуда пойти; можно только спуститься еще ниже, где теперь кабинет папы и сидят телефонисты. Не знаю, можно ли оттуда звонить. Берлин очень сильно бомбят и обстреливают из пушек, и мама сказала, что тут безопасно, и мы сможем подождать, пока что-то решится. Я слышала, говорили, что самолеты все еще взлетают, и папа мне сказал, чтобы я была

готова помочь маме быстро собрать маленьких, потому что мы, может быть, улетим, на юг.

Я буду думать над твоим письмом и буду писать каждый день, как ты это делал для меня во время той болезни...

Мне бы хотелось улететь! Здесь повсюду такой яркий свет, что даже если закрыть глаза, то все равно светло, как будто солнце светит в голове, и лучи выходят прямо из глаз. Наверное, от этого света я все время себе представляю тот корабль, на котором вы плыли в Америку: как будто я с вами: мы сидим на палубе — ты, Анхен (*сестра-двойняшка Генриха Лея*) и я и смотрим на океан. Он вокруг, он повсюду, он очень светлый, мягкий и весь переливается. И мы качаемся на нем и как будто никуда не движемся. А ты говоришь, что это только так кажется; на самом деле мы очень быстро плывем к нашей цели. А я спрашиваю тебя — к какой цели? Ты молчишь, и Анхен молчит: мы обе ждем ответа от тебя.

Только что заходил папа, спросить, как мы устроились, и велел ложиться спать. Я не легла. Потом мы с ним вышли из спальни, и он мне сказал, чтобы я помогала маленьким и маме. Он мне сказал, что теперь многое изменилось, и он очень на меня рассчитывает. Я спросила: «Ты будешь мне приказывать?» Он ответил: «Нет. Больше никогда». *Генрих, я не победила! Нет, это не победа. Ты был прав: нельзя, глупо желать победить волю родителей. Можно только оставаться самим собой и дожждаться.* Как ты был прав! Я прежде не могла выносить его взгляда, этого его выражения, с каким он выговаривает и Гюнтеру (*первый муж Магды, поддерживавший деловые отношения со всеми высокопоставленными нацистами, в том числе и с Геббельсом*), и герру Науману (*статс-секретарь Министерства пропаганды, ближайший сотрудник Геббельса*), и мне! А теперь мне стало его жалко. Лучше бы он накричал.

Я пойду спать. Пусть он думает, что я подчинилась. Анхен бы не одобрила. Но ты все понимаешь, все, все! *Мне так грустно. Лучше бы мы остались наверху. ...*

...Приходила Блонди (овчарка Гитлера). Она привела щенка. Ты помнишь Блонди? Она внучка Берты. Блонди, наверное, как-то отвязалась, и я ее решила отвести вниз.. Папа не велел туда ходить без разрешения. А я, решившая быть послушной.., я пошла. Я хотела только отвести Блонди фрейлейн Браун, но вспомнила, что она очень ее не любит. И я села с Блонди в одной комнатке и стала ждать. Блонди на всех рычала, кто заходил, и вела себя странно. За ней пришел герр Гитлер, она только с ним пошла. Герр Гитлер мне сказал, что я могу ходить здесь повсюду, где мне хочется. Я не просила; он сам мне разрешил. Может быть, я этим воспользуюсь. Здесь, внизу, все выглядит странно; иногда я не узнаю знакомых мне людей: у них другие лица и другие голоса. Помнишь, ты мне говорил, что после той болезни (*нервный срыв во время еврейских погромов в т. н. Хрустальную ночь с 9 на 10 ноября 1938 года*) ты не мог никого сразу узнавать? Я тогда не могла тебя понять, а теперь понимаю. Я тоже как будто чем-то переболела. Если бы можно было поплавать с Людвигом (*Маргарита Гесс, чтобы спасти психику Генриха, возила его во Францию на купание в бассейне с дельфином*)! Я забыла тебя спросить, сколько живут дельфины! Я тебе признаюсь: я написала рассказ про Людвига, как он спас одного мальчика. Это не совсем все, как было; есть и мои фантазии. Мне так хочется тебе его показать. Я в этом рассказе думала над каждым словом. Я завтра тоже буду писать только важное, а то, наверное, тебе будет скучно читать про то, как я тут ничего не делаю, и мысли все разбежались. Мне почему-то хочется просто сидеть и писать тебе, просто так, обо всем: я представляю себе, что мы как будто сидим в нашей беседке, в Рейдсхольдсгрюне и разговариваем. Но я это вижу недолго — опять корабль, океан... Мы не плывем, никуда не движемся, но ты говоришь, что

это не так. Откуда ты это знаешь? Если бы я могла показать тебе рассказ, ты бы сказал, *есть ли у меня способности или нет? И что важнее: талант или опыт, знания? Что интереснее в пересказе? Папа мне говорил, что в моем возрасте исписал ворохи бумаги, но все зря, потому что в таком возрасте нечего сказать и нужно помнить — из «Фауста»: ... кто мыслью беден и усидчив, кропает понапрасну пересказ заимствованных отовсюду фраз, все дело выдержка-ми ограничив». А я сейчас вспомнила другие строчки: «Когда всерьез владеет что-то вами, не станете вы гнаться за словами...» Я написала рассказ, потому что очень люблю Людвига. Я его люблю больше почти всех живых существ на свете, хоть он всего лишь дельфин. Он ведь тебя вылечил.*

Опять заходил папа. Он сказал, что все с нами будет хорошо.

Сегодня по Вильгельмштрассе прошли русские танки. Все об этом только и говорят. Еще говорят, что президент Геринг изменил фюреру, и его за это уволили с поста.

Мама плохо себя чувствует; у нее болит сердце, и мне приходится быть с маленькими. Мои сестрички и брат ведут себя хорошо и меня слушаются. Папа велел разучить с ними две песни Шуберта. Я пела им твою любимую; они повторяли, на слух. Еще я стала им читать на память из «Фауста»; они слушали внимательно, с серьезными лицами. Хайди ничего не понимает, думает, что это английская сказка. А Хельмут спросил, может ли и к нам тоже прилететь Мефистофель. И знаешь, что мы все начали после этого делать? То есть это, конечно, я предложила, а они поддержали. Сначала я думала, что это будет просто игра, развлечение для маленьких. *Мы стали загадывать, кто и о чем бы попросил Мефистофеля! Я и сама стала загадывать, а потом опомнилась. Я им объяснила, кто такой Мефистофель и что не нужно ни о чем просить, даже если он вдруг сюда явится.*

И я решила с ними помолиться, как учила бабушка (Катарина Мария Геббельс). Когда мы стали молиться, к нам зашел папа. Он ничего не сказал, только стоял молча и слушал. При папе я не смогла молиться. Нет, он ничего не сказал, даже не усмехнулся. Он так смотрел, словно и сам хотел помолиться с нами. Я раньше не понимала, почему люди вдруг молятся, если не верят в бога. Я не верю; в этом я тверда. Но я молилась, как бабушка, которая тоже тверда — в вере. Помнишь, Генрих, это был тот вопрос, который ты мне давал в последнем письме: верю ли я в бога? В том письме, которое я не отправила, я тебе легко ответила, что не верю. И вот теперь я уже твердо повторяю: я не верю. *Я это навсегда тут поняла. Я не верю в бога, но, получается, подозреваю, что есть дьявол? То есть искушение. И что здесь оно грязное. Я же молилась, потому что... мне захотелось... умыться, вымыться даже или... хотя бы вымыть руки.* Не знаю, как еще это объяснить. Ты подумай над этим, хорошо? Ты как-то все умеешь соединить или распутать. *Ты мне говорил, что нужно изучать логику. Я буду изучать, я вообще решила, что, когда мы вернемся домой, я попрошу папу дать мне те книги, о которых ты мне писал.* Я их возьму с собой, когда мы уедем на юг.

23 апреля.

Нас не выпускают гулять в сад. Очень много раненных осколками...

...Я вижу все меньше знакомых мне людей. Они прощаются с папой и мамой так, точно уходят на час или на два. Но они больше не возвращаются.

Сегодня мама привела нас к герру Гитлеру, и мы пели Шуберта. Папа на губной гармошке пробовал играть «Соль минор» Баха. Мы смеялись. Герр Гитлер обещал, что скоро мы вернемся домой, потому что с юго-запада начался прорыв большой армии и танков.

Папа мне сказал, что президент Геринг — не изменник; просто он думает, что все, кто в бомбоубежище, не могут отсюда ни с кем связаться. Но это не так. Папа говорит, что много трусов.

Но не все трусы. Я сегодня три раза спускалась вниз, и я видела министра фон Риббентропа. Я слышала, что он говорил герру Гитлеру и папе: он не хотел уходить, просил его оставить. Папа его убеждал, а герр Гитлер сказал, что от дипломатов теперь нет пользы, что, если министр хочет, пусть возьмет автомат — это лучшая дипломатия. Когда фон Риббентроп уходил, у него текли слезы. Я стояла у двери и не могла себя заставить отойти.

Я подумала: а какая же от нас польза? Я бы все равно осталась с папой и мамой, но маленьких хорошо бы отсюда увезти. Они тихие, почти не играют. Мне тяжело на них смотреть.

Если бы мне с тобой поговорить хоть минутку! Мы бы придумали что-нибудь. Ты бы придумал! Я точно знаю, ты бы придумал, как убедить папу и маму отослать маленьких, хотя бы к бабушке. Как мне их убедить?! Я не знаю...

...(несколько раз, очень тщательно зачеркнуто). 25 апреля.

Я сердита на маму. Она мне сказала, что попросила доктора Швегерманна (*семейный доктор*) дать мне пилюлю, от которой я спала весь день. Мама говорит, что я стала нервная. Это неправда! *Я просто не все могу понять, а мне никто не объясняет.* Сегодня герр Гитлер очень сильно кричал на кого-то, а когда я спросила — на кого, папа накричал на меня. *Мама плачет, но ничего не говорит. Что-то случилось.* Хельмут ходил вниз и там слышал, что говорила фрейлейн Кристиан, секретарь-машинистка, что Геринг — предатель. Но это же неправда, зачем же повторять?! Только

странно, что он не может никого прислать, потому что я видела генерала Грейма (*командующий VI воздушным флотом в Мюнхене*) и его жену Ханну (*первая женщина-испытатель люфтваффе, пилот-инструктор, почетный летчик-капитан*): они прилетели на самолете с юга. Значит, можно и улететь отсюда? Если самолет маленький, можно посадить только малышей, даже без Хельмута. Он сказал, что останется с папой, мамой и со мной, а Хильда пока будет ухаживать за малышами. Это было бы правильно, но все-таки лучше бы Хельмут тоже улетел. Он плачет каждую ночь. Он такой молодец: днем смешит всех и играет с Хайди вместо меня.

Генрих, я только сейчас стала чувствовать, как я их люблю — Хельмута и сестренку! Они немножко подрастут, и ты увидишь, какие они! Они могут быть настоящими друзьями, хоть еще и такие маленькие! И опять я вспоминаю, как ты был прав, когда писал — как это здорово, что у меня их так много, что я впятеро счастливая, а ты и Анхен — только вдвое. Я их очень люблю... Сейчас прилетел еще один самолет; он сел на Ост-Весте...

Генрих, я видела твоего папу!!! Он здесь, он с нами!!! Я тебе сейчас все расскажу! Он сейчас спит. Он очень устал. Он прилетел на каком-то смешном самолете и сказал, что сел «на голову русским». Сначала его никто не узнал, потому, что он был с бородой, усами и в парике, и в форме фельдфебеля. Его узнала только Блонди; она поставила ему на грудь лапы и виляла хвостом. Это мне рассказала мама. Я побежала к нему, и он — ты только подумай — он хотел меня взять на руки, как раньше!!! Мы так смеялись, хохотали! Он сказал, что я тут вытянулась, как росток без света.

Мама сказала, чтобы я закончила письмо, потому что его можно передать.

Я не знаю, как закончить: я еще ничего тебе не сказала.

Генрих, я ... (*эти два слова тщательно зачеркнуты, но читаются*).

Сегодня почти час не обстреливали. Мы выходили в сад. *Мама говорила с твоим папой, потом у нее заболело сердце, и она присела отдохнуть. Твой папа нашел для меня крокус. Я его спросила, что с нами будет. Он сказал, что хочет нас отсюда забрать. Но ему нужен другой самолет; он его раздобудет и прилетит за нами и за мамой. «Если не прилечу, значит, меня сбили. Тогда выйдете под землей. Вас выведет сахиб». Я видела, как мама кивнула ему. У нее было светлое лицо. Он сказал мне, чтобы я не боялась.*

Я спросила его, что будет потом: с моим папой, с твоим дядей Рудольфом (*Рудольф Гесс, заместитель Гитлера по партии (1933–1941). 10 мая 1941 года совершил перелет в Великобританию, с целью предложить британскому правительству заключить сепаратный мир*), вообще с немцами, и что будет с ним (*Робертом Леем*), если его возьмут в плен? Он ответил, что таких игроков, которые не справились, выводят из команды. Но команда продолжит игру — чтобы я это твердо помнила. *Я спросила: как же ее продолжить, если все разбомбили и взорвали — папа об этом все время говорил по радио? Мама на меня накричала, назвала несносной и бесчувственной.* Твой папа взял нас обеих за руки и сказал, чтобы мы не ссорились, потому что в Германии наступает время женщин и что женщин победить нельзя.

Мне удалось остаться ненадолго с твоим папой, и я ... нарушила нашу клятву, Генрих. Я показала ему «Трубку» и предложила отдать ему ее. Он сказал, что подумает.

Начали обстреливать...

...

Сегодня 28-е. Нас вывезут через два дня. Или мы уйдем.

Я сказала об этом маленьким. Они сразу стали собирать игрушки. Им плохо здесь! Они долго не выдержат.

Мама закончила письмо нашему старшему брату Харальду. Она попросила меня показать ей мое письмо для тебя. Я сказала, что уже его отдала. (*Видно, переписку Генриха и Хельги ранее Магда всегда читала.*) Мне так стыдно. *Я никогда до этого так не врала маме.*

Мне удалось прийти к твоему отцу на минутку вниз и спросить: нужно ли мне сказать тебе в письме что-то такое, что говорят, когда знают, что больше не встретятся? Он сказал: «На всякий случай скажи. Ты уже выросла, понимаешь, что ни фюрер, ни твой отец, ни я — никто из нас уже не может отвечать за свои слова, как прежде. Это уже не в нашей власти». Он меня поцеловал. Я напонила про «трубку». Он сказал, чтобы я оставила «игрушку» себе. Я все поняла. Он не захотел отобрать у меня последнюю надежду. *Или он подумал, что это тоже не должно оставаться?*

Но твой папа честный. *Я на всякий случай с тобой прощаюсь. Сейчас мне нужно отдать письмо. Потом пойду наверх, к маленьким. Я им ничего не скажу. Раньше мы были мы, а теперь, с этой минуты, есть они и Я.*

Генрих, ты помнишь, как мы с тобой убежали в нашем саду, в Рейхольсгрюне, и прятались целую ночь... *Помнишь, что я тогда сделала и как тебе это не понравилось? А если бы я это сделала теперь? Ты тогда сказал, что целуются одни девчонки... А теперь? Можно, я представлю себе, что опять это сделала? Я не знаю, что ты ответишь.., но я уже... представила...* Мне так хорошо, что у меня это есть, очень уже давно, с самого нашего детства, когда мы с тобой первый раз встретились. И что *это выросло и теперь такое же, как у взрослых, как у твоей мамы к твоему отцу. Я всегда им так завидовала!*

Не думай, что я предательница. *Я люблю папу и маму, я их не сужу, и это так и должно быть, что мы будем все вместе.*

Я слабая... Но у меня есть Гёте...

Нельзя и некуда идти,
Да если даже уйти от стражи,
Что хуже участи бродяжьей?
С сумою, по чужим, одной
Шататься с совестью больной,
Всегда с оглядкой, нет ли сзади
Врагов и сыщиков в засаде!

Генрих...
И вижу я живо
Походку его,
И стан горделивый,
И глаз колдовство.

И слух мой чаруя,
Течет его речь,
И жар поцелуя
Грозит меня сжечь.

Где духу набраться,
Чтоб страх победить,
Рвануться, прижаться,
Руками обвить?

Генрих... Генрих...

Когда буду отдавать письмо, поцелую твоего папу. Хельга. »

Взгляд со стороны

Маргарита Лей 12 мая 1941 уехала во Францию, оттуда на пароходе «Иль де Франс» из Гавра уплыла с детьми Генрихом и Анхен в Америку. До весны 1945 года между Хельгой и Генрихом шла переписка. Взрослеющие подростки часто касались серьезных тем, например, о перелете в Англию Рудольфа Гесса, дяди Генриха, за два дня до отъезда Генриха, его сестры и матери в Америку. При этом Хельга и Генрих часто прибегали, как уже говорилось, к руническому письму, чтобы скрыть от любопытных глаз содержание писем. Последнее письмо от Генриха Хельга получила в начале апреля 1945 года. Выше приведенное письмо Хельги сам Генрих получил только в конце октября 1958 года.

За прошедшие годы Генрих Лей окончил школу, поступил на журналистский факультет. В 1955-м Генрих получил американское гражданство под именем Герберт Линц. Стал работать в левой американской прессе.

Власти ФРГ к концу 50-х годов инициировали среди множества других и расследование «Дело об умерщвлении шестерых малолетних детей супругов Геббельс». 18 октября 1958 года в Мюнхене по этому делу состоялось первое судебное заседание.

Перед вторым заседанием, как американский журналист, Герберт Линц пришел к дантисту Геббельсов Гельмуту Кунцу и показал ему копии допросов от мая 1945 года, в которых Кунц признавался следователям СМЕРШа, что лично делал детям Геббельсов уколы морфия и видел, как Магда Геббельс засовывала в рот заснувшим детям ампулы с цианидом и сжимала им челюсти. После обоюдной перепалки, в которой каждый чувствовал себя лицом, жаждущим правды и оправдания, Герберт Линц вдруг признался, что он друг Хельги и сын Роберта Лея. Гельмут Кунц, сам потерявший в том страшном 1945 году двух детей, сразу обмяк и вдруг, может неожиданно для самого себя, сказал, что у него есть для Генриха важный для него документ. И достал из потай-

ного места, правда копию, потому что оригинал хранился у родственников Кунца, адресованное Генриху письмо Хельги. Генрих Лей, с трудом сохраняя самообладание, спросил, зачем его отец, Роберт Лей отдал письмо Кунцу. Тот, закрыв глаза, дословно процитировал слова его отца Роберта Лея: «Меня могут сбить. А вы врач, у вас больше шансов выбраться. Передайте это письмо моему сыну. Если выживете».

Генрих Лей умер через десять лет, в 1968 году, от тяжелого нервного расстройства. В возрасте 36 лет. Через двадцать лет после умерщвления Хельги.

Послесловие

3 мая 1945 года трупы четы Геббельсов и их детей обнаружили офицеры управления военной контрразведки СМЕРШ 1-го Белорусского фронта. По аппарату государственной междугородной ВЧ-связи они доложили о находке в Москву — наркому внутренних дел Берии и начальнику СМЕРШа Абакумову.

Что же они увидели?

В батистовых ночных сорочках на трех и двухэтажных кроватях в бункере Гитлера лежали пять девочек и маль-

чик. Румяные от цианистого калия, они казались еще живыми. Потом от домашнего доктора Гельмуха Кунца узнали, что Маг-

да Геббельс по очереди разжимала каждому, усыпленному уколом морфия, собственному ребенку рот, клала на зубы

ампулу с ядом и сдавливала потом челюсти. Якобы, тогда в тот момент Хельга пришла в себя и стала отчаянно сопротивляться.

Бедная девочка! Если это было так на самом деле, каково было ей видеть в последние секунды своей жизни звериную маску любимой матери, остервенело заталкивающей ей в рот ампулу с ядом! Было написано даже, что на ее теле были обнаружены синяки и кровопод-

теки! Неужели мать била ее в тот момент? Но в актах освидетельствования трупов Фаустом Шкваровским о синяках не было сказано ни слова:

«При беглом осмотре трупов я сразу обратил внимание на цвет трупных пятен, они были ярко-малинового цвета, что бывает при смерти от отравления цианистыми соединениями. Мои предположения также подтвердились наличием приятного запаха горького миндаля, особо четко ощущавшегося при надавливании грудной клетки детских трупов».

И более ничего!

Это можно прочитать в актах № 1, 2, 8, 9, 10 под названием: «Судебно-медицинское исследование крови и органов из трупов, которое произведено во фронтовой санэпидлаборатории № 291».

То есть, смерть всех детей четы Геббельсов наступила от отравления цианистыми соединениями (синильной кислотой). Кстати, как свидетельствуют экспертные записи, это было обнаружено и у самой супружеской пары Геббельсов.

Затем трупы четы Геббельсов с детьми, Гитлера с Евой

были перевезены сначала в район гор. Финов, а затем, 3-го июня 1945 года, доставлены в район гор. Ратенов, где и были закопаны вместе с трупом застрелившегося генерала Кребса. (Всего — 10 трупов.)

В феврале 1946 г. районе гор. Ратенов яма с захоронением была вскрыта. В соответствующем акте было отмечено: «Все перечисленные трупы находятся в полуистлевшем состоянии в деревянных ящиках и в таком виде были доставлены в гор. Магдебург, в расположение отдела контрразведки “Смерш” армии, и вновь закопаны в яме на глубине 2-х метров во дворе дома № 36 по улице Вестендштрассе».

Спустя четверть века, в 70-м году, прах захороненных снова был потревожен. Причина была связана с реалиями новых исторических перемен. Магдебург уходил из под влияния СССР. А как быть с тайными захоронениями?

«В настоящее время указанный военный городок, исходя из служебной целесообразности, отвечающей интересам наших войск, командованием армии передается немецким властям. Учитывая возможность строительных или других земляных работ на этой территории, которые могут повлечь обнаружение захоронения, полагал бы целесообразным произвести изъятие останков и их уничтожение путем сожжения».

Это было распоряжение Андропова, в то время председателя Комитета государственной безопасности СССР.

И хорошо отлаженная советская бюрократическая машина закутулилась.

Вот выдержки из докладов исполнителей приказов сверху:

«При вскрытии захоронения обнаружено, что останки военных преступников предположительно были захоронены в 5 деревянных ящиках, поставленных друг на друга накрест. Три из них с Севера на Юг, два других — с Востока на Запад. Ящики сгнили и превратились в труху, находившиеся в них останки перемешались с грунтом. При выемке

грунта он тщательно осматривался и останки черепа, берцовые кости, ребра, позвонки и др.) откладывались в ящик. Степень разрушения была сильной, особенно детских останков, и не позволяла вести точный учет обнаруженного. По подсчету берцовых костей и черепов останки могли принадлежать 10 или 11 трупам. После изъятия останков место их захоронения приведено в первоначальный вид. Мероприятие по изъятию проведено в течение ночи и утра 4 апреля 1970 г. »

Ну а далее совсем просто и цинично:

«...произведено сожжение останков военных преступников, изъятых из захоронения в военном городке по ул. Вестендштрассе возле дома № 36 (ныне Клаузенерштрассе). Уничтожение останков произведено путем их сожжения на костре на пустыре в районе г. Шенебек в 11 км от Магдебурга. Останки перегорели, вместе с углем истолчены в пепел, собраны и выброшены в реку Бидериц, о чем и составлен настоящий акт».

река Бидериц

К военным преступникам, как мы видим, были причислены и дети Магды. Может в чем-то она была права, умертвив детей и этим избавив их от унижений и гонений? Не думаю!

Будучи яркой последовательницей нацизма, страшась его краха и не представляя себе другой жизни, в свете такого убеждения она смотрела и на жизнь своих детей. Они должны были стать элитой тысячелетнего рейха, его славой и ее собственной славой. Без всего этого будущее теряло смысл,

выход виделся только в смерти. Так идея-фикс Магды по поводу ее детей канула в воды реки Бидериц.

«Магда убила своих шестерых детей в бункере фюрера. Наш отец (*Харальд Квандт*) очень любил своих сводных братьев и сестер. И если бы в вашей семье произошло что-то подобное, как в истории нашей семьи, вы наверняка думали: *хуже быть не может*», — это слова Габриэле Квандт-Лангеншайдт, внучки Магды Геббельс.

*Никто не может понять ребенка
так неправильно, как его мать.*
Норман Дуглас
английский прозаик

МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА БЛАНК

Мария Александровна Бланк родилась в Петербурге
22 февраля (6 марта) 1935 года

Цветочный гороскоп Марии Александровны
Бланк (Ульяновой): 6.03.1835
☞ МАК (01.03-10.03) ☞

Попасть под обаяние Мака легко, *избежать его влияния практически невозможно.* (выделено авт.)

Мак обзаводится друзьями и знакомыми везде, куда попадает, *умеет вести людей за собой* (выделено авт.) и добиваться своего. Он не старается привлечь к себе внимание, понимая, что самый яркий человек в компании далеко не обязательно самый главный. У Мака есть способности дипломата, которые он использует как будто в шутку.

Маку не хватает уверенности в себе, а склонность во всем полагаться на судьбу нередко приводит его на путь азартных игр или сомнительных сделок. *Маку необходимо понять, что он достаточно силен, чтобы добиться практически любой поставленной цели* (выделено авт.) — и тогда победа останется за ним.

Иногда у Мака опускаются руки, и тогда он, обычно популярный и окруженный вниманием, становится почти одиноким; люди, привыкшие видеть его *сильным и веселым* (выделено авт.), просто не в состоянии узнать своего друга. К счастью, такие периоды продолжаются недолго, и к Маку возвращаются его *яркость и активность.* (выделено авт.)

РОДОСЛОВНАЯ МАРИИ

В роду Марии Александровны Бланк пересекаются две ветви — немецкая и шведская.

Пересеклись они в Петербурге, в Михайловской церкви кадетского корпуса, 2 марта 1793-го.

В этот день прошло венчание Иоганна Готтлиба Грошопфа (*дед М. А. Бланк*) и Анны Беаты Эстедт (*бабушка М. А. Бланк*). Впоследствии Иоганн Готтлиб превратился в Ивана Федоровича, и его дети получили отчества Ивановичи (Карл Иванович, Анна Ивановна и т. д.), а Анна Беата стала Анной Карловной, как и ее сестра Каролина Карловна, согласно имени отца.

Дедушка и бабушка М. А. Бланк

Отцом Иоганна Готлиба (Ивана Федоровича) был Кристоф Фридрих Гросшопф (по немецкой транскрипции: «Großschopf»). Прибыл он в г. Любек из г. Штёва в качестве хлебного маклера. В 1763 году Кристоф Фридрих Гросшопф женился на Кристине Маргарете Эдлер, проживавшей в г. Любеке, и получил любекское гражданство.

Один из из их сыновей, Иоганн Готтлиб Гросшопф (*Иван Федорович, дед М. А. Бланк*), тоже стал купцом и в 1870 году перехал в С.-Петербург.

А. А. Веретенникова-Бланк (сестра Марии Александровны Ульяновой-Бланк) в своих воспоминаниях написала, что ребенком слышала от старших о деде Иване Федоровиче: «Силы и здоровья он, говорят, был богатырского, никогда не хворал, не верил никаким докторам и лекарствам... но раз в месяц принимал касторку, утверждая, что любой механизм, в том числе “человеческий”, нуждается в чистке».

Отцом Анны Беаты (*Анны Карловны*) был Карл Фредерик Эстедт (транскрипция шведского написания «Öhrstedt»). Он родился в Швеции, в г. Упсала. В 1769 году Карл Фредерик перехал в С. Петербург, где успешно занялся ювелирным делом. 13 мая 1772 года в церкви св. Катарины в Петербурге он обвенчался с Анной Кристиной Борг, тоже из г. Упсала. Их дочь Анна Беата Эстедт (*Анна Карловна, бабушка М. А. Бланк*) стала женой Иоганна Готлиба (Ивана Федоровича).

Анна Карловна пережила мужа почти на тридцать лет и дождалась внуков. «Бабушка моя, — писала А. А. Веретенникова-Бланк, — должно быть, была очень хороша собой; я хорошо помню ее лет 60 от роду, и тогда она носила следы красоты, держалась всегда прямо, наружностью своей и туалетом очень занималась до самой смерти... она с утра затягивалась в корсет, взбивала волосы и румянилась».

Семья Ивана Федоровича и Анны Карловны Гросшопф

В их семье родилось 8 детей

- 1) Карл, 1794–1865;
- 2) Александра, 1794—?
- 3) Иван, 1795–1825;
- 4) Густав, 1797–1864;
- 5) Анна, 1798–1838;
- 6) Екатерина, 1800–1863;
- 7) Каролина, 1804–1877;
- 8) Амалия, 1805-?

Анна Ивановна Гросшопф (*мать Марии Александровны Бланк*) была пятым ребенком в семье супругов Гросшопф. Ей было 22 года, когда умер отец, Иван Федорович. Поддержку оставшейся без кормильца семье стал оказывать Карл Феде-

рик Эстедт, отец Анны Карловны. Но она была недолгой. Он сам ушел из жизни через 4 года.

К тому времени из 8-х детей покойного Ивана Федоровича и Анны Карловны Гросшопф двое, Иван и Амалия, ушли из жизни. Сыновья Карл и Густав успешно устроились в жизни. Густав стал директором таможни в Риге. Карл дослужился до вице-директора Департамента внешней торговли, приобрел дом на 18-й линии по набережной Васильевского острова. Здесь и поселились его мать Анна Карловна и тетка Каролина Карловна. Скорее всего с ними жила и дочь Анна Ивановна., До 31 года она не выходила замуж. У ее сестер жизнь сложилась по другому. Старшая Александра Ивановна вышла замуж за аптекаря и уехала в Киев. Екатерина Ивановна вышла замуж за казанского чиновника 12 класса Константина Егоровича фон Эссена. Каролина Ивановна, следующая из сестер, вышла замуж за коллежского секретаря Владимира Ивановича Биуберга.

Однообразная жизнь Анны Ивановны в кругу матери и тетки закончилась только после знакомства с Александром Дмитриевичем Бланком.

Александр Иванович Бланк был врачом. Национальность его точно не установлена до сих пор. Утверждается, что он был из крещеных евреев. Но в последнее время все больше раздается голосов, опровергающих это мнение. Он был из поволжских немцев. В доме общение шло на немецком языке. Вряд ли это была только дань уважения к национальности матери.

ДЕТСТВО МАРИИ

Венчание Александра Ивановича Бланка и Анны Ивановны Гросшопф состоялось в конце 1829 года. А уже в сентябре 1830 года у молодых супругов родился первенец — сын Дмитрий. Следующие дети девочки Анна, Любовь и Екатерина в семье Бланк появились с периодичностью в 10–11 месяцев. К этому времени Екатерина Ивановна фон Эссен, жившая в Казани, овдовела. Жить ей там стало не на что. Она была крестной матерью детей сестры Анны Ивановны. И Александр Дмитриевич Бланк пригласил вдову в Петербург жить у них. Бездетная Екатерина Ивановна быстро нашал общий язык с детьми и скоро стала любимой тетей Катей. Последние девочки Мария и Софья родились через два года. Частые роды подорвали здоровье Анны Ивановны Гросшопф. В 1838 году от туберкулеза легких она скончалась и была похоронена на Смоленском евангелистском кладбище.

В раннем возрасте у детей работает эмоциональная память. Подолгу не отходил от окна брат Дмитрий, одетый в панталоны и короткую курточку как для гуляния. В доме затишье стук лаковых прюнелевых башмачков его сестер. Старшие Анна 7-ми лет, Любовь 6-ти лет, Екатерина 5-ти лет, сторонились младших, шушукались. Мария 3-х лет и Софья 2-х лет, не понимали, почему не появляется из своей комнаты обожаемая мама и о чем переговариваются сестры. Тем не менее крепились, не плакали. Отец Александр Дмитриевич Бланк был хмур и непривычно молчалив. Только тетя Катя хлопотала по дому, бесшумно передвигаясь из комнаты в комнату.

После смерти Анны Ивановны присмотр за детьми перешел к Екатерине Ивановне. Условия быта не изменились. Дети, пережив боль утраты, привыкли к тому, что теперь уже тетушка заботится о них по-матерински. Через три

года, когда Марии было 6 лет, Александр Дмитриевич получил разрешение на «вступление в законный брак с вдовою чиновника 12-го класса фон Эссена Екатериною Ивановою», проживавшей в его доме. 10 апреля 1841 года состоялось их венчание. Статус тетушки сменился. Она стала мачехой.

ОТРОЧЕСТВО И ЮНОСТЬ МАРИИ

В мае 1842, когда Марии было 7 лет, вся семья переехала из Питера в Пермь. Здесь отец устроился инспектором Пермской врачебной Управы. Но, проработав в этой должности немногим более двух месяцев, он уволился с работы, в связи с какой-то скандальной историей. В следующем 1843 году Александр Дмитриевич Бланк был назначен врачом Златоустовской окружной фабрики и инспектором Златоустовских госпиталей. Семья переехала в город Златоуст.

В семье Бланка, как известно, все говорили по-немецки. А поскольку в городе не было немецких школ, то старшие сестры вынуждены были обучаться в русских учебных заведениях.

В 1847 году (Марии было уже 12 лет) Александр Дмитриевич Бланк вышел в отставку и получил звание надворного советника, что давало ему право на дворянство. Дело было за поиском благоприятного места для постоянного жительства. Александр Дмитриевич с семьей приехал в Казань. В этих краях, как ему было известно, можно было за приемлемую цену купить имение, что он и сделал.

В 42 км от города Александр Дмитриевич Бланк купил дворянское имение в деревне Янсалы (Кокушкино) с землей в 462 десятины (580 га) и крестьянами в количестве 39 душ. Кроме того, он приобрел водяную мельницу с доходом 100 р в год. По берегу реки за мельницей дочерям, как приданое,

были куплены еще 200 десятин (около 218 га) земли. Имение представляло собой большой дом с колоннами, который стоял на берегу реки Ушни. Рядом с домом позже был построен флигель.

После приобретения имения продолжить обучение детей в учебных заведениях средств не было, поэтому учителями стали их отец и мачеха. Екатерина Ивановна обучала немецкому, французскому, английскому языкам, западноевропейскую и русскую литературу, игре на рояле и пению по нотам. Александр Дмитриевич преподавал историю, математику, основы ведения хозяйства, садоводства и огородничества.

Через год после переезда в новое имение (в 1848 году) брат Дмитрий закончил 2-ю Казанскую гимназию и поступил на юридический факультет Казанского университета. Отец возлагал на него большие надежды как преемника в делах по имению. Но девятнадцатилетний Дмитрий (в 1849 году) проигрался крупно в карты и покончил с собой, не имея возможности расплатиться с карточным долгом.

Александр Дмитриевич Бланк был властным и в какой-то мере даже деспотичным человеком. Смерть сына еще более усугубили жесткость его характера. Он еще строже стал воспитывать дочерей, постоянно напоминая, что их счастье заключается в семье и в рождении детей. Их мать умерла, потому что болела. Чтобы у девочек было крепким здоровьем, он все время закалял их. Приказывал покупать жесткие лыковые мочалки, которыми каждое утро с холодной водой растирались все дети и взрослые. Заставлял трудиться в саду, следить за работой крестьян в поле и на мельнице, помогать в ведении дел по имению. Примечательно, что с тех времен сохранилась фраза Марии Александровны, которую потом часто повторял ее сын Владимир: «Русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациями».

Сестры Марии

Выдать пятерых провинциальных девиц замуж Александру Дмитриевичу было нелегко.

Когда в 1850 году старшая дочь Анна Александровна, будучи еще 19-летней, вышла замуж за Ивана Дмитриевича Веретенникова, учителя латыни Пермской гимназии, он был совсем не против. Позже И. Д. Веретенников был переведен инспектором Пензенского дворянского института. У них родилось 8 детей.

По стопам старшей сестры пошла и третья дочь Александра Дмитриевича Екатерина Александровна. Она почти сразу следом вышла замуж за Алехина. Тот вскоре умер. Юная вдова вынуждена была вернуться в отцовское имение. При любой возможности она старалась ездить в Пермь к сестре. Там с Веретенниковым И. Д. в Пермской гимназии служил преподаватель математики Залезский Андрей Александрович. Он сошелся с семьей коллеги и стал их частым гостем. Анна Александровна познакомилась со своей 23-летней вдовствующей сестрой Екатериной. 15 июня 1856 года они бракосочетались. У них родилось 10 детей.

Следующей замуж вышла самая младшая дочь Софья Александровна. Мужем ее стал Иосиф Кондратьевич Лавров, преподаватель арифметики и геометрии в Самарском уездном училище. В Самаре умерла его первая жена Екатерина Андреевна. Опять таки через Веретенниковых он познакомился с 25-летней Софьей Александровной, с которой он сочетался браком 28 июля 1861. У них родилось 6 детей. После третьего ребенка Софья Александровна, единственная из всех сестер, некоторое время (с 1869 по 1875) работала библиотекарем в Самарской общественной библиотеке.

Вторая по рождению из дочерей Любовь Александровна была, скорее всего, любимицей Александра Дмитриевича.

Она не выходила замуж до 30 лет, редко наезжая в гости к сестре Анне в Пензу. Только в начале 1862 года она вышла замуж за надворного советника Александра Федоровича Ардашева. У них родилось 9 детей. После смерти мужа Любовь Александровна вышла замуж в 1870 году за Александра Петровича Пономарева, друга ее отца А. Д. Бланка.

ЗАМУЖЕСТВО МАРИИ

Уроженец Астрахани, сын портного Илья Николаевич Ульянов в 1854 году окончил физико-математический факультет Казанского императорского университета. Это давало право на переход в высшее сословие. 16 сентября этого же года по постановлению Астраханской казенной палаты Илья Николаевич был исключен из мещанского сословия. Несмотря на рекомендацию профессора Н. И. Лобачевского, он отказался остаться при физической кафедре университета и уехал в Пензу, где с 7 мая 1855. был назначен исправляющим должность старшего учителя математики в высших классах Пензенского Дворянского института. В 1860 году на должность инспектора сюда из Перми переехал Иван Дмитриевич Веретенников. Илья Николаевич Ульянов подружился с ним и с его женой Анной Александровной, урожденной Бланк.

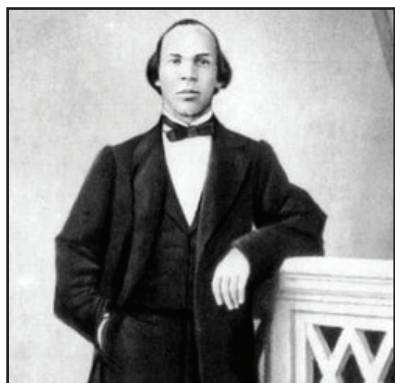

В ноябре 1861 года Мария Александровна Бланк (ей уже 26 лет) приехала в Пензу в гости к старшей сестре Анне. В имении отца она жила со старшей сестрой Любовью Александровной, которая к этому времени была уже помолвлена. Мария ощущала, что родители видят ее больше работницей,

чем невестой на выданье, хотя ни Александр Дмитриевич, ни мачеха Екатерина Ивановна, конечно, виду не подавали. Мария же прекрасно все понимала и очень этим тяготилась. Она повторяла судьбу своей матери. Потому при малейшей возможности уезжала к сестре в Пензу.

Там в этот приезд и произошло знакомство Марии Александровны Бланк с Ильей Николаевичем Ульяновым.

Илья Николаевич Ульянов

Илья Николаевич быстро попал под обаяние яркой и активной провинциальной барышни. Особенно его внимание привлекло желание Марии Александровны быть похожей на свою образованную мачеху.

Илья Николаевич стал помогать Марии Александровне в подготовке к экзамену на звание учительницы. Это их окончательно сблизило. Весной 1863 года состоялась помолвка. Мария Александровна спешно переехала из Кокушкина в Пензу к сестре Анне. Александр Дмитриевич, конечно, был раздосадован, так как из имения уехала хорошая помощница, но что было делать. Замуж Марию все равно надо было выдавать. Да и планы по поводу ее приданого у Александра Дмитриевича были не столь обширны, как по отношению к другим дочерям. В Пензе помолвленные стали заранее подыскивать жилье. Но тут пришел приказ от 22 июня 1863 г. Попечителя Казанского Учебного Округа, что Илья Николаевич переводится в Нижегородскую гимназию старшим учителем математики и физики и одновременно преподавателем и воспитателем в других учебных заведениях города.

Следовало поторопиться, и 15 июля этого же года Мария Бланк, сдав экстерном экзамены, получила Свидетельство о звании учительницы начальных школ, что соответствовало прохождению курса женской гимназии, «с правом преподавания Закона Божьего, русского языка, арифметики, немецкого и французского языка».

Через полтора месяца, 6 сентября 1863 года, 32-летний И. Н. Ульянов и 28-летняя М. А. Бланк обвенчались в Казанско-Богородицкой церкви села Черемышево, что находилась недалеко от Кокушкино, а на следующий день, 7 сентября, в Кокушкине скончалась мачеха сестер Бланк Екатерина Ивановна фон Эссен, что омрачило «медовый месяц» молодоженов. Ведь свадьбы всех сестер проходили в Кокушкино.

Похороны Екатерины Ивановны, переезд вдвоем с Ильей Николаевичем в Нижний Новгород, хлопоты с утра до вечера по устройству быта в отсутствие занятого на службе мужа — все это быстро отвлекло Марию Александровну от прежней наскучившей жизни в имении отца.

Рождение детей Марии

Через три месяца после венчания Мария забеременела. А 14 (26) августа 1864 года в Нижнем Новгороде у Ульяновых родилась дочь Анна.

Анне было около 10 месяцев, когда Мария снова забеременела и 31 марта (12 апреля) 1866 года там же, в Нижнем Новгороде, у Ульяновых родился сын Александр.

Почти через два года, в 1868-м, родилась дочь Ольга, но 18 июля 1869-го, после болезни, умерла. Горе матери было велико. Ей 34 года. У сестер дети рождаются один за одним. Неужели у нее больше не будет детей? Жажда материнства была столь велика, что уже в августе она поняла, что снова беременна.

А через месяц пришло извещение, что коллежский советник И. Н. Ульянов приказом Управляющего Министерством Народного Просвещения от 6 сентября 1869 г за № 19 утвержден инспектором народных училищ Симбирской губернии с 1 сентября 1869. Семье Ульяновых пришлось поспешно собираться и переезжать в Симбирск. Илье Николаевичу, как инспектору народных училищ, казенного жилья не полагалось. Ульяновы поселились на Стрелецкой улице во флигеле дома А. С. Прибыловской.

Илья Николаевич, как и в Нижнем Новгороде, с головой ушел в работу. Мария целыми днями оставалась одна с пятилетней Анной и трехлетним Александром. Мечта о работе, хотя бы учительской, были похоронены бытом, не как у сестры Софьи, начавшей в это время работать в Самарской общественной библиотеке. Мысли об умершей дочери все чаще сменялись мыслями о зашевелившемся под сердцем ребенке. Мария Александровна сообщила об этом сестрам. Большим помощником ей стала крестьянка, бывшая крепостная, Сарбатова Варвара Григорьевна, приехавшая в Симбирск по рекомендации А. А. Веретенниковой — старшей сестры Марии Александровны — для помощи в уходе за будущим ребенком. А тут серьезно заболел маленький Саша, да так, что Мария Александровна «упала на колени перед образом» и шепнула шестилетней Ане: «Молись за Сашу». Это был один из редких случаев, когда Мария Александровна обратилась к Богу. Илья Александрович в это время проводил осмотр народных школ Симбирских губерний. После этого случая в доме стал все чаще появляться их домашний доктор Иван Сидорович Покровский. О нем нужно было бы сказать немного подробнее. Но сделаем это позднее.

10 апреля 1870 года во флигеле дома А. С. Прибыловской Анна Дмитриевна Ильина, весь город звал ее «старшей повивальной бабкой», приняла роды у Марии Александровны. Родился мальчик, которого назвали Владимир. Мария Алек-

сандровна понимала, что к зиме нужно поменять квартиру — флигель был тесен для увеличившейся семьи.

К счастью, в доме освободилась квартира с кухней на втором этаже. После приезда Ильи Николаевича из Сызранского уезда, где он руководил в июле-августе учительским съездом, в начале осени семья переселилась из флигеля в дом. Здесь в марте следующего года Мария Александровна снова забеременела. Когда 16 ноября 1871 года родилась дочь Ольга, перед Новым 1872 годом Ульяновы сняли отдельный дом у владельца Жаркова, находившийся тоже на Стрелецкой улице.

Первый год жизни в этом доме прошел для Марии Александровны в заботах о маленьких Володе и Ольге. Илья Николаевич часто и надолго уезжал по делам. Летом был, например, месяц на Политехнической выставке в Москве. Осенью полмесяца руководил работой съезда народных учителей Курмышского уезда и т. д. Можно только представить, как было тяжело 37-летней Марии Александровне с четырьмя детьми вести хозяйство. Основное жалование мужа «по службе» составляло 1000 рублей в год, а с дополнительными суммами (квартирные, разъездные) — 2500 рублей. По современным меркам это, примерно, около 200 рублей в месяц. Конечно, это не было чертой бедности. На расходы по содержанию семьи хватало с головой. Например, кило ржаного хлеба стоил тогда 5 копеек, сапоги с калошами — 15 рублей, пальто — 18 рублей, десяток яиц — 17 копеек, корова — 20 рублей, которая Ульяновым, конечно, была не нужна. Но собрать деньги на свой давно желанный дом — было почти невозможно. Мария Александровна (вот где сказались прагматичные черты немецкого происхождения) не сдавалась. Расчетливая хозяйка, она складывала копейку к копейке, конечно, с ведома мужа и его полного согласия. Такие доверительные и близкие отношения, не удивительно, привели к тому, что в конце 1872 года Мария Александровна забеременела.

Был ли чем-то отличительным от других следующий 1873 год? Вряд ли. Все шло сложившимся чередом, как

в прежние годы. Тем страшнее для Марии Александровны стало рождение и внезапная смерть в сентябре сына Николая. Все повторялось, как при рождении и смерти несчастной Ольги в 1869 году. Боль потери и жажда материнства вспыхнули с новой силой. В декабре 1873 Мария Александровна снова забеременела.

1874 год начался с ожидания рождения ребенка, продолжения подготовки к учебе в гимназии старших Анны и Александра и с забот о маленьких Володе и Ольге. А 11 июля того же года Илье Николаевичу пришло извещение о назначении его директором народных училищ Симбирской губернии. Все случилось, как всегда в жизни ее семьи, неожиданно. Через месяц, 16 августа, родился сын Дмитрий. Семейная жизнь Ильи Николаевича теперь тесно переплелась со служебной. Прием посетителей ему приходилось вести в домашних условиях в связи с отсутствием казенного кабинета.

Потому в начале 1875 года семья Ульяновы переселились на улицу Московскую в дом Костеркина с обширными залой и гостиной, где шли приемы посетителей директором народных училищ Симбирской губернии, и неудобными домашними комнатами.

Дети становились старше, но их досуг по-прежнему проходил только в домашнем кругу. Вспоминая о зимних вечерах, А. И. Ульянова-Елизарова писала: «За частыми отлучками отца мы проводили время преимущественно с матерью: читали, занимались, мастерили что-нибудь из картона и цветной бумаги для елки».

«Следующую зиму (1876–1877), — вспоминала Анна Ильинична, — мы жили в квартире Анаксагорова. В этом доме, тремя окнами на улицу, комнаты были расположены, так сказать, “за круговым поручительством”, то есть из одной комнаты в другую, так что если отца не было дома и его кабинет не был затворен, можно было бегать кругом всего дома, что очень любили малыши», т. е. Володя и Оля. Трех-

летний Дмитрий угнаться за ними не мог и большей частью сидел возле матери. Скоро, как три года назад с Александром, педагог В. А. Калашников начал подготовку Володи к гимназии. Саша уже был гимназистом.

Домовладелец Анаксагоров в конце августа 1877 года заключил соглашение с городской управой о сдаче в аренду своих помещений, в том числе и квартиры, где жили Ульяновы, под канцелярию Симбирского воинского начальника.

Мария Александровна, будучи в это время на трехмесячном сроке беременности, наверное, уже теряла всяческое терпение. Ей уже 43 года, она будет скоро в восьмой раз рожать, а семья все еще кочует по чужим квартирам. У нее стали опускаться руки. Домочадцы, привыкшие видеть ее сильной и жизнерадостной, не узнавали ее. Планы приобретения своего дома становились все призрачнее. В начале осени 1877 года семья Ульяновых все же переехала с Московской улицы на Покровскую в дом Косолапова. Но тут 26 декабря 1877 года Ильи Николаевич был награжден за отлично-усердную службу чином действительного статского советника. Это означало повышение жалованья. Мария Александровна воспряла духом. Но нервные переживания сказались на родах 18 февраля 1878 года, когда родилась девочка, названная Марией в честь матери, то и мать, и маленькая дочь долго болели. Под полом дома была вода. Сырой воздух в доме провоцировал недуги и других детей в семье.

Целое лето Ульяновы искали для покупки нужный им дом. Наконец 2 августа 1878 г. симбирский нотариус Суров составил купчую крепость на 4000 рублей, по которой «вдова титулярного советника Екатерина Петровна Молчанова продала жене действительного статского советника Марии Александровне Ульяновой деревянный дом, с строением и землей, состоящей в первой части города Симбирска, по Московской улице, в приходе Богоявления Господня».

«Я помню, — пишет А. И. Ульянова-Елизарова, — с каким удовольствием и оживлением перебирались “в свой дом” мы, дети, носясь через дорогу со своими книгами и игрушками, лакомясь яблоками и ягодами “своего сада”». Присутствовал ли Илья Николаевич при этом переезде или был на службе, неизвестно.

Семейная фотография

После переезда в свой дом Мария Александровна совсем воспряла духом и энергично взялась за ведение домашнего хозяйства.

Делая отступление от повествования, хочу обратить внимание на единственный семейный портрет семьи Ульяновых, сделанный через год после покупки дома в Симбирске, в 1879 году. Илья Николаевич — директор народных училищ Симбирской губернии в чине действительного статского советника. Это чин 4 класса по табелю о рангах, равного званию генерал-майора армии или статского генерала, титуловался «Ваше превосходительство», имел высокий должностной оклад и давал право на потомственное дворянство.

Обратите внимание, как располагаются на фотографии дети вокруг Ильи Николаевича.

Александр, Анна, Владимир и Дмитрий не просто положили руки, а облокотились на отца. Если это и задумка фотографа, то не очень удачная. Александр смотрит исподлобья, чуть отстраняясь от отца в сторону матери. Анна — удивленно. Рука слегка заломлена, ей неудобно стоять в такой позе. Взгляд Дмитрия рассеян, поза вальяжная, локоть засунут в головной убор отца, лежащий на коленях. Взгляд Володи в себе, словно его мало волнует происходящее, отчего ноги скрещены. Ольга, одетая в детский кафтан для девочек, словно прячется за матерью, вся настороженная. Одна Маняша безмятежна на коленях у матери. Мария Александровна сидит с гордо поднятой головой. Она — глава семейства.

Правая рука полуобнимает за плечо младшую дочь, левая крепко ухватилась за край стола. Локти супругов не соприкасаются. Сам Илья Николаевич руки прячет за обшлагом сюртука и за головным убором. На сюртуке орден Святой Анны 2-й степени, которым он был награжден в декабре 1874 года. Ноги плотно сомкнуты одна к другой, словно ему тесно в кругу семьи.

ПЕРИОДЫ ЖИЗНИ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ И ЕЕ ДЕТЕЙ

С 1883 года по 1885 год

Через четыре года, в августе 1883 года, Александр и Анна уехали учиться в Петербург. Но семейный уклад остался прежним. Более того он усугубится не в лучшую сторону для Ильи Николаевича. Дети росли, но никого не интересовало дело его жизни, т. е. просветительство. Влияние матери и домашнего доктора, Ивана Сидоровича Покровского, оказалось сильнее. Витавшие над страной революционные идеи стали его детям ближе. Более того, самый беспокойный и самый целеустремленный сын Владимир свое неприятие отцовских просветительских идей и дела перенес на личность отца. Тому пример такой факт.

В 1891 году Владимир экзаменовался экстерном по курсу юридического факультета Императорского Петербургского университета, получил высшие оценки по всем предметам и с ним еще 7 человек. На заседании Юридической испытательной комиссии 15 ноября 1891 года им были присуждены дипломы первой степени. Управлением С.-Петербургского учебного округа к 14 января 1892 года дипломантам были подготовлены дипломы первой степени. Один из дипломов был выписан на имя «Владимиръ Ивановъ Ульяновъ». Объяснение одно. Имя духовного отца было для Владимира важнее биологического. Он его и вписал в бумаги, подаваемые в приемную комиссию.

Взгляд со стороны

Пришло время рассказать теперь и об Иване Сидоровиче Покровском.

Иван Сидорович Покровский

Фото 1888 года

Улыбышев, который жил в имении Лукино под Нижним Новгородом, от двух своих крепостных женщин имел сыновей — Ивана Сидоровича Покровского (1839–1922) и Федора Павловича Знаменского. Иван Сидорович окончил Казанский ун-т. В 1869 году, как и Илья Николаевич Ульянов, был распределен в Симбирск, ординатором Симбирской губ. б-цы, потом переведен врачом в военную гимназию. Отец помогал своим внебрачным детям. Так он помог Ивану Сидоровичу стать владельцем с. Анненково. Хороший врач, Покровский имел большую практику в губернии. По чьей-то рекомендации он стал в семье Ульяновых, как и у многих в Симбирске, домашним доктором. Через три года после рождения у Марии Николаевны сына Владимира, Иван Сидорович приобрел на Покровской улице в Симбирске де-

ревянное здание, облицованное кирпичом, которым владел до 1883 г. К тому времени он уже был не одинок — имел жену Лидию Миллер и приемного сына Федора.

Симпатизировал ли он Марии Николаевне? Скорее всего, да. Впрочем, и не удивительно. Трудно было не попасть под обаяние этой умной и образованной женщины, равнодушной к мнениям обывателей города. В свою очередь и Мария Александровна, часто остававшаяся без мужнего совета и поддержки в содержании растущей семьи, находила отдушину в общении с внешне надменным, но очень живым и много знающим доктором.

Когда выпадала возможность, они прогуливались по Карамзинскому скверу и берегу реки. Нередкими были его визиты к Марии Александровне и просто так, «на чай». Приятный собеседник, умеющий убеждать, он внес в мир семьи Ульяновых современные веяния общественной жизни. Повзрослевшие дети Марии Александровны, Анна и Саша, потом стали у него дома частыми гостями. Вот как это звучит в мемуарах Анны: «Мы читали с Сашей Писарева, которого тогда уже в библиотеках не выдавали, которого доставали у нашего домашнего доктора, имевшего полное собрание сочинений». Роль его в формировании у старших детей Марии Александровны, так сказать, нового общественного сознания неоспорима. Тем более не в стороне была от такого воздействия на умы собственных детей скорее всего и Мария Александровна. Примером может служить такой случай, записанный Анной: «Когда отец, бывший всю жизнь искренне религиозным, спрашивал иногда Сашу за обедом: “Ты нынче ко всенощной пойдешь?” — он отвечал кратко и твердо: “Нет!” И вопросы эти перестали повторяться...» Нерелигиозность матери оказалась действенной набожности отца.

Возможно с подрастанием и младших детей вопросов у Ильи Николаевича становилось еще меньше. Сохранялся только внешний вид общения. Все глубины духовного роста детей оставались Илье Николаевичу неизвестными. А его собственная духовная жизнь учителя-подвижника была де-

тям непонятна и даже чужда. Отсюда и равнодушие, особенно сыновей, к отцу. Александр на похороны отца, который умер 12 января 1886 года, не приехал. Мария Александровна, по словам Анны Ильиничны, не хотела его травмировать и потому посоветовала не приезжать. Володя после похорон отца никогда больше не был на могиле отца и никогда о нем ни в одном письме не упомянул. Дмитрий не в счет. Ему было 12 лет.

К концу 80-х годов всякая связь с семейством Ульяновых, после их отъезда из Симбирска, у Ивана Сидоровича прервалась.

Известно, что в 1892 года Иван Сидорович Покровский стал кандидатом в гласные городской думы Симбирска. Это был первый созыв городской думы города, хотя городская реформа была принята еще в 1870-м году. То есть, авторитет Покровского И. С. среди городской общественности был налицо.

В 1898 году в селе Новое Никулино мичман Николай Людомирович Ржевусский продал кол. сов. Ивану Сидоровичу Покровскому и ст. сов. Федору Александровичу Знаменскому (наверное, брату по отцу) свое имение. Рост благосостояния бывшего домашнего доктора тоже был налицо.

Умер Покровский И. С. в 1922 году, уже в Советской России, в полной безвестности, слепой и нищий. Марии Александровны к тому времени уже не было в живых, а ее дети вспомнили о нем, в частности только Анна Ильинична, когда начала писать мемуары о своей семье.

С 1885 года по 1887 год

Вернемся к середине 80-х годов. Но прежде прочитаем запись из метрической книги церкви села Черемышева (к ее приходу относилась деревня Кокушкино) за 1870 год:

«Месяц и день смерти: июлий 17. Погребение 18. Звание, имя, отчество и фамилия умершего: прихода села Черемы-

шева, деревня Кокушкина, надворный советник Александр Дмитриевич Бланк 71 года. От чего умер: от преклонных лет».

Основными наследниками имения, по завещанию отца, стали Любовь Ардашева и Анна Веретенникова. Их сестра Мария Бланк получила лишь флигель и земельный участок. Недовольная таким распределением наследия, Мария Бланк через несколько лет подала прошение на пересмотр завещания.

По новому раздельному акту, утвержденному 9 января 1885, все осталось без изменений. Почти все права на владения получила теперь Любовь Ардашева-Пономарева. Ей отошла большая часть земли (206 десятин 253 сажени), усадьба, включающая господский дом, людскую, конюшню, скотную избу, каретник, курятник, 4 житницы, погреб, баню, сарай, мельничный амбар и зерносушилку, кроме флигеля, который остался принадлежать Марии Бланк.

Семья Ульяновых продолжала же жить на оклад Ильи Николаевича. Вносило ли это в сознание Марии Александровны какие-то сомнения о справедливости отцовского решения? Безусловно! К тому же скоро начались изменения в привычном укладе жизни семейства Ульяновых, созданных стараниями Марии Александровны.

30 октября 1885 года. И. Н. Ульянов посылает попечителю Казанского учебного округа прошение с просьбой об оставлении его на службе на пятилетний срок. Ответ пришел, но на службу Ильи Николаевич был оставлен только на один год. Как быть дальше? Властная хозяйка дома не могла согласиться с уменьшениями семейного дохода. Были ли разговоры между супругами и сестрами по этому поводу? Да конечно, были!

«Мария Александровна отличалась отсутствием пред-рассудков и большой энергией. При скудных средствах и большой энергии она была весь день занята, твердость ее характера проявилась во весь рост во время ее после-

дующих испытаний...». (Цитата из воспоминаний Анны Ильиничны).

Эти испытания начались с января следующего 1886 года. Илья Николаевич, стал себя плохо чувствовать. А 12 января с ним случился удар, и он скончался. Много лет спустя его дочь Мария Ильинична Ульянова напишет: «... Остановившись около двери, (*Илья Николаевич*) обвел всех нас долгим взглядом. “Точно проститься приходил”, — говорила позднее мать (*Мария Александровна*)».

Мария Александровна, похоронив мужа, начала действовать. Поданные прошения о финансировании семьи в связи с потерей кормильца решились быстро. В апреле 1886 г. Марии Александровне Ульяновой была пожизненно назначена пенсия. В предписании Симбирской казенной палаты губернскому казначейству указывалось: «Производить установленным порядком пенсию вдове умершего на службе, бывшего директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Ульянова Марии Ульяновой из оклада 600 рублей в год и несовершеннолетним детям, родившимся: Владимиру, 10-го апреля 1870, Дмитрию 7 августа 1874, Ольге 4 ноября 1871 и Марии 6 февраля 1878, из оклада шестисот рублей в год всему семейству по одной тысяче двести рублей в год (100 рублей в месяц)».

Дело о положенной в таких случаях единовременной денежной помощи продолжало же кочевать по инстанциям почти год. Только в январе 1887 г. было получено извещение с решением министра о выделении «в единовременное пособие на воспитание детей вдове директора народных училищ Симбирской губернии действительного статского советника Марии Ульяновой ста пятидесяти рублей».

Орден Святого Владимира 3-й степени, полученный Ильей Николаевичем в 1882 г., давал дворянство При жизни И. Н. Ульянов не успел оформить это право. В июне 1886 г.

Симбирское дворянское собрание постановило: «Ввиду награждения И. Н. Ульянова орденом Владимира 3-й степени внести М. А. Ульянову и ее детей в дворянскую родословную книгу Симбирской губернии».

Указом Правительствующего Сената от 6 (18) ноября 1886 г. за № 4562 в дворянском достоинстве были утверждены Мария Александровна и ее несовершеннолетние дети Александр, Владимир, Дмитрий, Ольга и Мария. Анне было 22 года и в дворянском звании не утверждена.

Все эти действия, предпринятые Марией Александровной, были понятными и адекватными, чтобы обеспечить нормальное финансовое положение в семье.

С 1887 года по 1889 год

Но все усилия матери, строившей благополучие своей семьи через понятные ей возможности законных требований законопослушных семей, рухнули в одночасье в 1887 году.

Старший сын Александр 3 апреля этого года был арестован, как организатор покушения на императора Александра Третьего.

9 марта 1887 года, более через месяц, на адрес дома Ульяновых в Симбирске, пришло официальное письмо с известием об произошедшем.

Мария Александровна сразу же выехала в Петербург. Уже 14-го марта 1887 гю, прибыв в столицу, она подала прошение о свидании с сыном. Ждать пришлось до окончания следствия. 30 марта (две недели спустя), Александр III на чертал на прошении свою резолюцию: «А что же до сих пор она смотрела!» — но свидание разрешил.

Свидание состоялось 1 апреля и продолжалось два часа. «Он плакал и обнимал ее колени, прося простить причиняемое ей горе, — вспоминала рассказ матери Анна Ильинична, — он говорил, что кроме долга перед семьей у него есть долг и перед Родиной. Он рисовал ей бесправное, задвленное положение Родины и указывал, что долг каждого честного человека бороться за освобождение ее...»

— Да, но эти средства ужасны, — возразила мать.

— Что же делать, если других нет, мама, — ответил он».

И несчастная Мария Александровна ему поверила.

На последующих свиданиях Александр попросил мать выкупить золотую университетскую медаль, заложенную за 100 рублей и из них отдать 30 рублей студенту Туликову. Просил также вернуть две одолженные им книги их владельцам. Ещё сказал, что хотел бы почитать стихи немецкого поэта Генриха Гейне. Присутствовавший на свидании молодой прокурор Князев сказал растерявшейся матери, что выполнит последнее желание приговоренного к смерти, купил за свои деньги томик стихов поэта и передал в камеру Александру. Прокурор также записал слова Александра на просьбы матери подать прошение о помиловании. «Представь себе, мама, — сказал он, — что двое стоят друг против друга на поединке. В то время как один уже выстрелил в своего противника, он обращается к нему с просьбой не пользоваться в свою очередь оружием. Нет, я не могу поступить так...»

Измученная, отчаявшаяся Мария Александровна выхлопотала последнее свидание с Александром накануне казни. Оно длилось полчаса. Страшные полчаса. Чтобы не усугубить состояние сына, готовившегося к смерти, своими слезами, Мария Александровна вела себя сдержанно, а прощалась сухо и без причитаний. А ночью она поседела.

Казнь сына ввергла ее в настоящее безумие. Она никого не замечала, была вся в себе, отвечала на вопросы невпопад, даже испуганно, словно боясь о чем-то проговориться.

Взгляд со стороны

Из книги воспоминаний Георгия Александровича Соломон — Исецкого «Ленин и его семья (Ульяновы)»:

«Анна Ильинична с этой минуты стала нянькой, или, вернее, матерью своей матери, и осталась ею до конца жизни Марии Александровны... Она (*Мария Александровна*) оправилась. Но пережитое наложило на всю её жизнь свою тяжелую руку и совершенно изменило всю её природу. Она вся ушла в свое горе... Решительная и властная, она (*Анна Ильинична*) окружила старушку своей исключительной нежностью, и того же она требовала от остальных членов семьи, которая вся жила одним стремлением как-нибудь не обеспокоить старушку, отвлечь, развлечь ее...»

Культ матери, созданный Анной Ильиничной, длился без малого 25 лет.

«И, несмотря на все попытки Анны Ильиничны, этой жрицы этого культа, внести свет и уют в жизнь семьи, всеми, бывавшими у Ульяновых, владел не рассеивавшийся ни на одну минуту гнет какого-то могильного чувства, которое всех давило. Все друзья, попадая к ним, старались в свою очередь отвлекать и развлекать старушку, играя комедию и притворяясь. Я тоже не мог избежать этого влияния. Я часто бывал у Ульяновых. Это было давно. Я был ещё молод, полон энергии и отличался живым общительным характером, и я умел развлекать старушку разными «интересными» рассказами, и, кроме того, мы с ней музицировали: она аккомпанировала, а я пел...»

Жизнь для семьи казненного государственного преступника в Симбирске стала невыносимой.

30 мая 1887 года в «Симбирских губернских ведомостях» вновь появилось объявление: «По случаю отъезда продается дом с садом, рояль, мебель. Московская улица, дом Ульяновой». Покупатель на дом, сад и мебель нашелся быстро. 15 июня все это приобрел за 6 тысяч рублей коллежский советник А. Н. Минин. Не был продан только рояль. Марие Александровне было не под силу расстаться с ним. Сколько воспоминаний, надежд и минут отдыха было проведено ею за ним. Рояль перехал с семьей Ульяновых в Казань. Лето проводилось, как всегда, в имении Кокушкино.

В декабре 1888 года будущий зять Марии Александровны Марк Елизаров через своего старшего брата Павла (богатого крестьянина, занимавшегося скупкой земель) помог приобрести за 7,5 тысяч рублей у золотопромышленника Сибирякова покинутый толстовской коммуной хутор в Самарской губернии, близ деревни Алакаевка: дом, сад, пруд с мельницей и более 80 десятин чернозема. Мария Александровна очень хотела, чтобы Володенька занялся устройством нового имения. Владимир, не желая заниматься хозяйством, посоветовал матери сдавать землю и мельницу в аренду, а домом и приусадебными постройками пользоваться как летней дачей. И Мария Александровна снова послушалась.

В мае 1889 году Мария Александровна с детьми Анной, Владимиром, Ольгой, Марией и Дмитрием решили переехать из Казани в Самару. В другой город было нельзя, так как Анна была под полицейским надзором, как «неблагонадежная».

Взгляд со стороны

Особо выделялась среди своих домочадцев Ольга. Стоит о ней рассказать подробнее.

Ольга Ильинична Ульянова

Фото 1887 года

Родилась она 4 (16) ноября 1871. Подмечена интересная астрологическая закономерность: когда кто-то в семье умирает, то в течение этого или следующего года там рождается Скорпион, и наоборот: рождение Скорпиона влечет за собой смерть кого-либо из близких за год или через год. Так случилось и в семье Ульяновых. Родившийся через два года в 1873 году мальчик Николай умер в том же году.

Все дети в семье Ульновых росли парами. Такой второй парой стали Володя и Оля.

По воспоминаниям старшей сестры Анны, они любили шумные игры и беготню. Особенно отличался этим Володя, который обычно командовал сестренкой. Так, во время беготни, он часто загонял Олю под диван и потом командовал, топая ногой: «Шагом марш из-под дивана!» Это было странным для Марии Александровны. Ольга была сама по складу характера лидером. Но почему-то всегда уступала брату. К тому же мать все больше стала убеждаться, что Ольга многое постигает самостоятельно, настойчива в достижении своей цели, очень рано выучилась читать и в школе начала легко усваивать сложный теоретический материал. Скоро Мария Александровна и Ольга, мать и дочь, очень сблизились. (Вспомните общее фото 1879 г., на котором она стоит за спиной матери.) Детские шалости с Володей, теперь уже гимназистом, забыты. Помогая матери, она теперь заботливо опекает маленькую сестренку Маняшу.

Из воспоминаний Марии Ильиничны Ульяновой:

«... как дача Алакаевка была очень хороша, и мы проводили в ней каждое лето. Особенно хорошо там были степной прозрачный воздух и тишина кругом. В нескольких десятках саженей от старого одноэтажного дома был старый запущенный сад, обрывом спускавшийся к ручью. У каждого из нас был там свой любимый уголок. “Один клен”, — говорили мы. И действительно, вторую мою сестру (*Ольгу*) чаще всего можно было застать за книгой около высокого старого клена».

В 1890 году Ольга уехала в Петербург учиться на Бестужевские курсы. Примечателен ее ответ на просьбу матери купить в магазинах для младшей сестры ноты: «К сожалению, у них очень плохой выбор: все старые и трудные вещи.

Да, правда, Маня теперь как раз играет так, что ей очень трудно найти хорошие вещи: от детских уже она выросла; классические вещи, как Бетховена и Моцарта, начинать ей рано, — и приходится пробавляться какой-нибудь музыкальной стряпней, вроде Бейера. Я послала ей сегодня 3 вещицы: пусть она попробует разучить сонату Гайдна. Если ей сразу не понравится, то все же посоветуй ей не бросать, потому что это такая вещь, которую надо хорошенько разучить». Какое масштабное мышление и видение предмета, и как мягко, но настойчиво она дает советы матери, которая сама хороший педагог-музыкант. А ведь Ольге только 19 лет!

Весной 1891 года Владимир, благодаря неустанным хлопотам матери, получил разрешение сдать экстерном экзамены за юридический факультет и уехал в Петербург. Подробные письма о своей жизни, а также Володиной писала в основном только Ольга. Это очень устраивало Марию Александровну. Что может быть лучшим для матери, которая может держать, как говорят сейчас, руку на пульсе и знать все о жизни дорогих ей детей. Где-то в глубине души она, наверное, корила себя, что не разглядела в старших детях трагических для их жизни изменений духовного мировоззрения. Хотя что тут говорить! Она сама была первопричиной такого духовного роста старших детей. Думала ли она повлиять на средних Ольгу и Володу? Вряд ли! Она уже хорошо осознавала, что если в революцию пошли старшие, пойдут и остальные дети. Было ей страшно, как матери? Да тут и слов нет! Кто желает смерти остальным детям, когда один уже получил смерть на виселице?

И вдруг от Володи пришла телеграмма с сообщением матери, что Оля в больнице, у нее тиф. Мария Александровна, незамедлительно выехав в Петербург и еще застала дочь в живых. Она хорошо, как мать, знала, что жизненные силы, дарованные Ольге от рождения, очень огромны, она редко может болеть, но когда болеет, то тяжело и долго. До этого Ольга всегда, как помнила мать, выкарабкивался.

Но на этот раз болезнь оказалась сильнее.

Оля была олицетворением энергии, жизнерадостности, неподдельной благожелательности, в отличие от других братьев и сестер. Все прочили ей самую блестящую будущность. Смерть эту будущность безжалостно оборвала.

Соученица Ольги Ильиничны по Бестужевским курсам Вера Емельянова писала брату: «О, Арсений, если бы ты знал, что за человек была Ульянова. Сколько надежд на нее возлагалось! Смело можно сказать, что в лице Ульяновой Россия лишилась одного честного, неутомимого деятеля-женщины. Об Ульяновой я, кажется, говорила с тобой, что это был человек выдающегося ума, развитой, высокообразованный, талантливый... Она владела хорошо английским, французским, немецким, латинским, шведским языками, она читала лучшие сочинения по политэкономии, по социологии, удовлетворяла все просьбы “разъяснить” своих однокурсниц, хорошо шла по математическому отделению».

Еще один из ее детей ушел из жизни. Мария Александровна окончательно впала в депрессию. Уход за ней, теперь уже безоговорочно, взяла на себя Анна Ильинична, о чем было сказано выше.

С 1889 года по 1903 год

Лето 1889 года Ульяновы еще жили на хуторе близ Алакаевки. В июле этого же года Анна вышла замуж за Марка Елизарова. А в сентябре все члены семьи Ульяновых приехали в Самару. После некоторых неурядиц с квартирами поселились в доме купца Рытикова, на углу Почтовой и Сокольничьей улиц (ныне угол улиц Рабочей и Ленинской). Отсюда Ольга и Владимир уехали учиться в Петербург. Отсюда Мария Александровна спешно ездила в Петербург к умирающей Ольге. Прожили Ульяновы в Самаре до августа 1893 года.

В 1893 г. Дмитрий окончил самарскую гимназию. С Анны

и ее мужа Марка Елизарова был снят полицейский надзор. Марк уехал работать бухгалтером в Управление железной дороги в Москву. Было решено всей семьей тоже переехать в Москву, где Дмитрий поступит в Московский университет на медицинский факультет, а Мария продолжит обучение в любой московской гимназии. Переехали в августе. Поселились в центре Москвы, в Большом Палашевском переулке. Дмитрий сдал экзамены и стал студентом Московского университета. Мария поступила в Елизаветинскую гимназию на Маросейке. Учебные программы ее были построены так, что выпускниц без экзаменов принимали в высшие учебные заведения.

Владимир же решил перебраться в Петербург, где был зачислен помощником к присяжному поверенному (адвокату) М. Ф. Волькенштейну. Но об адвокатской работе, как средстве заработка, он скоро перестал думать, а все свое время посвятил революционной работе и стал жить на иждивении матери.

«Попрошу прислать деньжонок: мои подходят к концу...» (Из письма матери в октябре 1893 года, Петербург). «К великому моему ужасу, вижу, что с финансами опять у меня “затруднения”: “соблазн” на покупку книг и т. п. так велик, что деньги уходят черт их знает куда. Приходится опять обращаться за “вспомоществованием”: если можно, пришли мне рублей 50–100.» (Из письма матери в августе 1895 года, Берлин, Германия).

Такие просьбы от Владимира исходили бесконечно, и все их Мария Александровна исполняла беспрекословно.

Взгляд со стороны

Откуда же брались деньги? После смерти Ильи Николаевича в 1886 году 16 лет в семье Ульяновых никто толком не работал и в бюджет семьи ничего не вносил. Анна Ильинична писала в воспоминаниях, что после смерти их отца

«вся семья жила лишь на пенсию матери (100 руб.) да на то, что проживалось понемногу из оставшегося после отца». После отца остался ни много ни мало капитал в две тысячи рублей в Симбирском городском общественном банке «по билету одного за № 12405» Анна забыла также отметить, что с февраля 1886 г. по июнь 1887 г. половина дома сдавалась в наем. Что касается других денег, оставшихся после отца, то Анна «прибеднивается». Незадолго до своей смерти от туберкулеза в 1878 году старший брат Василий, живший в Астрахани, прислал брату Илье большую сумму, которая позднее пошла на покупку Алакаевского хутора. Деньги же, вырученные от продажи дома в Симбирске, были положены в Симбирское отделение Госбанка, как и другие доходы. А их со временем прибавилось значительно. Плата за аренду 85 га земли в Алакаевке от некоего Крушвица. Некоторые суммы из Кокушкино, как совладелицы имения с сестрой Любовью Александровной. В декабре 1897 года Мария Александровна продала хутор Алакаевку за 7,5 тысяч рублей. Затем весной 1898, став владелицей Кокушкино, Мария Александровна сразу продала имение за 10 тысяч рублей богатому крестьянину Н. Н. Фадееву.

Проценты со всех этих сумм в банке и позволили Марии Александровне оплачивать расходы детей. Как считал русский публицист и экономист Николай Владиславович Валентинов (Вольский): «Деньги, положенные в банк и превращенные в государственную ренту, вместе с пенсией М. А. Ульяновой составили особый “фамильный фонд”, которым очень умело в течение многих лет распорядилась расчетливая мать Ленина. Все черпали из этого фонда: старшая сестра Ленина Анна, Ленин, младший брат Дмитрий и младшая сестра Мария. Богатства, как видим, никогда не было, но в течение долгого времени был достаток».

Так Мария Александровна стала финансистом своей семьи.

В ночь с 8 на 9 декабря 1896 года полиция арестовала 57 членов «Союза борьбы», включая Владимира. Вышел он из тюрьмы 14 февраля 1897 г с приговором к ссылке в Сибирь. Начались хлопоты Марии Александровны за своего Володеньку. Она засыпала департамент полиции прошениями. «Ввиду слабого здоровья сына» она просила позволить ему ехать в ссылку за свой счет; затем обратилась с просьбой разрешить ему задержаться в Петербурге; потом остановиться «из-за ее болезни» в Москве на одну неделю, потом продлить пребывание сына вместе с ней в Подольске. Мария Александровна также обратилась с просьбой к генерал-губернатору Восточной Сибири назначить «В. Ульянову, ввиду слабого здоровья, место ссылки Красноярск или один из южных городов Енисейской губернии».

Затем по ходатайству матери Владимир получил разрешение следовать в ссылку за свой счет по проходному свидетельству на любом транспорте за свой счет, то есть матери, избегая перемещения по этапу под конвоем в кандалах. При этом можно было взять любое количество багажа. Позже Н. К. Крупская (10 мая 1898 года) писала Марии Александровне: «Дорога в Шушу совсем не утомительна, если вам удастся выбраться сюда, то ехать будет ничего себе. А с нашим бесчисленным багажом дело обошлось вполне благополучно, ничего не растеряли, в вагоны нас всюду пускали. Спасибо так же за провизию, мы питались ею три дня, и это было намного приятней вокзальной еды».

В этом же 1897 г. и Дмитрий был арестован за участие в работе «Московского Рабочего Союза» и заключен в Таганскую тюрьму. Из Московского университета Дмитрий был исключен, проживание в Москве ему было запрещено. Семья Ульяновых в мае 1898 г. переехала в Подольск. В сентябре Дмитрий был освобожден из тюрьмы и тоже приехал в Подольск. В Москве оставалась только Мария. Муж Анны служил в управлении Московско-Курской же-

лезной дороги, имел право бесплатно ездить по этой дороге. Такое же право бесплатного проезда он выхлопотал для Анны Ильиничны и Марии Александровны, чему последняя была несказанно рада. Анне же это не нравилось. Она беспокоилась за мать и решила уговорить сестру уехать учиться в Бельгию, чтобы прекратить поездки матери в Петербург. Марию зачислили на химико-физический факультет Брюссельского университета. Мария сдала экзамены за оба семестра и уехала на каникулы в Россию, в Подольск.

30 сентября 1899 г. по всей Москве прошли обыски и аресты среди членов Московского комитета РСДРП. При обыске у членов комитета сестер Караваевых нашли письмо Марии. Полиция изъяла ее заграничный паспорт. Учеба за границей закончилась. Муж Анны устроил ее счетоводом в Управление Московско-Казанской железной дороги.

В 1900 г. был снят полицейский надзор с Дмитрия Ильича. Вернуться в Московский университет ему не разрешили. Он поступил на пятый курс медицинского факультета Юрьевского университета, закончил его в 1901 году и получил диплом врача. Через год Дмитрий переехал из Подольска в Самару вместе с молодой женой, матерью Марией Александровной и сестрой Марией. В марте 1903 г. приехала в Самару и Анна. Не было с ними только Владимира. На улице Самарская они прожили до сентября 1903 г.

С этого 1903 года, когда ее семья более или менее собралась вокруг нее, жизнь Марии Александровны стала подчинена только двум главным вещам в жизни: материальное обеспечение своих детей и хлопоты за них в любых ситуациях. А ситуации, чем дальше, тем больше у ее детей были связаны с арестами, ссылками и тюрьмами за их революционную деятельность против самодержавия.

Факты для размышлений

Девятнадцать арестов своих детей пережила Мария Александровна. Потому она много времени проводила в тюремных очередях в ожидании свиданий или передач, в хлопотах перед государственными и полицейскими инстанциями о смягчении наказания арестованным детм. Но более всего ей хотелось всегда повидаться с сыном Владимиром, много лет уже жившего за границей. И Мария Александровна совершила две поездки к нему в 1902 и в 1910 годах.

В 1902 году Мария Александровна ездила в Бретань (регион на северо-западе Франции), где с дочерью Анной она жила летом в департаменте Cotes-du-Nord в местечке Longier на берегу океана. Оставляя все дела, к ним на целый месяц приехал Владимир из Лондона.

В 1910 году Владимир написал, что хотел бы повидаться с мамой и сестрой Машей. Встретиться он предложил в Стокгольме. Вот открытка, посланная Владимиром из Копенгагена матери 4 сентября 1910 г. из Копенгагена:

«Дорогая мамочка! Посылаю тебе и Анюте горячий привет из Копенгагена. Конгресс закончился вчера. С Маняшей списался вполне: 4 сентября по стар. стилю, т.е. 17.IX по новому жду вас в Стокгольме на пристани. Две комнаты на неделю 17–24.IX мне наймет в Стокгольме товарищ. Мой здешний адрес есть у Маняши. В Стокгольм писать мне Hr.Ulianof. Poste restante. Крепко обнимаю.

До скорого свидания!

Твой В. У.»

Добрались Мария Александровна и дочь Маша из Петербурга до финского порта Або (Турку) поездом, и там пересели на пароход до Стокгольма. Мария Александровна так описала встречу с сыном: «Утром провели с удовольствием

несколько часов на палубе — погода была прекрасная. Пароход опоздал и подошел к Стокгольму в начале 10-го. Мы стояли с Маней у самого барьера и вскоре увидели Володю. Я не узнала бы его, если б Маруся не указала. Она прямо взвизгнула от радости, когда увидела его. Я нашла его очень похудевшим и изменившимся, но он уверяет, что чувствует себя очень хорошо. Сняли 2 комнаты: одна, побольше, для меня и Мани, другая — для него, очень хорошенькие и чистые, не высоко подниматься. Снял он их на 12 дней. Ходили вместе обедать».

В биографии матери, которую дочь Мария написала в 30-х годах, она отметила: «В Стокгольме Мария Александровна присутствовала и на одном выступлении брата на собрании большевистской группы... Она слушала Владимира Ильича с большим вниманием, очевидно сильно волнуясь. “Он хорошо говорил, так сильно и красноречиво, — сказала она мне потом, — только зачем он так сильно напрягается, так громко говорит — это ведь так вредно. Не бережет он себя!”»

А далее так закончила описание поездки в Стокгольм с матерью: «Когда мы уезжали, Владимир Ильич проводил нас до пристани — на пароход он не мог войти, так как этот пароход принадлежал русской компании и Владимира Ильича могли там арестовать, — и я до сих пор помню выражение его лица, когда он, стоя там, смотрел на мать. Сколько боли было тогда в его лице! Точно он предчувствовал, что это было его последнее свидание с матерью. Так оно и вышло на деле. Больше повидаться с родными до приезда в Россию, после Февральской революции, Владимиру Ильичу не удалось, а мать умерла незадолго до нее, в июле 1916 г. ».

ФИНАЛ ЖИЗНИ

Марии Александровне зимой 1916 года исполнилось 82 года. Жила она у дочерей Анны и Марии. Зять Марк Елизаров снял осенью прошлого года квартиру на улице Широкой в новом доходном доме. Большой и похожий на океанический корабль, он был еще недостаточно обжит. Изразцовая печь «Мишка», названная так по фигуре медведя на ее боку, грела плохо. Мария Александровна очень зябла. Маленькая, худенькая, опрятно одетая, она после утреннего чая, когда все разошлись по своим делам, садилась за шитье. Когда вечером ее заставляли в той же позе, журили мамочку, что не дает себе отдыху.

После обеда развлекали ее новостями, чтением газет и пришедших писем, Сетовали на скверную петербургскую погоду. Она не давала дорогой мамочке совершать прогулки. А она ведь к этому с самого детства привыкла. Вот уже и покашливать стала. Скорее бы весна, чтобы на дачу в Юкках съехать. Елизаровы снимают ее уже который год. И мамочке там всегда хорошо. Дача стоит недалеко от Токколовского озера (прим. на углу нынешних Озерной и Пионерской улиц современного поселка Юкки).

Токколовское озеро
в окрестностях деревни
Юкки

Свежий воздух, тишина, покой — что еще надо? Улыбка трогала тонкие губы Марии Александровны. Она любила эти места. Сюда всегда приезжали на выходные все родственники, дети. Кроме Володи и Дмитрия. Один в Швейцарии, другой в Севастополе на военной службе. И тень набегала на ее высокий белый лоб.

Уже на станции в Парголово, куда приезжали из города, Мария Александровна чувствовала душевный подъем. А когда нанимали извозчика и торговались с ним, потому что назад он не хотел ехать порожняком и требовал, чтобы оплатили проезд и обратно, она чувствовала нетерпение. Робко просила зятя не спорить и заплатить извозчику несчастные 75 копеек.

Тот делал вид, что неохотно соглашается, а сам посмеивался в усы.

Ехали обычно дальней дорогой, через Левашово. Несмотря на усталость, по обыкновению, Мария Александровна сразу отправлялась на прогулку посмотреть, что изменилось за зиму.

Так было всегда.

Но в этот раз после весенних паводков Мария Александровна не почувствовала былого оживления в душе. Все больше и больше ее внимание стали занимать воспоминания. Близкие все чаще стали замечать, что шитье большей частью просто лежит на ее коленях. Иногда она доставала старые письма и перебирала их.

Переезд на дачу немного оживил Марию Александровну. Все будто вошло в прежнюю колею. Только утомляться стала больше. Особенно после выходных дней, в которые приезжали из столицы толпы отдыхающих. Места прогулок тогда были полны народа.

А в середине июня Анна послала сестре Марии тревожную телеграмму о болезни матери. Та приехала и обе сестры стали неотлучно дежурить у постели начавшей угасать Марии Александровны. Она плохо спала ночью, затрудненно дышала. Днем впадала в тревожную дрему. В начале июля установилась хорошая погода, и сестры стали выносить Марию Александровну в сад. Та полулежала в кресле, прислушиваясь к звукам из соседних дач. Иногда тихим голосом спаршивала, были ли письма от Володи из Швейцарии и Мити из Севастополя. Наверное, ей больше всего хотелось их увидеть перед смертью. О чем ей еще вспоминалось? Анна писала брату Дмитрию позже, что мама спросила ее и Марию за два дня до смерти, куда ушел папа. О ком она спросила? О муже Илье Николаевиче или о собственном отце Александре Дмитриевиче? Последний умер тоже в июле месяце, только 46 лет назад.

А 12 июля Мария Александровна и сама тихо ушла из жизни.

Похоронили ее рядом с могилой дочери Ольги на Волковом кладбище Петрограда. Отпели и похоронили по христианскому обычаю. На могиле Ольги уже стоял четырехконечный чугунный крест, установленный еще братом Владимиром, на могиле же матери поставили ажурный шестиконечный.

Историческая справка

Четырехконечный крест считается «сокращенным». После разделения церквей на восточную и западную (1054 г.) четырехконечный крест стал символом католицизма. Он получил в России название «латинского» креста или «крыжа» (польское название). В православии такой крест присутствует в маслопомазании при крещении, в священническом осенении крестом паствы и самого себя, и такое же наложение креста на себя тремя перстами самими православными христианами.

В православии в ходу шестиконечный и восьмиконечный кресты.

На шестиконечном был распят Христос, как провозглашает Церковь на богослужениях: «На кипарисе и певге и кедре вознесся еси Агнче Божий». Прямое древо Креста Христова было из кипариса, поперечное, на котором были пригвождены руки Спасителя, из певга, а подножие, к которому были прибиты ноги Христовы, — из кедр.

Восьмиконечным крест стал благодаря прокуратору Понтию Пилату: «Пилат же написал надпись и поставил на Кресте (над головой распятого Иисуса Христа). Написано было: Исус Назарянин, Царь Иудейский» (Иоанна, 19:19).

Послесловие, как размышление

Что хотели отметить дети Марии Александровны, заказав на ее могилу ажурный шестиконечный крест? Крестный путь ее, как матери? Можно только гадать. Хотя в воспоминаниях того же Георгия Александровича Соломон-Исецкого есть строки, отражающие отзвуки такого мнения детей Марии Александровны:

«Даже и сам Ленин поддавался этому настроению культуры матери, и, находясь в ссылке, а затем за границей в качестве эмигранта, он писал матери нежные (столь непохожие на него) письма. И в разговоре со мной в Брюсселе, коснувшись своей семьи, он, ко всему и вся относившийся под углом «наплевать», сразу изменился, заговорив о матери. Его такое некрасивое и вульгарное лицо стало каким-то одухотворенным, взгляд его неприятных глаз вдруг стал мягким и теплым, каким-то ушедшим глубоко в себя, и он полушепотом сказал мне: «Мама... знаете, это просто святая...»

Позднее, по негромкому распоряжению ПредСовНарКома Владимира Ильича Ленина чугунные кресты были заменены на мраморные. Зачем? Тоже можно только гадать. Хотя можно и предположить, что умерший в 1919 году Марк Елизаров был похоронен рядом с тещей и ее дочкой, а ставить церковный крест на могиле первого наркома путей сообщения молодой советской республики было бы как-то негоже. Мрамор в таком случае выглядел нейтральным, можно сказать, общепринятым европейским памятником.

В 30-е годы мраморные кресты на могилах Марии Александровны, ее дочери Ольги и зятя Марка Елизарова были заменены черными мраморными саркофагами, как дань появившейся тогда моде на героическое...

Анна Ильинична умерла в 1935 году в Москве. По ее за-

вещанию тело кремировали и перевезли в Ленинград. Она хотела лежать рядом с мужем, матерью и сестрой.

В 1951 году на этом месте был сооружен мемориальный надгробный комплекс архитектора Валерия Кирхоглани и скульптора Матвея Манизера.

Волевая, целеустремленная, умеющая убеждать и подчинять себе, Мария Александровна начала строить семью немного запоздало, но согласно меркам того времени для ее сословия. К этому прибавлялась ее твердая и единоличная рука в управлении хозяйством и семьей. Даже смерть мужа не поколебала в ней собственного видения развития семьи. Неожиданно открывшийся ей фанатизм сына Александра и его гибель на виселице в 1887 году перевернули это видение. Слова сына перед смертью о необходимости и важности террора для революционных изменений в России сделали ее заложницей этой идеи. Теперь Мария Александровна ради детей, начавших следом за погибшим братом шествие в эту революцию, готова была идти на любые поступки ради спасения их любой ценой. За короткое время с необычайным упорством и хваткой она, как мы уже знаем, создала настоящий финансовый бастион для безбедного и безопасного существования своих революционирующих чад.

Кроме материального воспомоществования, делала она что-либо для духовного укрепления детей? Не думаю. Этому, как иллюстрация, свидетельствует одна из составленных старцем Амвросием Оптинским молитв матери о детях, которую Мария Александровна вряд ли знала:

«Господи! Умудри меня напечатлеть неизгладимыми чертами в уме и сердце детей моих опасение содружеств

с не знающими страха Твоего, внушить им всемерное удаление от всякого союза с незаконными; да не внимают они гнилым беседам; да не слушают людей легкомысленных; да не совратят их с пути Твоего дурные примеры; да не соблазняются они тем, что иногда путь незаконных благоуспешен в сем мире».

Жизнь ее детей шла в полном несоответствии этим молитвенным словам.

Смерть дочери Ольги в 1891 году (в этом же году умер и старец Амвросий Оптинский) тоже не изменили ее убеждений и образа жизни. Горюя об ушедших из жизни детях, Мария Александровна упрямо продолжала воплощать в жизнь свою идею-фикс: финансовая защита и поддержка благополучия ее детей.

Можно утверждать или предполагать все, что угодно, но ушла она из жизни именно летом 1916 года, наверно, не случайно. Господь прибрал ее, чтобы она не увидела, что начнут творить через год ее горячо любимые дети со всем миром, и в первую очередь с Россией

«Почитай отца твоего и мать твою, как повелел тебе Господь, Бог твой, чтобы продлились дни твои и чтобы хорошо тебе было на той земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе»

Павел Послание к Ефесянам 6:2-3

АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА РОМАНОВА (АЛИКС)

Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса, принцесса Гессен-Дармштадская (нем. Victoria Alix Helena Louise Beatrice von Hessen und bei Rhein) родилась 7 июня 1872 года в средневековом городе Дармштадте в семье Великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвиг IV и Великой герцогини Алисы, дочери Английской Королевы Виктории. Девочка была названа Алисой в честь своей матери, но это было неудобно и скоро ее переименовали в «Аликс».

(Православная Церковь по сей день празднует в этот день третье обретение главы пророка, Предтечи и Крестителя Иоанна. И здесь уместно вспомнить слова святого Иоанна Дамаскина: «мощи святых даруются нам от Владыки Христа, как спасительные источники, которые источают многообразные благодеяния». Приняв в 22 года православие, Аликс нашла в нем источник смысла своей жизни. Но об этом ниже.)

☞ КОЛОКОЛЬЧИК (01.06-11.06) ☛

Колокольчик — большой консерватор. Он не любит никаких изменений, даже самых плавных, а любой отказ от привычного порядка вещей для Колокольчика становится причиной депрессии. Переезд, смена работы или простая перестановка мебели способны испортить ему настроение не на один месяц.

Амбиции Колокольчика очень сдержанны. *Он предпочитает иметь необходимое, а не стремиться к излишнему. К тому же он придает большое значение семье.* (выделено авт.), а, значит, не имеет достаточно времени, чтобы самоотверженно строить карьеру. *В доме он поддерживает идеальный порядок, детей приучает к экономии и разумному обращению с деньгами.* (выделено авт.) Общаться с ним просто, но не слишком интересно — Колокольчик абсолютно непредсказуем, интересы его довольно ограничены.

Колокольчик любит покой, но не бездеятельность, он всегда находит себе полезное занятие и того же ждет от других. (выделено авт.) Он ни за что не станет поддерживать пустую, хоть и приятную светскую болтовню, зато охотно примет участие в нравоучительной беседе.

Колокольчик может быть навязчив, утомителен и требователен, но не стоит забывать, что он к тому же добр, заботлив, честен и дружелюбен. (выделено авт.)

Прапрадедушка Аликс

Король Георг III (1738–1820)

Георг Третий был первым монархом Ганноверской династии, родившимся в Великобритании. Английский язык для него был родным, в отличие от прадеда Георга Первого, не знавшего английского языка и бывшего до восшествия на английский престол курфюрстом брауншвейгским, и деда Георга Второго, знавшего, правда, четыре языка, но тоже бывшего до воцарения на британский престол курфюрстом брауншвейг-люнебургским. В Германии Георг Третий

ни разу не был, и одно только это вызывало одобрение среди англичан. Искренне набожный и честный в личной жизни, без единого адьюлтера за долгую семейную жизнь, он увлеченно занимался садоводством и огородничеством. За это Георг Третий получил ласковое прозвище — «Король-фермер». Как отец Георг Третий был строг. В королевской семье неукоснительно соблюдалось, чтобы дети не садились в присутствии взрослых, не читали развлекательных книг, питались скромно и без излишеств, рано вставали и рано ложились спать. Сыновья с малых лет приучались к труду. Каждый

из принцев должен был работать в королевском саду на своем участке, убирать урожай овощей и фруктов. Поочередно им вменялась в обязанность выпечка хлебцев на второй завтрак. И восемь часов в день отводилось на учебу.

Прапрабабушка Аликс

Супруга Георга III — Шарлотта Мекленбург-Стрелицкая (1744–1818 гг.)

Став в возрасте 17 лет супругой Георга III, короля Великобритании, Шарлотта оказалась под стать своему супругу. Она страстно увлекалась искусствами и музыкой. Под патронажем королевы были ее учителя музыки Иоганн Кристиан Бах (сын знаменитого композитора) и молодой Вольфганг Амадей Моцарт. Ей в возрасте 8 лет он посвятил одну из своих пьес. Королева Шарлотта достигла хороших знаний в ботанике и активно участвовала в создании Королевского ботанического сада.

Королева Шарлотта, как гласит предание, придумала так же рецепт сладкого пирога шарлотка, десерта из яблок, запеченного в тесте.

Прожив многие годы в счастливом браке, король Георг Третий и королева Шарлотта оставили после себя 15 детей — 9 сыновей и 6 дочерей. Только двое из них умерли в детском возрасте.

Прадедушка Аликс

Принц Эдуард Август, четвёртый сын короля Георга III, член британской королевской семьи, герцог Кентский и Стратэрнский, граф Дублинский (1767–1820)

Принц Эдуард считал себя физически сильнее своих пяти братьев и хвастался, что намерен их всех пережить и стать королем Англии.

Эдуард отличался от своих братьев умом и скрупулезностью в делах, был горячим приверженцем либеральных идей. Он был главнокомандующим морскими провинциями Великобритании в Северной Америке (Канаде) в 1791–1802 годах. В 1805 году получил титул герцога Кентского и звание фельдмаршала. Был комендантом Ги-

бралтара во время морской войны с наполеоновской Францией. Во время службы принц Эдуард имел репутацию человека с жестким характером, похвал не делал ни другим, ни себе. Но более слыл человеком добросердечным и щедрым, часто оказывал поддержку разным благотворительным фондам.

Прабабушка Аликс

Супруга принца Эдуарда — Княгиня Виктория Мария
Луиза Лейнингенская (1786–1861)

Родилась Виктория в семье герцога Франца Саксен-Кобург-Заальфельдского. В 17 лет она вышла замуж за князя Эмиля Карла Лейнингенского. Тот был на 23 года старше, но прожили они в браке 11 лет. В 1814 году княгиня Виктория овдовела.

Принц Эдуард к тому времени уже хотел жениться на какой-нибудь молодой и хорошенькой принцессе. Король Бельгии Леопольд Первый обратил его внимание на свою сестру, вдовствовавшую княгиню Викторию Лейнингенскую. В первые же дни знакомства принц Эдуард был очарован ею и скоро сделал ей предложение. Снова связывать жизнь с мужчиной намного старше себя Виктории не хотелось. К тому же он не был явным претендентом на английский трон и имел огромные долги, а сама княгиня не говорила по-английски. И она отказала. Король Леопольд не отступал и твердил обоим, что если у княгини и принца будут дети, то они станут первыми наследниками британского трона. В начале января 1818 года принц Эдуард, после долгих раздумий, снова попросил руку княгини, и в конце января получил согласие. Принцу Эдуарду пришлось переехать к супруге в Германию, но когда Виктория забеременела, он решил немедленно вернуться в Англию. Рождение ребенка на британской земле увеличивало его шансы стать наследником английского престола. Но отправились супруги в путь, когда княгиня Виктория была уже на 8 месяце беременности. Через двадцать дней коляска, кото-

рой правил сам принц Эдуард, прибыла в Кенсингтонский дворец.

24 мая 1819 года Виктория родила хорошенькую, пухленькую девочку, которую назвали Александрина Виктория. Судьбу не выбирают. Герцог Эдуард неожиданно умер от воспаления легких, когда дочери было 8 месяцев.

Бабушка Аликс

Виктория, королева Соединённого Королевства
Великобритании, Ирландии, императрица Индии,
последний представитель Ганноверской династии на троне
Великобритании

После смерти супруга княгине Виктории приходилось экономить буквально на всем. Маленькая Виктория, которую все домашние, кроме матери звали Дрина, носила одно и то же платье до тех пор, пока не выросла из него, и твер-

до уверилась в том, что дамы, без конца меняющие наряды и драгоценности не просто мотовки, а особы в высшей степени безнравственные.

Виктория в возрасте 4-х лет

Маленькая Виктория всегда спала в материнской спальне, поскольку та боялась, что на дочь могут совершить покушение. Первое время ее воспитание мало отличалось от воспитания любой высокородной леди. Домашнее образование, полученное ею, было классическим — языки, арифметика, география, музыка, конная выездка, рисование.

Когда ей исполнилось 12 лет, она впервые узнала блестящей перспективы, которая ее ожидает. И с этого момента методы ее воспитания получили существенные изменения. Длинный список запретов, так называемой «Кенсингтонской системы», предусматривал недопустимость бесед с незнакомыми людьми, выражение собственных чувств при свидетелях, отступление от раз и навсегда заведенного режима, чтение любой литературы по своему усмотрению, употребление лишней сладости и прочее, прочее, прочее.

20 июня 1837 года скончался король Вильям IV и на престол взошла его племянница Виктория, родоначальница правящего в Британии и поныне Дома Виндзоров.

В январе 1840 года королева выступила в парламенте со своей первой речью. Она объявила о своем предстоящем замужестве. Ее избранником был принц Альберт Саксен-Кобургский.

Медовый месяц молодые провели в Виндзорском замке. Эти дни королева всю жизнь считала лучшими в своей долгой жизни, хотя этот месяц ею же самой был сокращен до двух недель. «Для меня абсолютно невозможно не быть в Лондоне. Два или три дня — это уже долгое отсутствие. Ты забыл, моя любовь, что я монарх». Вскоре после свадьбы в рабочем кабинете королевы был поставлен письменный стол и для принца.

Молодая королева не обладала особой красотой. Но лицо ее было умно, чуть навывкате глаза смотрели сосредоточенно и пытливо. Она вполне выглядела представительно, хотя и не без юмора писала о себе: «Мы, однако, довольно невысоки для королевы».

Ее супруг Альберт, напротив, был очень привлекателен, строен и элегантен. Да к тому же слыл «ходячей энциклопедией».

В письме своему дяде, бельгийскому королю Леопольду Первому, она писала: «Спешу Вам сообщить, что я счастливейшая из женщин, самая счастливая из всех женщин мира. Я действительно думаю, что невозможно быть счастливее меня и даже — столь же счастливой. Мой муж ангел, и я его обожаю. Его доброта и любовь ко мне так трогательны. Мне достаточно увидеть его светлое лицо

Виктория в 1875 году.
Аликс в это время три года

лумбия и столица Сейшельских островов.

Как наиболее популярному монарху, Виктории поставлено больше всего памятников в Англии, самый известный из которых — монумент около Букингемского дворца.

и заглянуть в любимые глаза — и мое сердце переполняется любовью...» У них родилось 9 детей.

Благодаря обширным родственным связям Виктория оказывала влияние на всю европейскую политику, за что получила ласковое прозвище «бабушка Европы». Именем Виктории были названы штат Австралии, самое большое озеро в Африке, знаменитый водопад на реке Замбези, главный город канадской провинции Британская Ко-

Мать и Отец Аликс

Алиса, вторая дочь королевы Виктории и принца Альберта, урожденная Алиса-Мод-Мэри (1843–1878)

В 1862 году принцесса Алиса была выдана замуж и стала великой герцогиней Гессенской и Рейнской.

Муж Алисы, великий герцог Гессенский и Рейнский
Людвиг IV

Дети великого герцога Людвига IV и великой герцогини Алисы:

Виктория (5 апреля 1863–24 сентября 1950), замужем за Людвигом Баттенбергом (Маунтбаттеном), бабушка Филиппа Эдинбургского, мужа Елизаветы II;

Елизавета («Элла»; 1 ноября 1864–18 июля 1918), супруга великого князя Сергея Александровича (в православии Елизавета Фёдоровна), убита большевиками;

Ирена (11 июля 1866–11 ноября 1953), супруга принца Генриха Прусского, брата Вильгельма II

Эрнст Людвиг (25 ноября 1868–9 октября 1937), последний правящий великий герцог Гессенский и Рейнский;

Фридрих (7 октября 1870–29 мая 1873), умер, боля гемофилией, после несчастного случая;

Алиса («Аликс»; 7 июня 1872–17 июля 1918), с 1894 жена Николая II и российская императрица Александра Фёдоровна, убита большевиками вместе с мужем и детьми;

Мария (24 мая 1874–16 ноября 1878), умерла в детстве от дифтерии.

Великая герцогиня Алиса и ее семья

Великая герцогиня Алиса была глубоко набожным человеком. Искренне веруя в важность такой христианской добродетели как милосердие, она была учредителем в стране больниц, благотворительных организаций, отделений Красного Креста, женских союзов. С раннего возраста все ее дети ходили с матерью помогать словом и делом больным в дармштадтские больницы и приюты. Они носили цветы и фрукты, исполняли мелкие поручения матери по уходу за больными. Особенно без усталости это делала Аликс. «Всегда смеющаяся, с ямочкой на щеке» девочку в семье и за ее пределами часто называли «солнышком».

Во время Австро-Прусской войны 1866 года, в которой Гессен 16 июня выступил на стороне Австрии, великая герцогиня Алиса, несмотря на то, что была на последнем месяце беременности третьим ребенком, организовала благотворительное общество, занимавшееся помощью раненым и подготовкой медицинских кадров.

После поражения в войне Гессен был разорен. Бедность стала уделом герцогской семьи и большинства жителей герцогства.

Великая герцогиня Алиса сама ухаживала за всеми детьми, и только родившимися и подростками. Во главу угла в их воспитании она ставила внушение, что нельзя кичиться своим происхождением, и о людях надо судить по их поступкам и самим поступать по правде.

Обладая незаурядными музыкальными способностями и тонким поэтическим вкусом, великая герцогиня Алиса переписывалась со многими известными музыкантами, философами и поэтами того времени, в том числе с немецким композитором и пианистом Иоганнесом Брамсом, с знаменитым немецким философом и богословом Давидом Штраусом, английским поэтом Альфредом Теннисоном.

Первое несчастье постигло семью в 1873 году. Через год после рождения Аликс умер трехлетний Фридрих (Фритти, как его звали родные) от внутреннего кровотечения после падения из окна. Он был гемофилик. Эта болезнь перешла, как считают некоторые историки, в английскую королевскую фамилию Виндзоров через мать королевы Виктории — княгиню Викторию Марию Луизу Лейнингенскую, урожденную принцессой Саксен-Кобургской (отсюда название этой болезни «проклятие Кобургов»).

Причем, заболели гемофилией мальчики, а переходила она по женской линии.

В 1878 году великий герцог Людвиг Четвертый повез семью в путешествие по Европе, чтобы отвлечь жену от страданий меланхолией из-за воспоминаний о прошедшей войне и смерти сына 5 лет назад. После возвращения из путешествия новый сокрушитель-

ный удар постиг семью. Дети заболели дифтерией. 16 ноября умерла младшая четырехлетняя Мария. Остальные тоже были на волосок от смерти.

Это стало ударом для герцогини Алисы, постоянно находившейся при больных детях. Вскоре стало ясно, что и она сама больна дифтерией. Болезнь победила великую герцогиню, как и младшую дочь. Через 2 недели она скончалась. 14 декабря 1878 года в возрасте 35 лет.

Впоследствии, жители Дармштадта на собранные деньги воздвигли ей памятник с надписью «Алисе — незабвенной Великой Герцогине».

Жизнь Аликс у бабушки Виктории

Бабушка Виктория, с разрешения овдовевшего зятя, великого герцога Людвиг Четвертого, перевезла всех внуков в Англию, в замок Осборн. Там специально подобранные ею учителя начали заниматься воспитанием и образованием детей.

Королева Виктория из внучат — гессенцев больше всех выделяла Аликс, называя ее «мой солнечный лучик», хотя то и дело ласково журила внука за смешные проделки.

Аликс было предназначено стать принцессой, ее растили для этой миссии. И она осваивала «придворную науку» легко, без всяких усилий и трудностей.

Королеву Викторию беспокоило лишь, что «милая умница Алики» из-за потерь

близких ей людей перестала обаятельно и весело улыбаться на людях, как прежде, стала очень застенчивой и даже пугливой. При общении с чужими больше молчала и часто краснела. Разговаривала открыто, играла на фортепьяно или пела только в узком кругу хорошо ей знакомых людей.

Встречи с Ником

Весной 1884 года сестра Аликс Елизавета (Элла, как ее называли в семье) вышла замуж за князя Сергея Александровича, брата русского Императора Александра Третьего. 12 летняя Аликс вместе с родными сопровождала Елизавету на свадьбу в Петербург. Она впервые увидела необъятные просторы России, которые поразили ее и вызвали смутное чувство страха и интереса. Еще удивительнее было, что на каждой станции свадебный поезд из Германии приветствовали местные жители.

Родню невесты разместили в Петергофском дворце. Здесь Аликс и 16-летний Цесаревич Николай впервые увидели друг друга. Как позже они признавались друг другу, между ними сразу родилась какая-то неведомая связь. «Мое детское сердце уже стремилось к тебе с глубокой любовью»: так писала об этом в 1916 году уже Александра Федоровна, а не Аликс, мужу Ники. В церкви при венчании молодоженов Николай и Аликс стояли рядом и переглядывались. Николай, ужасно робея, незаметно вложил в ладонь Аликс брошь. Она несколько дней раздумывала, потом, стесняясь и краснея, вернула Николаю его подарок. Но за две недели до отъезда немецких гостей они тайком от всех нацарапали свои имена на окошке итальянского домика в Петергофе: «Alix, Niki».

В 1888 голу, осенью, Аликс снова стала похожа на прежнее «солнышко», когда вместе с братом Эрнестом и отцом

приехала погостить у сестры Эллы в Петербург. Они остановились на Невском проспекте в доме Эллы, теперь Великой княгини Елизаветы Федоровны. Сюда к «тете Элле», «тетеньке» без церемоний часто заезжал Цесаревич Николай. Ему очень нравилась веселая, остроумная хозяйка дома, но еще более ее гостя, сестра Аликс.

В 1889 года, зимой, Аликс старалась не отставать в развлечениях петербургской великосветской молодежи: ходила на каток, каталась на санках с горки. Цвет щек ее неизменно был алым. Для окружающих он был связан у этой молчаливой немецкой принцессы с морозным воздухом. И никто не догадывался сколько Аликс прилагала усилий, чтобы преодолеть свою природную стеснительность. Только с Ники она могла свободно разговаривать и смеяться. А далее, после отъезда Аликс, они стали писать друг другу нежные письма.

Помолвка с Ником

20 апреля 1894 года, в Кобурге, состоялась свадьба брата Алики герцога Гессенского Эрни и принцессы Виктории — Мелиты Эдинбургской. На ней была объявлена помолвка Аликс с русским цесаревичем Николаем. На стеклах окон «зеленого кабинета» кобургского замка, на втором этаже, сохранились вырезанные алмазными гранями фамильного перстня Аликс две буквы, переплетенные в замысловатый вензель: «Н&А». Он вернул ей в тот день брошь, которую подарил при первой встрече, на свадьбе Эллы. Она считала ее теперь главным свадебным подарком и всегда носила на себе до последнего дня.

(Когда камер-юнгфере Тутельберг в 1918 году показали сохранившийся фрагмент броши, она сказала: «Я вижу часть украшения с бриллиантами. Оно мне положительно напоминает брошь Ее Величества. Это — часть от нее, от броши»).

В дни помолвки любимой внучки королева Англии писала старшей сестре Аликс, Виктории: «Чем больше я думаю о замужестве нашей милой Аликс, тем более несчастной себя чувствую. Я ничего не имею против жениха, поскольку он мне очень нравится. Все дело в стране и в ее политике, столь странной и отличной от нашей. Все дело в Аликс. После ее замужества ее частной личной жизни придет конец. Из почти никому неизвестной принцессы она превратится в почитаемую и узнаваемую всеми особу. Сотни приемов в день, сотни лиц, сотни поездок. У нее будет все, чего только желает самая избалованная душа человеческая, но при этом тысячи глаз будут придирчиво следить за нею, за каждым ее шагом, словом, поступком... Непосильная ноша для милой Аликс. Ведь она никогда особо не любила шумной жизни в свете.

Для того, чтобы привыкнуть к блестящему своему положению, некоторым русским императрицам, я знаю, понадобились годы. У Аликс едва ли будет несколько месяцев, увы!»

Старая, мудрая «королева Вики», как всегда, не ошиблась. Свадьба Аликс и Николая была назначена на лето 1895 год. Но уже в конце сентября 1894 года она получила от Цесаревича тревожную телеграмму с просьбой срочно прибыть в Россию, в Крым, где в Ливадийском дворце умирал император Александр Третий.

Смена религии

Элла, сестра Аликс, перешла в Православие, хотя как супруге Великого князя это было необязательно. Но прожив несколько лет в России, настолько прониклась духовными устоями русской жизни, что мечта стать православной скоро стала реальностью. Елизавета Федоровна (Элла) долго опасалась этим огорчить отца и родственников-протестантов, После того, как в 1888 году она вместе с мужем побывала

на Святой Земле на освящении храма во имя Святой Марии Магдалины в Гефсимании, решила писать отцу о своем поступке. Но письмо было написано спустя пару лет, когда всем стало ясно, что ее сестра Аликс все таки будет супругой цесаревича Николая

Весной 1891 года Великий герцог Гессен-Дармштадтский получил письмо, которое его потрясло до глубины души, а еще более, что и Аликс придется стать православной, если она выйдет замуж за наследника Русского Престола. Для Аликс такое решение хотя и было непростым, но не означало ухода от самого важного в ее жизни.

«Вера и религия играли такую большую роль в моей жизни. Я не могу просто к этому относиться, и если я прихожу к уверенности в чем-либо, то уже навсегда... И также любовь ко Христу — она всегда была так близко связана с нашей жизнью в эти 22 года».

Ожидание свадьбы

Чтобы понять, как жили в недолгой разлуке помолвленные Аликс и Ники, стоит прочитать хотя бы одно письмо из их тогдашней переписки.

Харрогейт, 23 мая 1894 года, письмо А-24.

Драгоценный Ники,

Сегодня днем фрейлейн Шнайдер и твоя совушка чудесно покатались по холмам, собирали цветы, растущие у обочины дороги. Ветрено, прохладно. Закат солнца был великолепен, все окутала дымка, поэтому мы можем надеяться на прекрасную погоду. Пока наши дамы работали, я им читала из русской географии, а сейчас, перед тем, как ложиться спать, немного напишу. Наша комната выглядит прелестно, украшенная цветами, которые мы сегодня собрали, и всеми моими фотографиями...

Больше часа Шнайдерляйн и я занимались русским языком, но это было совсем не просто, так как в то же самое время на улице выступали и чудесно пели “Панч и Джуди”. Мы читали о мальчишке и его больной матери, о именинах бабушки и корзине с яблоками — хороший рассказик, но когда потом я должна была его пересказать, почувствовала себя совсем беспомощной — знаю довольно много слов, но не могу связать их в предложение...

Перед тем, как лечь спать, я хочу еще раз перечитать твое милое письмо, оно делает меня счастливой.

О, какая невыразимая радость знать, что ты любима и желанна, и я на коленях молюсь о том, чтобы с каждым днем становиться все более достойной твоей великой любви. О, мой Ники, мой дорогой... Да благословит тебя Бог ныне и во веки веков. От любви к тебе мне хочется плакать. Мне очень не хватает тебя. Я скучаю также и по Эрни, который раньше мог в любую минуту вбежать в мою комнату, а сейчас женат и счастлив, и ему не до меня. Никогда не было брата добрее и милее, если не считать, конечно, моего козлика и моего любимого Папу — ужасно думать, что никогда больше мы не встретимся с ним в этом мире. С каждым днем мне все больше и больше его не хватает, особенно сейчас, когда, благодаря тебе, мое сердце так полно любви. Завтра моей младшей сестре Мэй было бы 20 лет. Только подумать, какой бы уже взрослой и милой она была. Но, любовь моя, мне лучше лечь спать, у меня сегодня очень болели ноги...

Доброе утро, дорогой мой мальчик... На улице играют какие-то бедняки, и не плохо: арфа, виолончель, кларнет и, наверно, скрипка, — это напоминает мне о моей любимой Венеции... Ты знаешь, я уже пробовала делать массаж, но никакой пользы не было, и доктор думает, что при моей болезни это даже вредно, так как нерв проходит по всей

ноге, а не только в колене. Сегодня утром, по крайней мере, стало теплее и ярко светит солнце. На прошлой неделе здесь немного шел снег... ну, ты знаешь, мы на полпути к Шотландии, между Лидсом и Йорком...

Бог тебя благослови, моя любовь. Много нежных поцелуев от твоей вечно любящей и искренне верной старушки,

Аликс.

Венчание с Ником

Государь Император Александр III скончался 20 октября 1894 года. В тот же день Николай Александрович принял Престол, а на следующий день 21 октября его невеста принцесса Гессен-Дармштадтская Алиса приняла Православие и стала называться Александрой Феодоровной.

14 ноября 1894 года (в день рождения императрицы Марии Феодоровны, что позволяло отступление от траура) состоялось бракосочетание Государя Императора Николая II с Александрой Феодоровной, после которого она написала в дневник мужу:

«Никогда бы не поверила, что может быть такая полнота счастья в этом мире — такое чувство единения двух смертных существ. Мы не разлучимся более. Наконец-то мы вместе, и наши жизни связаны до конца, а когда эта жизнь кончится, то в другом мире мы встретимся снова, и уже не разлучимся вовеки».

Помазание на царствование

Новый император издал свой первый манифест, в котором было названо новое вероисповедание, новый титул и новое имя прежней принцессы Гессенской, Аликс, внучки королевы Виктории. Манифест гласил:

«Сегодня совершено святое миропомазание над нареченной Невестой Нашей. Приняв имя Александры, она стала дочерью Православной Нашей церкви, к великому утешению нашему и всей России»...

26 мая 1896 г. в день коронации, как вспоминали очевидцы, небо над Москвой было голубым и безоблачным. В Кремле по ступеням красного крыльца камер-лакеи растелили алый бархатный ковер. Во главе процессии шли бородатые священники в золотых рясах. За ними следовала вдовствующая императрица Мария Федоровна, шлейф которой поддерживало несколько человек. Наконец, наверху показались Николай Александрович и Александра Федоровна. На груди императора алая орденская лента, рядом с ним шла государыня в платье из серебряной тафты с красной лентой через плечо. На шею у нее была нитка розовых жемчужин. В середине собора были поставлены три трона: средний — для царя, правый для вдовствующей, левый для молодой императрицы. Царь сел на Алмазный трон XVII века царя Алексея Михайловича. Свое название трон получил от 870 алмазов, которыми он был украшен.

Александра Федоровна восседала на знаменитом троне из слоновой кости, привезенном в Россию из Византии в 1472 г. невестой Ивана III, великого князя Московского, Софьей Палеолог. Церемония коронации продолжалась 5 часов. Несмотря на продолжительность церемонии, как писала молодая царица одной из своих сестер, она ничуть не устала; так сильны были охватившие ее чувства. Церемония эта стала для нее таинством обручения с Россией.

Много лет спустя балерина М. Ф. Кшесинская, бывшая любовница цесаревича Николая, так писала в своих эмигрантских мемуарах:

«Мнения могут расходиться на счёт роли, сыгранной Императрицей во время царствования, но я должна сказать, что в ней Наследник нашёл себе жену, целиком воспринявшую русскую веру, принципы и устои царской власти, женщину больших душевных качеств и долга».

А камердинер семьи Николая II, Волков А. А. словно подытожил в своих мемуарах:

«Я скажу про них просто — это была самая святая и чистая семья».

ДЕТИ

«Женщина должна быть великодушной и добросердечной. Женщина, чье сердце не трогает вид горя, которая не стремится помочь, когда это в ее силах, лишена одного из главных женских качеств, которые составляют основу женского естества». (Александра Федоровна)

В последующие годы у царственной четы родились четыре дочери —

1. Ольга (3 ноября 1895)
Скорпион по гороскопу

Поздним вечером 3 ноября 1895 года императрица родила девочку, которую родители назвали Ольгой. Патологические роды, видимо, обуславливались как слабым здоровьем императрицы, которой на момент родов было 23 года, так и тем, что с юношеского возраста она страдала крестцово-поясничными болями. Боли в ногах преследовали ее всю жизнь. Поэтому домочадцы часто видели ее в инвалидной коляске. После тяжелых родов императрица «встала на ноги» только к 18 ноября, и сразу стала садиться в инвалидное кресло.

2. Татьяна (29 мая 1897)
Близнец по гороскопу

Татьяна родилась 29 мая 1897 года в Александровском дворце, куда на лето переехала Семья. Великий князь Кон-

стантин Константинович записал в дневнике: «Утром Бог дал Их Величествам ... дочь. Известие быстро распространилось и все были разочарованы, так как ждали сына».

3. Мария (14 июня 1899)
Близнец по гороскопу

14 июня 1899 г в Петергофе родилась третья дочь — Мария. Череда дочерей в царской семье вызвала устойчивое настроение разочарования в обществе. Даже ближайшие родственники царя в своих дневниках неоднократно отмечали, что известие о рождении очередной дочери вызывало вздох разочарования по всей стране.

4. Анастасия (5 июня 1901)
Близнец по гороскопу

5 июня 1901 г в Петергофе родилась четвертая дочь царя — Анастасия. Из дневника Ксении Александровны, сестры Ники: «Аликс чувствует себя отлично — но, Боже мой! Какое разочарование! Четвертая девочка!»

«Какое разочарование! Четвертая дочь!» — такую же запись в дневнике сделал и Николай.

Анастасия Николаевна. По природе своей ребенок живой и веселый. Она обожала шалить и проказничать. Но, как отмечают многие очевидцы, несла с собой атмосферу светлой радости и способна была поднять настроение любому. «Она была очень тонкая, удивительно остроумная, весьма сдержанная. Она была настоящим комик. Всех Она смешила. Сама

никогда не смеется. Только глаза блестят», — так описал Анастасию Николаевну Сидней Гиббс, учитель английского языка. В семье у неё было прозвище — Швыбз, Швыбзик.

5. Пятая беременность началась в ноябре 1901 г. Эту беременность царская семья связывала исключительно с «пассами» придворного экстрасенса Филиппа. По рекомендации Филиппа императрица не допускала к себе медиков до августа 1902 г. Лейб-акушер Отт после обследования Аликс объявил, что «Императрица не беременна и беременна не была». Это известие обрушилось страшным ударом на психику Александры Федоровны и стало потрясением для всех.

В официальном Правительственном вестнике опубликовали сообщение, что беременность императрицы окончилась выкидышем.

6. В 1903 г следуя советам Филиппа, вся семья посетила Саровскую пустынь. После посещения села Дивеева, императрица забеременела в шестой раз.

Эта беременность закончилась благополучным рождением цесаревича Алексея 30 июля 1904 г.

Лев по гороскопу

Николай писал в дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в который так явно посетила нас милость Божья. В 1,4 дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро — для меня, по крайней мере».

Императрица родила наследника очень легко «за полчаса». В своей записной книжке она писала: «вес — 4660, длина — 58, окружность головы — 38, груди — 39, в пятницу 30 июля, в 1ч. 15 мин пополудни».

На фоне праздничной суеты царственных родителей мучила мысль, не покажутся ли тревожные признаки страшной болезни. Шесть недель спустя Николай II записал:

«Аликс и я были очень обеспокоены кровотечением у маленького Алексея, которое продолжалось с перерывами до вечера из пуповины. Пришлось выписать Коровина и Хирурга Федорова; около 7 часов они наложили повязку. Маленький был удивительно спокоен и весел! Как тяжело переживать такие минуты беспокойства».

На следующий день царь записал:

«Утром опять на повязке была кровь; с 12 часов и до вечера ничего не было. Маленький спокойно провел день почти не плакал и успокаивал нас своим здоровым видом!»

На третий день кровотечение прекратилось.

Но страх, зародившийся в душе у Ники и Аликс, продолжал усиливаться. И не напрасно. Подрастая, малыш естественно, как и все дети, и спотыкался, и падал, и у него на ручках и ножках сразу появлялись маленькие шишки и ссадины, которые в течение нескольких часов увеличивались в размерах, превращаясь в синеватые опухоли. Кровь под кожным покровом не свертывалась. Это означало, что у ребенка была гемофилия.

Портреты детей

Все 4 девочки отличались друг от друга, и с возрастом разница эта становилась все заметнее.

Старшая Ольга Николаевна походила на отца — застенчивая и робкая, с длинными русыми волосами, голубыми глазами и широким русским лицом. Она поражала своей добротой, целомудрием, глубиной чувств.

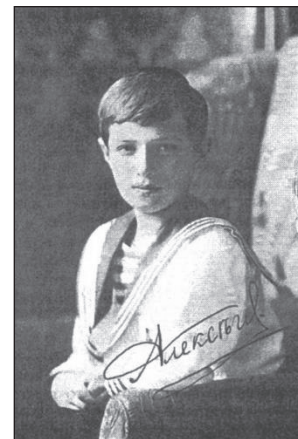

Вторая дочь Татьяна Николаевна была в мать — худенькая и высокая. Она редко шалила и сдержанностью, и манерами напоминала Аликс. Она всегда одергивала сестер от излишних шалостей, строго напоминая им волю матери. С роскошными каштановыми волосами, сероглазая, она была стройнее и элегантнее всех своих сестер.

Третья дочь Мария Николаевна была самой хорошенькой. У нее были румяные щеки, густые светло-каштановые волосы, большие синие глаза. Марии Николаевне очень нравилось рисовать. Излюбленной темой в ее беседах с сестрами и близкими были замужество и дети. Домашние называли ее Машкой.

Четвертая дочь Анастасия Николаевна была невысокого роста, голубоглазой и большой шалуньей. Имея отменный слух и наблюдательность, она подросла и стала превосходным мимом. Анастасия Николаевна умела очень комично пародировать речь и поведение окружающих.

Сын Алексей Николаевич был синеглазым, жизнерадостным и полным энергии мальчиком с золотистыми кудрями, которые с возрастом потемнели и выпрямились.

Родители пользовались любой возможностью похвастаться им. Как вспоминал А. А. Мосолов, начальника канцелярии министерства двора, государь однажды пригласил его в ванную комнату. «Мы вошли. Наследник полоскался в ванночке. Мальчика вынули из ванночки и, без особых затруднений обтерли. Тогда царь снял с него простыню, поставил ножками на руку, другой держа его подмышками, и показывал мне его во весь рост. Действительно, это был чудно сложенный ребенок».

П. Жильяр, преподаватель французского языка у царских детей, отмечал: «Алесь Николаевич явился главным членом царской семьи, так сильно сплоченной, его окружали всеобщей любовью и на него возлагали все надежды. Сестры обожали его. Он был радостью и гордостью родителей. Когда он был здоров, дворец преображался. Казалось, все и все в нем было залито светом».

И он же, П. Жильяр предложил Алику и Николаю предоставить сыну больше самостоятельности, приучая его силой воли сдерживать свои импульсы. Родители согласились на опасный опыт. Как позднее писал П. Жильяр: «Они любили его безгранично, и именно эта любовь давала им идти на риск какого-нибудь несчастного случая, последствия могли быть смертельны, лишь бы не сделать из него человека, лишенного мужества и нравственной стойкости».

Один случай подтверждает правоту родителей. Алексей зашел в кабинет к отцу, зная, что беседа с министром у того должна быть закончена. Но беседа затянулась, а министр при виде наследника, едва привстав со стула, вальяжно протянул для рукопожатия руку. Алексей спокойно заложил руки за спину и выжидательно посмотрел министру в глаза. Тот невольно подобрался и стал на вытяжку перед наследником. Только тогда тот ответил на рукопожатие. А когда Алексей вышел из кабинета, государь с какой-то грустью и в то же время с гордостью сказал все еще стоящему министру: «Да. С ним вам не так легко будет справиться, как со мной».

Клавдия Михайловна Битнер (учительница Царскосельской гимназии преподавала Алексею русский язык, арифметику, историю и географию в Тобольске) так писала в своих воспоминаниях о наследнике: «Я не знаю, думал ли он о власти. У меня был с ним разговор об этом. Я ему сказала: “А если вы будете царствовать?” Он мне ответил: “Нет, это конечно навсегда”. Я ему сказала: “Ну, а если опять будет, если вы будете царствовать?” Он мне ответил: “Тогда надо устроить так, чтобы я знал больше, что делается кругом”. Я как-то его спросила, что бы тогда он сделал со мной. Он сказал, что он построил бы большой госпиталь, назначил бы меня заведовать им, но сам приезжал бы и “допрашивал” обо всем, все ли в порядке. Я уверена, что при нем был бы порядок».

Воспитание детей Аликс

«Что касается детей, — писала в дневнике Александра Федоровна, — то долг родителей — подготовить их к жизни, к любым испытаниям, которые ниспошлет им Бог».

Царские дети изучали русский, французский, английский, немецкий языки, историю, арифметику, географию, грамматику и Закон Божий. Как вспоминал П. Жильяр, «в течение нескольких первых недель его преподавания Императрица сама регулярно присутствовала на уроках детей, интересуясь ими. Она часто обсуждала с преподавателем приемы и методы обучения, проявляла исключительное внимание к обучению и воспитанию своих детей, как мать, всецело преданная своему долгу. Императрица хотела внушить детям также внимательность к наставникам, требуя от дочерей порядка, который составляет первое условие вежливости.»

Великие княжны вместе с матерью шили одежду, которая отправлялась в приюты и в бедные семьи. По воспоминани-

ям Т. Е. Мельник-Боткиной, дочери лейб-медика Николая II Е. С. Боткина, свои заботы и внимание царская семья распространяла на всех, кого знала и часто в свободные минуты. Так Великие Княжны обожали ходить в комнату какой-нибудь судомойки или сторожихи, чтобы поныть там с ее детьми.

Кроме того, по воспоминания близких, девочки были всегда готовы оказывать конкретную помощь любому нуждающемуся. Например, Ольга однажды обратилась к родителям с просьбой позволить ей оплатить лечение мальчика-инвалида с костылями. Она часто встречала его во время прогулок и улышалась, что у родителей нет денег на лечение. Она сразу же начала откладывать для этого из своих ежемесячных небольших сумм. И когда набралась достаточная сумма, сразу обратилась к родителям с просьбой.

В Сергиевом-Посаде есть музей игрушек, в которые играли дети последнего русского императора Николая II.

«В доме, где растут дети, всё их окружение и всё, что происходит, влияет на них. И даже самая маленькая деталь может оказать прекрасное или вредное воздействие. Даже природа вокруг них формирует будущий характер. Все прекрасное, что видят детские глаза, отпечатывается в их чувствительных сердцах», — записала однажды в своем дневнике императрица Александра Федоровна.

О том, какими принципами в воспитании руководствовались последний русский император и его супруга, можно судить в том числе по игрушкам, в которые играли цесаревич и великие княжны. Это были различные картонные наборы для изучения языков, географии, царских династий, например, Настольная игра «Путешествие по России» или «Историческое лото с портретами Государей Земли Русской».

Был бумажный настольный детский театр «Жизнь

за царя» по опере М. И. Глинки. Театр состоял из 34 картонных частей: сцены, кулис, фигур героев. Все члены царской семьи разыгрывали сценки этого домашнего спектакля. Играли дети и в шахматы, и в настольную игру «Христос Воскресе!»

У самого цесаревича Алексея был кукольный театр Гиньоль и еще набор для тиснения по коже, с помощью которого, например, можно было сделать рамку для фотографии. На один из праздников маленький Алексей получил в подарок конструктор в виде часов-ходиков. Собранные заново уже в наше время они пошли!

Когда девочки-цесаревны подросли, мать научила их шить, вышивать, вязать спицами, мастерить своими руками наряды для кукол, уделяя особое внимание национальным костюмам народов Российской империи, например, куклы в костюме крестьянки Тульской губернии, крестьянки Московской губернии, куклы «татарка», «армянка», «осетинка».

Для этого у княжон были наборы для шитья платьев на таких кукол.

Кроме того был игрушечный терем, и большая шкатулка-ларец в духе русских сказок и народного искусства. Детям (особенно наследнику) внушалось: нельзя стоять во главе народа, не осознавая его глубинных, культурных и духовных ценностей.

Императрица часто принимала участие в играх, учила девочек, как надо правильно наряжать фарфоровых воспитанниц и ухаживать за ними и их нарядами. Светский этикет и правила домоустройства постигались в игре.

Наследники российского престола оказывались в седле с самого раннего детства. Первой лошадкой была деревянная лошадка-качалка. Кажется удивительным, но одна из них пережила всех императоров и даже саму монархию. На ней «скакали» по царским покоям и Павел, и Александры с Николаями, хотя спину и бока скакуна приходилось под-

крашивать и лакировать, чтобы Их Величества не занозили себе ноги.

На праздники девочки получали дорогие подарки — фарфоровых красавиц всех именитых фабрик Франции, Германии и России. Но фарфоровые куклы считались предметом роскоши. Они хранились в закрытых шкафах и вынимались по особым случаям.

Для повседневных игр существовали куклы попроще — недорогие немецкие куклы, куклы из папье-маше, композита и мастики из Англии и российского производства. Бывало даже так, что покупались отдельные головки, а туловища мастерились самостоятельно.

Алексей воспитывался прежде всего как будущий наследник престола, которому предстоит управлять огромной державой, и в том числе армией. У него было все, что следует иметь маленькому воину: игрушечная трехлинейная винтовка системы Мосина, игрушечные сабли, игрушечный корабль («Броненосец «Севастополь»), сигнальные флажки, треугольный красный вымпел с белым крестом. А еще то электрическая железная дорога со станциями и туннелями, с огромным паровозом. Цесаревичу Алексею из Лондона отец привез индейский вигвам, пирогу, головной убор — чтобы играть в индейцев.

В царской семье заботились о физическом воспитании детей, что подтверждает сохранившийся до наших дней сундук с набором из 36 игр, среди которых бадминтон, кегли, соревновательная «игра в индейцев».

И еще один немаловажный момент. Александра Федоровна сама посещала многих туберкулезных больных и посылала к ним дочерей. Ей часто говорили, что не стоит подвергать девочек опасности заразиться, но она не принимала этого во внимание, и Великие Княжны продолжали наве-

щать даже самых тяжелых больных. «Они должны видеть в жизни не только красоту, но и печаль», — сказала однажды Александра Федоровна. какой-то из фрейлин.

ЖЕНСКИЙ ОБЛИК АЛИКС

Своей внешности императрица, как и всякая женщина «с положением и возможностями», уделяла большое внимание. При этом имелись и нюансы. Так, императрица практически не использовала косметику и не завивала волосы. Только накануне больших дворцовых выходов парикмахер

с ее позволения использовал завивочные щипцы. Императрица не делала маникюр, «поскольку Его Величество терпеть не мог наманикюренные ногти». Из духов императрица предпочитала «Белую розу» парфюмерной фирмы «Аткинсон». Они, по ее словам, прозрачны, без всякой примеси и бесконечно ароматны. В качестве туалетной воды она использовала «Вербену».

Свои парфюмерные предпочтения появились и у великих княжон, когда те подросли. Девочки, как и положено в их возрасте, экспериментировали, но со временем остановились на парфюмерии французской фирмы «Коти». При этом Татьяна предпочитала «Jasmin de Corse» («Корсиканский жасмин»), Ольга — «Rose Tee» («Чайная роза»), Мария то и дело меняла духи, но, в конечном счете, остановилась на «Сирени», а постоянными духами Анастасии стала «Фиалка».

Императрица Александра Федоровна внимательно следила за внешним видом своих дочерей, и костюмы им шили те же портные, что и самой императрице. Как правило, костюмы заказывались одного и того же покроя для всех четырех дочерей. Или два парных костюма для «старших» — Ольги и Татьяны и два одинаковых для «младших» — Марии и Анастасии. Девочки по-разному относились к бесконечным примеркам. Например, великая княжна Татьяна очень любила наряды, и любое платье, даже самое простое, смотрелось на ней великолепно.

Близкие к императрице мемуаристки подчеркивали, что «одевалась она очень хорошо, но не экстравагантно. Она подбирала наряды к своему типу внешности и ненавидела крайности моды». Дома императрица любила носить блузки с юбкой. Она категорически не воспринимала «последний крик моды» — узкие юбки.

Любимыми цветами императрицы были голубой, лиловый, сиреневый, белый, серый и светло-розовый. Александра Федоровна предпочитала длинные, ниспадающие широкими складками платья, в которых выглядела очень

привлекательно. У императрицы были предпочтения и в обуви. Она любила обувь с длинным заостренным носком. Александра Федоровна обычно носила замшевые золотистого или белого цвета туфельки.

Императрица прекрасно разбиралась в качестве ювелирных изделий, «перстни и браслеты она действительно любила и всегда носила перстень с крупной жемчужиной, а также крест, усыпанный драгоценными камнями».

В соответствии с программой очередного дня Александра Федоровна сама составляла список вещей, которые она предполагала одеть на следующий день. Комнатные девушки тщательно готовили одежду, выкладывая ее в гардеробной. У прислуги в распоряжении были электроутюги и гладильные доски, а в списке поставщиков значились специалисты по чистке и покраске одежды. Кроме этого, вся одежда императорской семьи стиралась только в механической прачечной Аничкова дворца. Одевалась императрица сама, без посторонней помощи.

«Идет, бывало, Государь, — рассказывали придворные, охранники, — нисколько не меняешься. Идет она — как-то невольно обязательно одернешься и подтянешься».

«Страдать, но не терять мужество — вот в чем величие. Куда бы ни вел нас Бог, везде мы Его найдем, и в самом изматывающем деле, и в самом спокойном размышлении», — это убеждение императрицы накладывало отпечаток на ее внешний облик.

АЛИКС И РАСПУТИН

Однажды в 1907 году в Царском Селе Алексей упал в саду. Как и в прежних случаях, нога в месте удара сильно распухла, удар при падении вызвал внутреннее кровотечение. К полуночи врачам кровотечение остановить не удалось.

Александра Федоровна, отчаявшись спасти жизнь сына с помощью докторов, попросила вызвать помолиться Распутина.

Великая княгиня Ольга Александровна так описала этот случай:

«Он приехал во Дворец около полуночи или даже позднее. Я к этому времени ушла к себе, а рано утром Аликс позвала меня к Алекею. Я глазам своим не поверила. Мальчик был не только жив — у него был здоровый вид. Он сидел в постели, температура нормальная, глаза ясные, и не следа опухоли на ноге. Вчерашний ужас стал бесконечно далеким кошмаром. Позже я узнала, что Распутин даже не дотронулся до ребенка, а просто стоял у постели в ногах и молился. Конечно, тут нашлись люди, утверждавшие, что молитва Распутина просто совпала случайно с выздоровлением моего племянника. Но прежде всего — любой доктор подтвердит, что такие сильные приступы не проходят за какие-то несколько часов. Во-вторых, такое совпадение могло быть, скажем, раз или два, но я даже не могу сосчитать, сколько раз повторялись такие случаи».

Это было и с маленьким сыном Лили Ден (подруга императрицы), и с Анной Вырубовой (фрейлина и ближайшая подруга императрицы). Они были спасены благодаря молитвам Григория Распутина. Согласно свидетельству баронессы Буксгевден, даже премьер-министр Столыпин, вопреки личной антипатии к Распутину, призвал его помолиться у постели своей дочери, когда взрывом бомбы террориста, брошенной в премьер-министра, она была тяжело ранена и искалечена.

Особенно злостными были слухи о частых посещениях Дворца Распутиным. По словам же Великой княгини Ольги Александровны, баронессы Буксгевден, Лили Ден, Пьера Жильяра и Анны Вырубовой, он бывал во Дворце крайне редко. Вначале после своего представления ко Двору раз

в месяц, а потом еще реже. Баронесса Буксгевден писала: "Я жила в Александровском дворце с 1913 по 1917 год, моя комната была рядом по коридору с детской. Ни разу я не видела Распутина в обществе Великих княжон».

Александра Феодоровна однажды обмолвилась, когда ей в очередной раз донесли гадости о Распутине: «Они его ненавидят за то, что он любит нас». Это подтвердил и В. Н. Воейков, комендант Царскосельского дворца: «Трудно найти ответ на эти доводы, потому что и Император, и Императрица все больше убеждались — и не без оснований, — что любой приближенный к ним человек, пользующийся их доверием, обязательно должен пасть жертвой лжецов и завистников».

Воспитатель Наследника француз П. Жильяр один из немногих понял истинную причину поведения Александры Федоровны:

«Обращение в православие Государыни было следствием искренней веры. Православная религия вполне отвечала ее мистическому настроению, и ее воображение должно было прельститься стариной и наивностью обрядов этой веры. Распутин был облечен в ее глазах обаянием и святостью старца. Таковы были чувства, с которыми Императрица относилась к Распутину и которые были так гнусно извращены клеветой. Они имели своим источником самое благородное чувство, какое способно наполнить сердце женщины, — материнскую любовь». (П. Жильяр)

Распутин уверял Государыню, что Цесаревич, дожив до 14–15 лет, пойдет на поправку и станет со временем вполне здоровым мужчиной. Все это сбывалось. Какое сердце могло бы не испытывать благодарности? Александра Федоровна никогда не относилась к числу неблагодарных.

Архиепископ Феофан так же объяснял характер отношений императрицы и Распутина.

«У меня никогда не было и нет никаких сомнений отно-

сительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений. Я официально об этом заявляю, как бывший духовник Государыни. Все отношения у Нее сложились и поддерживались исключительно только тем, что Григорий Ефимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого Сына, Наследника Цесаревича, в то время как современная научная медицина была бессильна помочь».

В начале 1912 года на вопрос сестры Государя Великой княгини Ольги Александровны, как Аликс может доверять какому-то мужику, Государыня без обиняков заявила: «Как же Я могу не верить в него, когда Я вижу, что Маленькому всегда лучше, как только он около Него или за Него молится».

Распутин об Александре Федоровне

Эти слова старца приводятся в книге «Дневник Распутина.» М., ЗАО "Олма Медиа Групп". 2008. (Составители канд. ист. н. Д. А. Коцюбинский и канд. ист. н. И. В. Лукоянов)

«Мама — это яркий воск. Свеча перед лицом всего мира. Она — святая. Ибо только святые могут вынести такую муку, как она несет. Несет она муку великую потому, что глаз ее видит дале, чем разум раз-

умеет. Никакой в ней фальши, никакой лжи, никакого обма-

ну. Гордость — большая. Такая — гордая, такая — могучая. Ежели в кого поверит, так уж навсегда обманешь ее.

Отойдет от нее человек, а она все свое твердит. «Коли я в него верила, значит, человек стоящий!».

Вот.

Такая она особенная. Одну только такую и видел в своей жизни. И много людей видал, а понятия об ей не имеют. Думают либо сумасшедшая... либо... же двусмыслие в ней какое. А в ней особенная душа. И ей, в ее святой гордости, никуда, окромя мученичества, пути — нет.

Она чувствует Бога не так как мы, простые, — а когда беседует, то она особенно сливается с Божьей благодатью. Никто так не познал славу, как наша Матушка Императрица. И нередко враг старается навести иные слабости. Она именно подвижница, прошла на опыте, очень умело борется, свято и искусно. Так и далее слышно всем близким знакомым дает пример и велит понять на опыте и на искусстве. Так в настоящее время дает пример детям, поучает более не в обиде, а указывает блаженство в терпении. Дивные дела творяй Господи на всей нашей Матушке России. Были времена, страдали, по ихним теперь молитвам, закроет Господь и не будем страдать и в руки нечестивых не попустит нас Господь во век века. как были Помазанники, так и будут настоящее время, до кончины века, твердо уповаем, что благость Божия не отходит от нас. Аминь».

Нападки на Александру Федоровну

«Государыня знала о кампании, которая велась против нее, — вспоминает воспитатель Алексея П. Жильяр, — И страдала от этого, как от глубокой несправедливости, ибо она приняла свое отечество так же, как новую религию, со всем порывом своего сердца; она была русская по чувствам, так же как православная — по убеждению».

Несмотря на все старания императрицы быть нужной России и людям, стали распространяться слухи о том, что Александра Федоровна делает это в интересах Германии. По тайному приказу императора было проведено расследование «клеветнических слухов о сношениях императрицы с немцами и даже о ее предательстве Родины». Было установлено, что слухи о договоре ее с немцами о сепаратном мире, о передаче врагу русских военных планов и всякого другого распространяются германским генеральным штабом.

«Невольная ее вина состояла в том,— писала Лили Ден,— что она не отдавала себе отчета в том, что в глазах своих подданных она должна сверкать и служить украшением, а не приносить пользу в обыденном смысле этого слова».

Свое веское слово сказал и Николай, отвечая на нападки в адрес жены и просьбу Родзянко отправить ее из Петрограда в Ливадию.

«Императрица — иностранка — и ее, кроме меня, никому защитить. Я никогда и ни при каких обстоятельствах не оставлю ее...»

ПОСТУПКИ АЛИКС

Александра Федоровна была охвачена искренним желанием быть полезной новой стране и ее людям. Вот что писала ее близкая подруга Анна Вырубова:

«Императрице, пришедшей к ним из маленького немецкого княжества, где каждый, по крайней мере, старался заняться каким-нибудь полезным делом, не по вкусу пришла праздная и равнодушная атмосфера русского высшего общества. С энтузиазмом принялась она в первые же дни своей власти предпринимать попытки изменить что-нибудь к лучшему. Один из ее первых проектов — организация общества рукодельниц, состоящего из придворных дам

и кружков, каждый из членов которого должен был своими руками сшить три платья в год для бедных. Кружок этот, к сожалению, процветал недолго. Слишком чужой была идея для нашей почвы. Тем не менее, Императрица настаивала на создании по всей России трудовых домов, мастерских, где могли бы найти работу безработные мужчины и женщины, особенно те несчастные женщины, которые из-за своего нравственного падения потеряли положение в обществе».

К 1 января 1909 года под покровительством императрицы состоялось в общей сложности 33 благотворительных общества, общин сестер милосердия, убежищ, приютов и тому подобных учреждений, среди них:

Комитет по приисканию мест воинским чинам, пострадавшим на войне с Японией,

Дом призрения для увечных воинов,

Императорское женское патриотическое общество,

Попечительство о трудовой помощи,

школа нянь Её Величества в Царском Селе,

Петергофское общество вспомоществования бедным,

Общество помощи одеждой бедным Санкт-Петербурга,

Братство во имя Царицы Небесной для призрения детей-идиотов и эпилептиков, Александрийский приют для женщин и т. д..

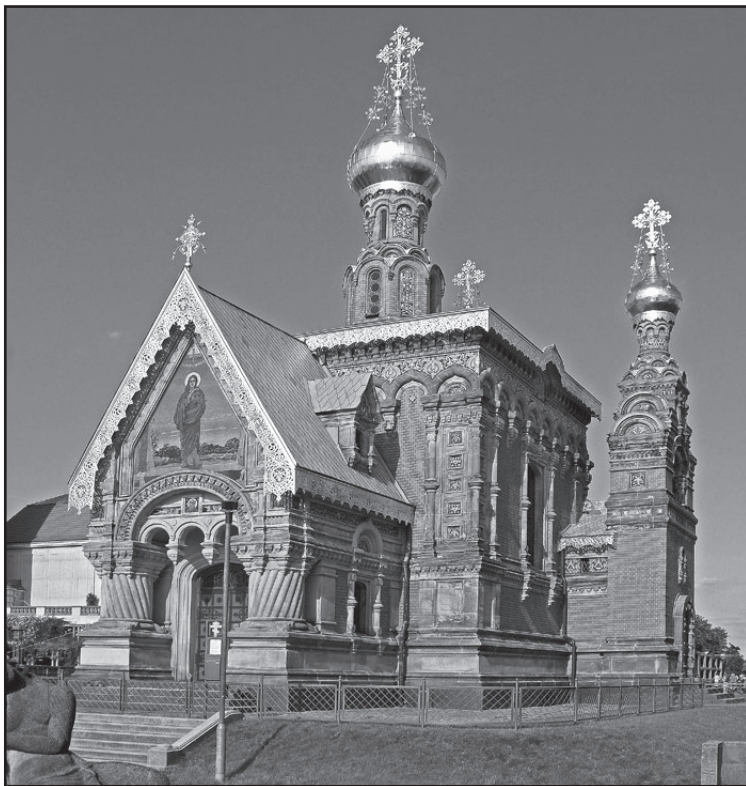
«Чем дольше я живу, тем отчетливее понимаю, что главная разница между людьми сильными и слабыми, великими и ничтожными — это энергия, непобедимая решимость, твердая цель, при которых и смерть — победа».

В 1897 в Дармштадте началось строительство православной церкви Марии Магдалины, действующей и в настоящее время.

Решение построить церковь было вызвано желанием Николая II и Александры Фёдоровны иметь возможность посещать православный храм во время пребывания в родном городе императрицы.

На закладку храма Аликс и Николай приехали с двухлетней Ольгой и пятимесячной Татьяной. 4 (16) октября 1897 года в присутствии императорской и герцогской семей на месте будущего храма была проведена служба протопресвитером Иоанном Янышевым.

На строительство было истрчено личных средств императора на сумму 310 000 рублей (400 000 марок золотом).

Автором проекта был архитектор Л. Н. Бенуа; строительство велось под непосредственным руководством архитектора Густава Якоби, а затем его помощника — Фридриха Оллериха. Мозаика в приделе была создана Иваном Васнецовым, росписи на стене профессором Перминовым, а мозаичное

панно над фронтоном, изображающее св. Марию Магдалину, покровительницу храма -художником Фроловым.

Ценный кавказский мрамор для постройки был доставлен из России. Также из России была привезена земля под фундамент, собранная в нескольких губерниях Российской империи, чтобы храм стоял на родной русской земле.

Храму были преподнесены предметы церковного обихода — хоругви и синее аналойное покрывало, вышитые самой Государыней.

26 сентября (8 октября) 1899 года церковь была освящена во имя святой Равноапостольной Марии Магдалины. На это торжество приехали русские император и императрица уже с тремя детьми — Ольгой, Татьяной и 4-х месячной Марией.

«Мы не можем, — писала она в своем дневнике, — взрастить любовь в своих сердцах к другим без Божественного вдохновения. Прекрасные качества христианского характера -это не обычные добродетели. Ничто, кроме любви Господа, не может пробудить в нас духовные силы и возможности». Их же сама Александра Фодоровна проявляла с течением времени все больше и больше.

В годы Первой мировой войны царица занялась деятельностью, просто невысказанной для человека ее звания и положения. Она не только патронировала санитарные отряды, учреждала и опекала лазареты, в том числе и в царскосельских дворцах, но вместе со своими старшими дочерьми окончила фельдшерские курсы и стала работать медсестрой. Императрица обмывала раны, делала перевязки, ассистировала при операциях. Занималась она этим не для рекламы собственной персоны (чем отличались многие представительницы высшего общества), а по зову сердца. «Лазаретная служба» не вызывала понимания в аристократических салонах, где считали, что это «умалняет престиж высшей власти».

Из воспоминаний дочери лейб-медика Е. С. Боткина Татьяны Евгеньевны Мельник (Боткиной): «Однажды в Царском Селе на Братском кладбище хоронили скончавшегося в одном из царскосельских лазаретов офицера. Один из наших друзей-офицеров поехал на вечернюю панихиду и рассказывал нам впоследствии, как глубоко он был потрясен всем им виденным. Служба еще не начиналась, но публики в церкви собралось много, и в маленькой церкви стало так душно, что он вышел на улицу. Темнело, и в сумраке весеннего дня кое-где белели кресты могил. Вдруг у ограды кладбища остановился автомобиль, из которого вышла дама, вся в черном, и, войдя в ограду, остановилась у первой же могилы, осеняя себя крестным знаменем. Офицер отошел из скромности возможно дальше и ожидал, что дама сейчас уедет или пройдет в церковь. Но велико было его удивление, когда она, отойдя от одной могилы, пошла дальше и, остановившись с молитвой перед следующей, обошла все кладбище, молясь перед каждым крестом. Когда она дошла до офицера, он узнал в ней Государыню Императрицу, которая одна ночью молилась за души погибших своих подданных...»

Не только по воскресеньям, но и в будни Александра Федоровна старалась бывать на богослужениях. Обычно ехала в дальние приходы, при этом скромно одевалась и закрывала лицо вуалью. В церкви она всегда чувствовала себя лучше и со слезами вымаливала у Бога облегчение участи всех, и живых, и ушедших, и всей России. Можно верить дошедшим до наших дней ее словам, сказанным в страшные для нее дни весны 1917 года: «Да я лучше буду последней поломойкой, но останусь в России».

2 марта 1917 года Николай подписал отречение и 9 марта вернулся во дворец. Анна Вырубова записала в дневнике:

«Как пятнадцатилетняя девочка бежала она по бесконечным лестницам и коридорам дворца ему навстречу. Встретившись, они обнялись, и оставшись наедине разрыдались...»

НАЧАЛО КОНЦА

От Государыни Императрицы Александры Федоровны ответ штабс-капитану А. В. Сыроболярскому, который после ранения был на лечении в госпитале Александры Федоровны в Царском Селе и с тех пор поддерживал переписку с ней и Великими Княжнами.

Царское Село, 29 мая 1917 года

(до расстрела в подвале Ипатьевского дома оставался один год, один месяц и 17 дней)

«Настроение Ваше такое грустное, мрачное, безнадежный взгляд на все. Если бы виделись, может быть, могла бы немного помогать, облегчить и выяснить, а на бумаге не умею, не знаю, как писать, не то выходит и кажется так пусто. Сильно хочется помочь и постараться мрак рассеять. Не надо так на все смотреть, не все потеряно, Господь спасет еще дорогую Родину, но терпеливо придется ждать (конечно, сложа руки — самое трудное), но это должно кончиться.

Вы про историю говорите. Да, все это было раньше и будет опять, все повторяется, но иногда Господь Бог по иным путям народ спасает. **В людей, Вы знаете, Я почти не верю, но зато всем Своим существом — в Бога, и все, что случится, не отнимет эту веру...**

Я знаю одного старика, который долго сидел, выпустили, опять сидит, и он стал светлым, глубоко верующим и любовью к Г [осударю] и веру в Него и Бога не терял. **Если награда не здесь, то там, в другом мире, и для этого мы и живем.**

Здесь все проходит, там — светлая вечность. О, верьте этому! (выделено автором).

Вы молоды, Вам трудно об этом думать, но раз в жизни пострадаете — найдете в этом утешение. Испытания всем нужны, но надо показать и твердость во всем и все перенести с крепкой верующей душой. Нет таких невзгод, которые бы не проходили. Господь Наш это обещал в Своем бесконечном милосердии, и мы знаем, какое непостижимое блаженство Он готовит любящим Его. *Помоги Он всем перенести с такой покорностью Его святую волю... “Не все на небе будет ночь, авось и солнышко проглянет”...*

Вы Меня хорошо знаете и понимаете мое искреннее желание помочь Вам. Люди плохи, и Он наказывает, наказывает примером. Царство зла теперь на земле. Но Он выше всего, Он все может повернуть к лучшему. Увидим еще лучшие дни. Вы молоды, увидите еще другое, не будьте малодушным. *У кого совесть чиста, тот и клевету, и несправедливость легче переносит, Не для себя мы живем, а для других, для Родины (так это и понимали). Больше, чем Он [Государь] делал, невозможно.* Но раз сказали для общего блага... Но не верю, что Господь не вознаградит за это. А те, которые так гнусно поступили, им глаза будут открыты, у многих это уже и есть.

Психология массы — страшная вещь. Наш народ уж очень некультурен — оттого, как стадо баранов, идут за волной. Но дать им понять, что обмануты, — все может пойти по иному пути. Способный народ, но серый, ничего не понимает. Раз плохие везде работают на гибель, пускай хорошие стараются спасти страну....»

Александра Федоровна очень волнуется. Акцент усиливается, речь немного сумбурна, но сила убеждения невероятно высока. Не случайно адресат письма императрицы стал активным участником гражданской войны в Сибири и через три года был произведен в чин генерал-майора.

Из Тобольска, где царская семья была в ссылке с 13 августа 1917 года почти 9 месяцев, в письме к Анне Вырубовой императрица писала:

«Милая, родная моя... Да, прошлое кончено. Благодарю Бога за все, что было, что получила — и буду жить воспоминаниями, которые никто у меня не отнимет... Какая я стала старая, но чувствую себя матерью страны, и страдаю как за своего ребенка и люблю мою Родину, несмотря на все ужасы теперь... Ты же знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца, и Россию тоже... Несмотря на черную неблагодарность Государю, которая разрывает мое сердце... Господи, смилуйся и спаси Россию».

С 30 апреля 1918 года в Екатеринбурге начинается последний длиной в 53 дня отрезок жизни царской семьи. Двери в их комнаты закрывать было запрещено. В любой момент могла открыться дверь из передней и войти охранники, которые постоянно пьянствовали и воровали вещи у царской семьи. «В сарае, — пишет в дневнике Николай Второй, — где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Все это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно!»

Из воспоминаний караульного Стрекотина:

«Редко на прогулку выходили домочадцы Романовых — Боткин, Демидова, Харитонов и Трупп. Редко выходила царица, да и то ненадолго. Высокая, стройная, всегда серьезная, гордая и молчаливая, она шла, придерживая сбоку свое длинное темное платье».

На прогулку в сад выпускали два раза в день: в 10 часов утра и в 16 часов. Длительность прогулок была невелика, каждая по полчаса.

14 июля было разрешено совершить богослужение для царской семьи. Проводивший службу протоиерей Сторожев рассказал:

«По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитву «Со святыми упокой». Почему-то на этот раз диакон вместо прочтения запел эту молитву. Стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава. Но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня члены Семьи Романовых опустили на колени...»

Тремя днями ранее, 11 июля Юровский (*комендант Ипатьевского дома*) вместе с Ермаковым (*командир красногвардейского отряда, организатор расстрельной и похоронной команд*) возле деревни Коптяки в районе Ганиной ямы подыскали место для тайного захоронения.

В это же время по приказу областного комиссара Войкова они запаслись для грузовика керосином, для расстрельной команды спиртом, для заворачивания трупов сукном. Но этого мало! Тела на всякий нужно сделать неузнаваемыми, а также постараться уничтожить запах!

На склад срочно посылается посыльный с запиской.

«Предлагаю немедленно без всякой задержки и отговорок выдать из Вашего склада пять пудов серной кислоты предьявителю сего.

Обл. комиссар Екатеринбурга Войков».

А вдруг не хватит? И на склад снова идет посыльный со второй запиской.

«Предлагаю выделить еще три кувшина японской серной кислоты предьявителю сего.

Обл. комиссар Екатеринбурга Войков.»

Яков Юровский. 1918 года

На следующий день после богослужения для царской семьи, то есть 15 июля, Юровский еще раз обходит намеченные под захоронения места. Все готово для совершения акта возмездия!

Последняя запись в дневнике Александры Фёдоровны значится вторником 16 июля 1918 года:

«...Каждое утро Коменд. (*Юровский*) приходит в наши комнаты. Наконец по прошествии недели снова принесли яйца для Бэби. ...Внезапно прислали за Лёнкой Седнёвым, чтобы он пошел и попроведовал своего дядю, и он поспешно

убежал, гадаем, правда ли все это и увидим ли мы мальчика снова...»

В этот же вечер, 16 июля, за подписью Зиновьева Г.Е. в Кремль была передана копия телеграммы из Екатеринбурга: «Москва, Кремль Свердлову, копия Ленину, из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее:

Сообщите Москву, что условленного с Филипповым суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства, ждать не можем. Если ваше мнение противоположно сейчас же вне всякой очереди сообщите. Голощекин, Сафаров.

Снесите по этому поводу сами с Екатеринбургом. Зиновьев».

На конспиративном языке, на который революционеры были большие мастера, это значило, что, «суд» — конспиративное название расстрела семьи Николая, оговоренное в начале июля Голощекиным (партийная кличка товарищ Филипп) и Свердловым, «не терпит отлагательства». Свердлов тут же отправил посыльного Акимова на телеграф с приказом после отправки изъять и копию телеграммы, и телеграфную ленту.

Юровский в своих воспоминаниях написал, что вечером 16 июля из Перми в Екатеринбурге «была получена телеграмма на условном языке, содержащая приказ об истреблении Романовых». Пермские органы власти подчинялись Уралсовету и потому не могли ему приказывать. Приказ пришел именно из Москвы, но через Пермь. Таким образом замечались следы.

ФИНАЛ ЖИЗНИ

Юровский постучал в дверь комнаты, где спали лейб-медик Боткин, повар Харитонов и камердинер Трупп. Юровский вызвал доктора Боткина и приказал разбудить царскую семью. В городе тревожно и оставаться на верхнем этаже опасно, нужно сойти вниз, на нижний этаж. Боткин прошел через столовую и постучал в комнаты великих княжен и комнатной девушки императрицы. Вход в комнату к Аликс с наследником и Николаем был через комнату великих княжен. Собирались все около часа. Вышли одетые в платья, без верхней одежды и головных уборов. Анастасия несла на руках своего спаниеля по имени Джими. Спаниель цесаревича. Джой бежал следом за Николаем, который нес на руках нездорового Алексея. Оба были одеты в гимнастерки и с военными фуражками на головах, как положено по уставу. Мария и Татьяна несли небольшие подушечки для Аликс и Алексея, тихо переговаривась: перед выходом Татьяна не нашла своего французского бульдога Ортино, где-то спрятавшегося, и он остался в их

комнате один. Ольга шла с Александрой Федоровной, бережно поддерживая ее под локоть. Следом — лейб-медик Евгений Боткин, повар Иван Харитонов, камердинер Алексей Трупп, и тоже с белыми подушками в руках комнатная девушка царицы Анна Демидова. На лестничной площадке второго этажа перед внутренней лестницей на первый этаж стояло чучело медведицы с двумя медвежатами. Все крепстились, проходя мимо чучела, и спускались вниз следом за Юровским во внутренний двор особняка. Где-то за домом тарахтел мотор грузовика. Ночная прохлада, о которой Аликс еще вечером отметила в дневнике «15 градусов», заставила ее зябко передернуть плечами. Ольга заботливо обняла мать за плечи. Аликс благодарно улыбнулась дочери и тут же сделала строгое лицо Алексею. Джой в это время вдруг весело мотнул головой и помчался в глубь сада, а Алексей приподнялся на руке отца, чтобы окликнуть собаку. Аликс хотела дать понять наследнику, что нехорошо кричать при всех, как маленькому ребенку. Джой часто убегал и даже не ночевал дома. И Алексей покорно склонил голову на плечо отца, который еще крепче обнял его. Юровский взбежал на маленькое крылечко черного входа на нижний этаж дома, мрачно обвел всех взглядом, подождал, пока все подтянутся ближе, и шагнул за двери. Джой увидел из глубины сада, как последней входит во внутрь комнатная девушка хозяйки наследника, рванулся было следом, но двери захлопнулись. И Джой повернул назад. Он прибежал к мусорной куче, что была на заднем дворе. За забором возле навеса стоял и тарахтел грузовик, наполняя воздух едким дымом. Джой чихнул, чтобы лучше принюхаться к куче, и замер. Сквозь грохот мотора из нижнего этажа дома донеслись выстрелы. А потом наверху, в комнате великих княжен, очаянно завыл Ортино. Перепуганный Джой бросился вон от кучи в сад.

Из показаний охранника Филиппа Проскуракова

«В комнатах стоял как бы туман от порохового дыма и пахло порохом. В задней комнате с решеткой в окне, которая рядом с кладовой, в стенах и в полу были удары пуль. Пуль особенно было много в той стене, что напротив входной двери, но были следы пуль и в других стенах. Там, где в стенах и полу были пулевые отверстия, вокруг них была кровь; на стенах она была брызгами и пятнами; на полу — маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и во всех других комнатах, через которые нужно было проходить во двор дома Ипатьева, где были следы от пуль. Были такие же следы крови и во дворе к воротам на камнях. Ясное дело, в этой именно комнате с решеткой незадолго до нашего со Столовым прихода расстреляли много людей. Увидев все это, я стал спрашивать Медведева и Александра Стрекотина, что произошло? Они мне сказали, что только что расстреляли всю царскую семью и всех бывших с нею лиц, кроме мальчика».

Джой прятался в кустах, пока не рассвело. Голод не тетка, и он снова отправился к мусорной куче. Не подбежав и трех шагов к ней, остановился. От кучи шел неприятный запах крови и гниения, которого вечером еще не было. Вытянув морду, Джой еще раз понюхал воздух и подошел совсем близко. На куче мусора с огромной раной в боку лежал мертвый Ортино.

В это время за беседкой стукнула калитка, которая вела во двор. К мусорной куче вышел пьяно пошатываясь охранник с охапкой рваных простыней и покрывал в красных разводах. Джой прошмыгнул во двор, затем в открытые парадные двери на нижний этаж. В комнате справа, из которой шел терпкий запах мокрых опилок и замытой крови, возилось несколько охранников. Джой прокрался мимо открытых дверей и чуть не взвизгнул от радости. Он учуял слабый, но родной запах духов хозяйки его младшего хозяина. Пови-

нуясь вспыхнувшему в сердце охотничьему инстинкту, Джой бесшумно пронесся через анфиладу комнат нижнего этажа к черному входу, потом по внутренней лестнице на площадку верхнего этажа с чучелами медведей в прихожую и замер у закрытых дверей.

Из показаний охранника Анатолия Якимова

«... Дверь из прихожей в комнаты, где проживала царская семья, по-прежнему была закрыта... но там была полная тишина. Раньше, там слышались голоса и шаги. Было тихо и только собака (Джой), стояла у дверей в комнаты, где жила царская семья, ожидая, когда ее впустят. Хорошо помню, я тогда еще подумал: «Зря ждешь».

Джой, положив голову на передние лапы, неподвижно лежал в прихожей возле дверей в комнаты своих куда-то пропавших хозяев уже четвертые сутки. Из полуприкрытых мутных глаз медленно стекали одна за одной маленькие слезинки. Он не заметил, как над ним склонился какой-то человек с большим узлом из скатерти за плечом.

— Сколько хожу уже мимо, а ты все лежишь. Сдохнешь с голодухи. Хочешь хлеба?

Джой, не поднимая головы, только покосился в его сторону.

— Жалко, коли сдохнешь. Больно красивая ты, псина! Ни у кого такой не видал. Пойдешь со мной?

Джой закрыл глаза, выдавив из под век на пару слезинок больше. Человек принял это за радостное согласие и вытащил из узла длинный шнур с кисточкой на конце.

— Ишь ты, прям бант на шее получился. Ну все, давай пошли!

Человек силком поднял Джоя с пола и потащил вниз по лестнице на нижний этаж. Пролез через выломанную заранее дыру в малом заборе и повернул было направо к воротам, как от часовни кто-то громко окликнул.

— Летемин! А собаку пошто взял?

— Фу, леший, напугал!

— Собаку пошто, говорю, взял?

— Да жалко! Сдохнет ведь.

— Жалостливый ты больно, Летемин! И жадный!

Человек ничего не ответил и поспешил к воротам.

Из протокола следствия

«При допросе его (*Михаила Летемина*) членом суда Сергеевым 18–19 октября 1918 года он показал, что все эти вещи после убийства царской семьи он взял 22 июля 1918 года из дома Ипатьева и его служб как брошенные. Собаку Наследника Цесаревича Джоя он изъял потому, что “пожалел” ее».

(Список похищенных личных вещей императорской семьи, в основном Наследника, составил 79 предметов, включая собаку.)

Человек оставил Джоя на привязи в сарае. Но уже через день пес перегрыз шнур и сбежал. Вернули его назад мальчишки, игравшие у озера Шувакиш и заметившие как-то странно, кругами, бегущую в сторону д. Коптяки красивую лохматую собаку с красной веревкой на шее. Она оказалась почти слепой. Человек хотел было Джоя поучить огрызком красной веревки, но не посмел и запер Джоя в сарай. А через пару дней открыл сарай, и Джой стал бродить по улицам, возвращаясь на ночь обратно, потому что стал бояться темноты.

Через несколько ночей в городе стало тревожно. Стали бегать люди, скрипеть телеги, ездить автомобили. Джой настороженно нюхал воздух, потому что пахло почти так же, как тогда, когда исчезли его обожаемый маленький хозяин, хозяйка, большой хозяин и великие княжны. А потом наступила тишина. Джой побежал по улице, едва различая обочину и заборы. И вдруг остановился, как вкопанный.

Навстречу ему по дороге мерным шагом шли люди. Джой их почти не видел, но запах... запах, который волной шел от них, очень был похож на запах гимнастерки большого хозяина, когда они ходили на охоту. Заскулив, Джой сел на задние лапы и поднял правую. Кто-то в толпе шагавших громко сказал:

— Гляди! Собака-то господская!

— Давно, видать мыкается. Очень грязная!

— Надо его высокоблагородию сказать про нее.

— Вот и скажи!..

Прошла мимо Джоя одна мерно шагавшая толпа, потом другая. А пес стоял и стоял с поднятой лапой и слезы текли и текли из его полуослепших глаз.

Шло время. Лето сменилось осенью. Отощавший до того, что даже сквозь густую шерсть были видны ребра, Джой все так же бродил по улицам города, возвращаясь на ночь в сарай. Человек его не кормил, но и не гнал, сам жил в доме тихо, не высываясь.

А потом, когда уже с деревьев полетели первые желтые листья, случилось чудо. Джой, как всегда, утром вылез из сарая и побрел улицей, как вдруг услышал скрип хромовых сапог и учуял запах кожаной офицерской португепи.

— Джой, — чей-то голос назвал его по имени.

Джой сел на задние лапы и насторожился. Перед ним стоял офицер. Голос его был незнаком, но звучал ласково. И Джой доверчиво поднял правую лапу.

Комментарий

«Павел Родзянко, поручик Кавалергардского полка, один лучших конников мира. В 1916 году Родзянко был офицером сопровождения английского подполковника Альфреда Нокса. В начале 1917 года у Родзянко была аудиенция у Государя. Здесь он и увидел наследника с собакой Джоем. Собака ему понравилась. Чтобы сделать Алексею приятно, он похвалил собаку. Мальчик улыбнулся, посмотрел в глаза будущему спасителю Джоя и почему-то вздохнул. Его позвала Мать, и он убежал. Джой несся кругами вокруг него, а перед Аликс затанцевал на задних лапах. Все выглядело умиротворенно. Но сердцем Родзянко понял, что видит царскую семью в последний раз. И на глазах у этого сильного человека выступили слезы.»

Сразу после отречения Государя Родзянко уехал в Англию. В Лондоне он встретил теперь уже генерала Нокса. По его протекции Родзянко был назначен денщиком командира кавалерийского полка и начал обучать конной езде молодых офицеров. Чуть позже благодаря хлопотам Нокса, король издал специальный приказ, по которому Родзянко получал звание полковника британской армии и прикомандировывался к Ноксу, который был назначен командующим экспедиционными силами на Дальнем Востоке и в Сибири.

На путях Омского вокзала в вагонах тогда жили многие официальные лица, например, представители британской военно-морской миссии.

Во время постоянных разъездов по транссибирской железной дороге. Родзянко узнал о гибели царской семьи. Нокс был осведомлен о причинах отказа принять семью Николая Второго его кузеном королем Георгом Пятым. Возможность узнать новые обстоятельства гибели царя и его семьи не помешало бы передать королю. И осенью 1918 года Нокс дает поручение Родзянко поехать в Екатеринбург. Вместе со следователем Сергеевым Родзянко несколько раз посетил и ос-

мотрел дом Ипатьева, до сих пор окруженный наружным забором. На улицах Екатеринбурга он и встретил Джоя».

Отмытый и расчесанный, Джой немного оживился и даже поел из рук офицера. Спать его положили в комнате, где спал сам офицер, на свернутое одеяло у дверей. Офицер уходил по утрам куда-то, возвращался поздно. Джой все время лежал на одеяле, не притрагиваясь к оставленной еде. Оживлялся с приходом офицера, ел из его рук. А однажды офицер вытащил из-под кровати чемодан, собрал в него вещи, а Джою на шею одел великолепный кожаный ошейник. Джой покорно пошел за ним. По дороге к вокзалу шли мимо дома с высоким забором. И тут Джой словно проснулся. Он рванулся в сторону дома так, что офицеру пришлось перехватить ремень ошейника как лошадиный повод. Так они и шли. Джой рвался к дому, а офицер, ласково уговаривая, тащил его в сторону вокзала. Только на перроне Джой, поскулив, угомонился. Вагон поезда, в котором офицер и Джой ехали, был полон странных людей с мешками и узлами. Когда они зашумели, указывая на собаку, офицер вытащил револьвер. И купе, где они расположились, сразу опустело. Джой молча подошел к офицеру и положил голову ему на колени. Джой умел быть благодарным. Скоро поезд прибыл на станцию, забитую вагонами, в которых жили люди. В один из таких вагонов офицер привел Джоя. Джой помнил такие жилые вагоны и не удивился, когда навстречу к ним встал щупленький человек с погонами генерала. Офицер о чем-то должен генералу. Тот присел перед Джою на корточки и погладил по голове. На глазах его блеснули слезы. С этих пор Джой часто оставался с генералом, если офицер куда-нибудь уезжал.

Комментарий

Специальным предписанием Верховного Правителя Колчака от 17 января 1919 г. на генерала Дитерихса возлагалось «общее руководство по расследованию и следствию по делу об убийстве на Урале Членов Августейшей Семьи и других Членов Дома Романовых». Расследование обстоятельств гибели Царской Семьи началось сразу же после освобождения Екатеринбурга от большевиков летом 1918 г.

Из воспоминаний баронессы Буксгевден «Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России»:

«Генерал Дитерихс мне говорил, что маленький спаниель Цесаревича Джой жил с ним в Омске...

Эта собачка была постоянным спутником маленького хозяина, и ее взяли в Тобольск и Екатеринбург. В Тобольске Цесаревича часто забавляла сообразительность собачки по отношению к капризам комиссаров, поскольку Джой всегда подглядывал, когда я проходила мимо, и старался пролезть под воротами и весело меня поприветствовать...

Казалось, что собачка все время искала своего хозяина, и его отсутствие ее так печалило и удручало, что она едва прикасалась к еде, даже когда о ней ласково заботились. Я пошла поглядеть на Джоя. И он, видимо, по своей собачьей наивности подумав, что вместе со мной обязательно появиться и его хозяева, заметно оживился. Я никогда не видела собаку в таком волнении. Когда я позвала его, он мгновенно выскочил из вагона и бросился через платформу ко мне, подпрыгивая и делая вокруг меня широкие круги, и не прильнул ко мне передними лапами, но вышагивал на задних лапах, как цирковая собака...

Генерал Дитерихс сказал мне, что он до этого никого так

не приветствовал, а я приписала это тому, что моя одежда, которая была той же, что я носила в Тобольске, все еще имела знакомый запах, при том, что я его особенно не ласкала. Когда я ушла, Джой пролежал целый день у двери, через которую я ушла. Он отказался от еды и снова погрузился в свое обычное состояние отчаяния».

Наступил день, когда вагон сменился каютой парохода. Качка и холод с брызгами соленой воды из дверей каюты, казалось, никогда не закончатся. Джой почти не вставал со своего свернутого одеяла. Офицер тоже большую часть времени проводил в койке даже не снимая сапог. А когда офицер однажды вернулся весь сияющий и начал собирать чемодан, согнав с одеяла Джоя, тот даже гавкнул, удивленный таким поведением офицера. Но потом все понял и завилял хвостом. За бортом опостылевшего судна он разглядел быстро приближавшийся берег. Чуткий нос Джоя учуял запах овсянки, шедший оттуда, и пес тихо заскулил. Этот запах напомнил ему обеды семьи большого хозяина, после которых он часто и подолгу гулял с маленьким хозяином. На суше все снова вошло в свою колею, даже стало лучше. У офицера появился дом и небольшая конюшня возле большого сада, который называли королевским. Джой иногда бегал вокруг лошадей, и они стояли смирно, боясь наступить на тыкавшийся им в ноги смешной комочек. А однажды Джоя выкупали, тщательно расчесали и понесли на руках через сад. Джой догадался, это чтобы он не вымазал лапы, и не ошибся. В огромном зале его опустили на блестящий мраморный пол. Офицер одел ему на шею новый кожаный ошейник и встал навтыжку. Потянулись минуты непонятного ожидания. А потом в зал вошел человек, одетый в расшитый золотом синий мундир, Его лицо смутно напомнило полуслепому Джюю лицо большого хозяина. Но запах от человека исходил чужой, потому Джой даже не вильнул хвостом. Джой не знал, что это был король Георг 5. Король и большой хозяин были очень похожи друг на друга. Ко-

роль пришел посмотреть на Джоя, единственно уцелевшего в кровавой драме. Простоял он недолго и даже не сделал попытки погладить Джоя. А ушел поспешно, словно торопился побыстрее избавиться от присутствия бедной собаки. Больше они не встречались. Прошло несколько лет. Джой совсем ослеп, почти перестал ходить, больше лежал, но всегда выходил встречать офицера. Однажды поздним вечером, вернувшись домой, офицер не увидел Джоя. Он прошел в дружную комнату, где всегда находился пес, и увидел его лежащим напротив открытого окна. Глаза Джоя были широко раскрыты, он еле слышно скулил. Офицер встал на одно колено, погладил Джоя по голове. Но тот уже его не видел.

Джой мчался через какую-то пелену к далекому светлому пятну высоко над горизонтом. Вокруг пятна клубились мутные враждебные вихри. Но Джой не боялся их. И от этого мчался все быстрее.

А когда Джой достиг пятна, то вдруг очутился в море света, в котором сквозь легкую дымку в его сторону заструились яркие огни горнего света. А в них он увидел обожаемых хозяев, которых так долго ждал.

Маленький хозяин, улыбаясь, протягивал к Джюю руки.

Большой хозяин, пряча улыбку, разглаживал усы правой рукой, а левую держал по-военному по швам.

Великие княжны радостно хлопали ему в ладоши и весело смеялись.

А хозяйка стояла позади них, сложив перед собой руки, и ласково улыбалась, глядя на всех своими чудными темно-серыми глазами. И скорбь за всех своих близких и печаль, что не смогла сохранить для земного служения сына-наследника, тенью пробежали по ее лицу.

Джой, как в прежней жизни, оббежал несколько раз вокруг всех широкими кругами и затанцевал на задних лапах перед хозяйкой. И не было пределов его ликования.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Икона Феодоровской Божией Матери, с которой императрица венчалась и потому никогда не расставалась, после убийства ее и всей семьи была выброшена за ненадобностью на помойку во дворе Ипатьевского дома. Украшавший икону венчик из крупных бриллиантов был отломан и исчез вместе с другими драгоценностями царской семьи в Гохране (созданное в 1920 году Государственное хранилище ценностей при Наркомфине Советской республики).

Конечно, эта икона была только списком (копией) подлинной чудотворной Федоровской иконы Божьей Матери, хранившейся в Коломенском соборе. Из всех известных чудотворных икон именно икона Федоровской Божьей матери стала вестником трагических изменений в жизни царской семьи и всей России. Перед отречением от престола царя Николая II образ Божьей матери потемнел и стал почти черным.

король Георг V

Текст письма от 22 сентября 1918 г., написанного королем Георгом V маркизе Виктории Мильфорд (Баттенбергской), старшей сестре теперь уже покойной Александры Федоровны, лицемерно гласил следующее:

«Глубоко сочувствую Вам в трагическом конце Вашей дорогой сестры и ее невинных детей. Но, может быть, для нее самой, кто знает, и лучше, что случилось, ибо после смерти дорогого Ники она вряд ли захотела бы жить. А прелестные девочки, может быть, избежали участь еще более худшую, нежели смерть от рук этих чудовищных зверей».

Комментарий здесь может быть один: гибель государя была предусмотрена заранее, государыне предписывалось умереть следом, имя престолонаследника даже не упоминалось за ненадобностью, а спасение великих княжен от якобы возможных надругательств было ни много ни мало в смерти.

Страшновато читать такое, когда помнишь тексты писем Магды Геббельс сыну Харальду. Той неоднократно, с риском для собственной жизни, как Ханна Райч, предлагали спасти детей. А двоюродный брат государя Николая, «милый Джорджи», король Георг по сути дела предал Николая и его семью. Он открыто признается в этом письме о желательности их гибели. А совесть? Она прикрыта в письме сомнительными предположениями. В дальнейшем это все сменилось разглаживаниями о государственных интересах Англии.

В доме Ипатьева среди вороха разбросанных вещей царской семьи после ее расстрела следственной комиссией было обнаружено Евангелие, в котором оказалось написанное рукой великой княжны Ольги стихотворение «Молитва».

МОЛИТВА

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С твоею кротостью встречать,

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель помоги!

Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час,

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов.

Канонизация семьи Романовых

Останки пяти членов императорской семьи и четверых их слуг, были найдены в июле 1991 г. неподалеку от Екатеринбурга под насыпью Старой Коптяковской дороги.

17 июля 1998 г. останки членов императорской семьи были захоронены в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга.

В июле 2007 г. были найдены останки царевича Алексея и великой княжны Марии и тоже перенесены в Петропавловский собор.

В 1981 Николай Александрович, Александра Федоровна и все остальные члены царской семьи были канонизированы Русской Православной Церковью за Рубежом.

20 августа 2000 года они были причислены и Русской Православной Церковью к лику Святых Новомучеников и Исповедников Российских, явленных и неявленных.

В церкви Новомучеников и Исповедников Российских в Строгино (Москва) эта икона Царственных Страстотерпцев находится внутри на южной стене храма. Такая же икона находится в Константино-Михайловской храме (Вильнюс, Литва) также у правой (южной) стены храма.

В 1916 г. Александра Федоровна, будучи в Новгороде, навестила стосемилетнюю старицу-затворницу Марию Михайловну, жившую в Десятинном монастыре. Та встретила ее такими словами: «Вот идет мученица — царица Александра». После благословения поцеловала императрицу и почти шепотом добавила: «А ты, красавица, — тяжелый крест — не страшись...»

При канонизации Александра Фёдоровна стала Царицей Александрой Новой, поскольку уже была среди святых Царица Александра.

Земное служение семьи Романовых русскому народу и российской державе было прервано безжалостно и цинично большевиками. Сын-престолонаследник Александры Федоровны погиб со всеми вместе в одночасье. И то духовное богатство, которое вложила в его душу мать, так и не освятилось миропомазанием на царство, но стало основой небесного служения. Теперь с икон, а не с фотографий смотрят на нас лики царских страстотерпцев. И глаза их не кричащенимые, а полны кротости и святости.

Обращение к читателю

Когда смотришь на общение матери со своей матерью, т.е. твоей бабушкой, то невольно становишься свидетелем действия родовых генов. Гены, как говорится, пальцем не вытрешь. И невольно начинаешь очерчивать свою жизнь в этом же родовом поле. И стоит ли удивляться, что твоя жизнь, как и поведение, почти точно соизмеряется с материнской.

За что мы любим мать? Не только зато, что она нас родила. Пуповина, соединявшая нас с матерью, давно перерезана, но не прервана связь духовная. Мы, как ни с кем другим, близки с матерью по крови и по духу, хотя взгляды на жизнь могут оказаться у нас разными.

А с возрастом приходит желание понять, кто мы есть и с интересом стараемся узнать, каковы наши корни. Приходит понимание, что они-то и дают объяснение нашему характеру и даже поступкам. Дай Бог всем нам удачи на пути этого познания!

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	4
МАГДА ГЕББЕЛЬС.....	7
МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА БЛАНК.....	60
АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА РОМАНОВА (АЛИКС).....	105

Литературно-художественное издание

Леонид Корниенко
ТРИ СЕМЬИ

Редактор — *Евгений Степанов*
Компьютерная верстка, макет — *Марина Кива*
Корректурa авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 200 экземпляров
Сдано в набор 30.04.2014
Подписано в печать 29.05.2014

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34. Тел. (495) 978-62-75

Типография ИПК «Квадрат»,
Белгородская обл., г. Старый Оскол,
Комсомольский проспект, 73.